

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

LOMONOSOV
LINGUISTICS
AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и међукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturní komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и межкултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал Издательство
Основан в 1946 году Московского
университета

Серия

19

Лингвистика
и межкультурная
коммуникация

№ 1 • 2025

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжская Т.Ю. (отв. секретарь)**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков;
Бубнова Г.И., д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ison)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland Roly) Sussex**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор А.Э. Бекмухамедова

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 07.04.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж 90 экз.
Изд. № 13088. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1,
Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

СОДЕРЖАНИЕ

Современные направления лингвистики и текстологии

<i>Молчанова Г.Г.</i> Деривационные возможности фразового эпитета как источника порождения новых лексем	9
<i>Конурбаев М.Э., Андреева Е.Ю.</i> К вопросу о связности и цельноформленности текста при проведении тембрального анализа	21
<i>Грецкая С.С.</i> Экстралингвистические и лингвистические признаки «метисского футуризма» как средства (ре)конструирования идентичности в художественном тексте	37
<i>Воробьева Е.Ю.</i> Роль когнитивной метафоры в процессе вербализации эмоций (на материале французского языка)	52

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

<i>Титова С.В., Харламенко И.В.</i> Подготовка педагогических кадров к использованию искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам	66
<i>Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.</i> Использование технологий искусственного интеллекта в исследовательской работе студентов	85

Теория и практика обучения иностраннм языкам и РКИ

<i>Басова И.А., Севрюкова А.С.</i> Модели трансъязычия для билингвальной профессиональной подготовки студентов лингводидактических профилей.	102
<i>Юй Цзе.</i> История преподавания английского языка в Китае: путь от Chinese English к China English.	111

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Раевская М.М., Селиванова И.В.</i> Способы и средства трансляции образов страны/государства и нации в институциональном дискурсе современной испанской монархии.	130
---	-----

История, традиции и современные тенденции культуры

<i>Шевлякова Д.А.</i> Проксемический коммуникативный код в представлении культурных ландшафтов Италии в Списке Всемирного наследия человечества ЮНЕСКО.	146
<i>Овчинникова Ю.С., Махлин В.П.</i> Этномузыкальные коды варганного творчества: мост между природой и культурой	158
<i>Калуцков В.Н.</i> Культурно-географические проблемы исследований национального пейзажа (на материале русской литературы).	171
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Роль нарратива в сохранении исторической памяти	186
<i>Маринин О.В., Кротов А.А.</i> Виртуальные архивы России: история и перспективы развития.	198

CONTENTS

Modern Trends in Linguistics and Textology

<i>Molchanova G.G.</i> Phrase epithet derivational possibilities as source of new lexical units	9
<i>Konurbaev M.E., Andreeva E.Yu.</i> On cohesion and coherence in timbral text analysis	21
<i>Gretskaya S.S.</i> Linguistic and extralinguistic aspects of “métis futurism” as a tool for identity (re)construction in fiction	37
<i>Vorobyeva E.Yu.</i> The role of cognitive metaphor in the process of verbalization of emotions (based on the material of French language)	52

Information and Communication Technologies in Education

<i>Titova S.V., Kharlamenko I.V.</i> Training of staff for the use of artificial intelligence in foreign language teaching	66
<i>Sysoyev P.V., Evstigneev M.N.</i> The use of artificial intelligence technologies in the students’ research work	85

Theory and Practice of Foreign Language Teaching and Russian as a Foreign Language

<i>Basova I.A., Sevriukova A.S.</i> Translanguaging models for bilingual professional training of students majoring in linguodidactics	102
<i>Yu Jie.</i> History of teaching English in China: the path from Chinese English to China English	111

Language and Intercultural Communication

<i>Raevskaya M.M., Selivanova I.V.</i> National image and identity in the institutional discourse of the modern Spanish monarchy	130
--	-----

History, Traditions and Modern Trends in Culture

<i>Shevliakova D.A.</i> Proxemic communication code in the representation of cultural landscape of Italy in the UNESCO world heritage list of humanity.	146
<i>Ovchinnikova J.S., Makhlin V.P.</i> Ethnomusical codes of the jew's harp creativity: a bridge between nature and culture.	158
<i>Kalutskov V.N.</i> Cultural and geographical problems of national landscape research (based on material of Russian literature).	171
<i>Minyar-Beloroucheva A.P.</i> Historical narrative as a means for the reconstruction of historical memory	186
<i>Marinin O.V., Krotov A.A.</i> Virtual archives of Russia: history and development prospects	198

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ТЕКСТОЛОГИИ

Г.Г. Молчанова

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРАЗОВОГО ЭПИТЕТА КАК ИСТОЧНИКА ПОРОЖДЕНИЯ НОВЫХ ЛЕКСЕМ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@fl.msu.ru

Аннотация. Изменения, которые происходят в жизни общества, в первую очередь находят отражение в лексике и фразеологии языка. Одним из активных способов пополнения лексического и фразеологического фондов языка является образование слов на базе уже имеющихся в языке фразеологических единиц. В изучении парадигмы «производящий фразеологизм производная лексема» в современной дериватологии получило дальнейшее развитие положение В.В. Виноградова о том, что «фразеологические единицы — это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и источник рождения новых слов» [Виноградов, 1938: 122]. Новые единицы рассматриваются лингвистами в различных аспектах, но явление это до сих пор не признано системой и требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки. Значение этой отрасли знаний о фразеологической системе языка очевидно: изучение деривационных возможностей фразового эпитета приоткрывает завесу над тайной динамических процессов внутри фразеологического состава языка, поскольку фразеологизмы являются базой для образования достаточно большого количества производных слов, а за счет появляющихся новообразований происходит регулярное обогащение лексического пласта современного языка.

Ключевые слова: фразовый эпитет, компрессия, трансформация, раскованность, экспрессивность, образность, интертекстуальность, окказиональность, креативность

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-1

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@fl.msu.ru

© Молчанова Г.Г., 2025

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Деривационные возможности фразового эпитета как источника порождения новых лексем // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 9–20. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-1

Е.С. Кубрякова отмечала, что языку свойственна «тенденция избежать повторения целой мотивирующей конструкции, заменив ее отдельной единицей номинации. Иначе говоря, наличие специального названия позволяет избегать описательных оборотов» [Кубрякова, 1981: 182–183]. Стремление избежать повтора мотивирующей единицы в составе придаточного предложения или ближайшего контекста и заставляет автора текста искать и находить не менее яркую и значимую замену. Таким «заместителем» и выступают в составе текста фразовые эпитеты — компрессивный метод словообразования, при котором фраза или предложение путем объединения всех слов в одно новое слово приобретает новый смысл, зачастую более глубокий и экономящий речевые усилия. В лингвистической литературе до сих пор нет единого определения для процесса образования новых слов на базе фразеологических единиц, нет и единого наименования для тех единиц, которые образуются. И.Р. Гальперин предложил для этого структурного типа термин *фразовый эпитет*, где эпитет может быть выражен словосочетанием или целой фразой, написанной через дефис. Обычно в этой роли выступают индивидуальные авторские эпитеты, например: *He is the "I'm-a friend-of-the-boss" type*.

Фразовые эпитеты почти всегда являются речевыми, созданными специально для данного контекста, когда является потребность точно определить признак, для обозначения которого в языке нет отдельного слова. Н.Н. Болдырев приводит «в качестве положительного аспекта производности — креативность, порождение нового смысла, воспроизводство идей в новой форме» и связывает его с формированием новых знаний. [Болдырев, 2021: 17]. Обычно в этой роли выступают индивидуально-авторские эпитеты, например: *Hubert, still-famous-but-basically-out-of-work, fifty-five-year-old actor*¹. В этой фразе посредством компрессии всего двух фразовых эпитетов обобщены все ключевые перипетии жизни, прожитой персонажем. Фразовые эпитеты почти всегда создаются специально для

¹ Hemingway E. A Moveable Feast, 1996.

данного контекста, ad hoc, на случай, когда является потребность точно определить признак, для обозначения которого в языке нет отдельного слова.

Создание авторского фразового эпитета, бесспорно, требует определённого мастерства и особых структурно-семантических стратегий. Возможно использование модуляций, как это сделано Дж. Стейнбеком в «Зиме тревоги нашей» (*The Winter of our Discontent*), где целый текстовый отрывок: *Only a few customers showed up, children sent for a loaf of bread or a carton of milk or a pound of forgotten coffee, little girls with sleep-messy hair*² через несколько страниц трансформируется при помощи компрессии из громоздкой синтаксической конструкции в имплицитно сжатый выразительный фразовый эпитет: *...a few bottle-of-milk and loaf-of-bread kids*³. Это объясняется тем, что с точки зрения словообразования фразовый эпитет и сложные прилагательные создаются с помощью одного метода — объединения нескольких слов в одно новое. При этом, по образному определению В.З. Демьянкова, «старая система давит на новый элемент, приплющивая спектр его значений, а новый элемент расталкивает старую систему, заставляя ее старожилов уплотниться» [Демьянков, 2023: 6]. Функция «уплотнения», или экономии речевых усилий, является одной из самых насущных в функционировании фразового эпитета, наряду с когнитивной, эстетической, коммуникативной, экспрессивной, психотипизирующей и другими функциями, список которых еще не исчерпан. «Попадая в дискурсе в определенную систему координат, — отмечает О.К. Ирисханова, — новое слово подвергается перекатегоризации, которая сопровождается классификационными и оценочными сдвигами, событие приобретает новый статус» [Ирисханова, 2016: 342]. Фразовые эпитеты, являющие собой предмет настоящей статьи, преимущественно являются индивидуально-авторскими, напр.: *Caroline was going on in her silly woman-of-advanced-ideas way*⁴.

Фразовые эпитеты являются наиболее сложными и наиболее интересными для исследователя еще и потому, что, несмотря на то, что они не чужды русскому языку, употребление их, как правило, более распространено в английской художественной речи, что обусловлено спецификой структуры, которая может осложнить восприятие текста. Однако нельзя не отметить экспрессивность фразовых эпитетов: будучи отклонением от нормы, они всегда ярки

² Steinbeck J. *The Winter of our Discontent*. 1978. С. 20.

³ Ibid. С. 35.

⁴ Fowles J. *The Collector*, 1997. С. 161.

и самобытны, например: *What does a forty-eight-year-old man look like to a twenty-two-year-old girl? Ruins. The walls of Pompeii. The trenches of Verdun. Hiroshima*⁵.

Фразовый эпитет осуществляется в основном на уровне речи. Инновации появляются как окказионализмы и только немногие из них впоследствии приобретают статус узуальных лексем. Но, даже став полноправными единицами языка, эти производные лексемы нередко имеют ярко выраженную разговорную окраску и сохраняют или приобретают новую эмоциональную выразительность. Формирование нового ракурса значения — процесс сложный, имеющий глубокие корни: производное слово — предельный результат импликации, оно вбирает в себя весь запас фразеологической информации. Несмотря на то, что до сих пор нет единой точки зрения на проблему фразового эпитета, на использование разных терминов для обозначения этого языкового феномена, все же можно утверждать, что оно уже приобрело статус закономерного, хотя и нерегулярного, явления, особенно в англоязычной художественной речи. В этом случае есть все основания говорить о межуровневых производных отношениях: производящая и производная единицы отличаются по количественному составу, но имеют логическое тождество в значениях. Современные лингвисты называют несколько причин возникновения этого феномена, главный из которых, несомненно, — принцип языковой экономии, или принцип компрессии и экономии речевых усилий. Он обнаруживается в употреблении носителями языка единицы, меньшей по количеству звуков, слогов, слов и т.д., чем та, которая могла бы быть использована. Возникшая современная тенденция ускорения движущих сил различных языковых процессов, и в первую очередь, таких, которые связаны с сокращением длины текста, слова, конструкции, проявляется в осознании фразового эпитета как удобной операциональной единицы, т.к. ее соответствие оптимальным величинам глубины и длины слов, с одной стороны, обеспечивает удобство восприятия и оперирования данной единицей, а с другой стороны, способствует свертыванию информации, заложенной в мотивирующей фразе, с минимальными потерями (а иногда и приращениями) для содержания.

Используя методику симптоматического статистического анализа, выделим семантически наиболее частотные в создании и употреблении креативных голофрастических конструкций разделы:

⁵ Shaw I. *Evening in Byzantium: A Novel*, 1977. С. 14.

1. Клише, устойчивые выражения, разговорные фразовые эпитеты — 41%

Mike's *end-of-the-term report* was an unfailing *wind-raiser*⁶.

It was a *been-here-all-my-life sort of pose*⁷.

... *welcome-home-for-the-summer present* for Dudley⁸.

There was one of those *you-could-have-heard-a-pin-drop* silences⁹.

There was a *definite-end-of-the-holidays* gloom in the air¹⁰.

She never has a regret or one of those "*Oh my God, what I have done*" epiphanies¹¹.

One young woman, with dark curly hair and the sort of "*Seen-It-All*" attitude that only *twenty-year olds* can pull off claimed...¹²

He was the last man Mike would have expected to do "*the money by Monday-week-or-I write-to-the-headmaster*" business¹³.

I do hope you allow us to take Harry to the match, as this is really is a *once-in-a-lifetime opportunity*¹⁴.

I cannot understand why you should suspect Psmith of keeping his shoes in a cupboard, and, catching sight of a *Good-Gracious-has-the-van-no-sense* look on the other's face, why he should not do so if he wishes it¹⁵.

Only answer, Jonathan, is that you are pretty well a *one-in-a-million bird*¹⁶.

In the corner a coal stove sat by a small *but-thank-God-for-it* window Jeremy, whose "*make-yourself-look-great-on your med-school applications*" summer job was in California, had come home to help me with move¹⁷.

I knew what he was thinking — that no decent school would want him, the whole "*I would never join a club that would have me as a member*" thing¹⁸.

⁶ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. ACT. 2018. C. 9.

⁷ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. C. 65.

⁸ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003.

⁹ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. ACT. 2018. C. 13.

¹⁰ Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire, 2000. C. 141.

¹¹ Bushnell C. Sex in the City, 2013. C. 43.

¹² Ibid. C. 11.

¹³ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. ACT. 2018. C. 92.

¹⁴ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003.

¹⁵ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. ACT. 2018. C. 136.

¹⁶ Bach R. Jonathan Livingston Seagull, 2006. C. 71.

¹⁷ Seidel K.G. Keep Your Mouth Shut and Wear Beige. Pan Books, L., 2009. C. 10.

¹⁸ Ibid. C. 25.

If Jill Allyn had been a super important “*offend at your own peril*” client, then Rose wouldn’t have raised a fuss in the first place ... So why had she let herself get into an “*I’m more important than you*” spitting match¹⁹.

A party hosted by my ex-husband blogging lady friend was a major “*care about what other people think*” occasion²⁰.

Is this a ‘*there but for the grace of God go I*’ kind of moment? I asked my *not-entirely-innocent* child. Not at all, he said. It’s a ‘*there but for the grace of Mom*’²¹.

How are you doing on your *mother-of-the-bride* dress?²²

It was an occasion for rejoicing, but rather for a solemn, thankful, *eyes-raised-to-heaven* kind of rejoicing²³.

The elevator boy looked at me with a *take-all-the time-you-need* attentiveness²⁴.

And before you knew all of this about her and *what-have-you*, you fell on the bloke²⁵.

...*welcome-home-for-the-summer* present for Dudley²⁶.

No one excelled the Russian soldier *at house-to-house* fighting. [Clancy, 1989: 521].

It was a big, heavy, *solid-money* town, probably fine if you had money²⁷.

Harry imagined the sensation of hearing a *hundred-thousand-strong* crowd roar²⁸.

2. Фразовые эпитеты, характеризующие человеческие типы (функция: психотипирование личности) — 32%

The other guy at the table, a corporate, *dotting-dad* type... was looking at us in horror²⁹.

She wasn’t one of those smiling, *oh-you-great-man* type of girls³⁰.

¹⁹ Ibid. C. 102.

²⁰ Ibid. C. 36.

²¹ Ibid. C. 172.

²² Ibid. C. 212.

²³ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. C. 95.

²⁴ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. C. 114.

²⁵ Ibid. C. 296.

²⁶ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003.

²⁷ Hemingway E. A Moveable Feast, 1996. C. 105.

²⁸ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003. C. 316.

²⁹ Bushnell C. Sex in the City, 2013. C. 25.

³⁰ Shaw I. Evening in Byzantium: A Novel, 1977. C. 14.

Too bad, Mary pat would have loved it. She's the cowboy. Ed's more the *button-down collar type*.

I'm a "*throw-your- heart- over-the- fence*" kind of person³¹.

The nurse intimidated me, she reminded me so infernally of Aunt Agatha. She was *the same-gimlet-eyed type*³².

He was one of those *ever-so-cultured types*... *The "I'm-a friend-of-the-boss" type*.

John F. Kennedy Jr. is certainly New York's *most-famous-and-sought-after-bike-riding bachelor*...³³

...*the well-to-do Americans* poured through the station on to the platform with frank new faces, intelligent, considerate, thoughtless, thought-for.

She was a solid, thick-set, young person, short, plain, and *matter-of-fact*. She was cheaply dressed in *a tailor-made suit*. Her hands were large and red and *ill-cared-for*³⁴.

Bronson, though a jovial chap, he certainly was not *hail-fellow-well-met* with the natives³⁵.

...they come back from visiting their *newly-married-with-children friends* in the suburbs³⁶.

In *a deep-timbred, could've-been-a-preacher* kind of voice he went into a long explanation³⁷.

On the other side *was the sallow-faced, hook-nosed, greasy-haired Potions master*³⁸.

3. Образность. Метафоричность. Экспрессивность — 13%

В основе — желание автора придать сообщаемому особую выразительность. Производные неологизмы, функционируя в языке, становятся основным средством экспрессии текста, в основном художественного. Информация, которая заложена в производящем фразеологизме, в производном слове обогащается новыми экспрессивными оттенками. Например: *What does a forty-eight-year-old man look like to a twenty-two-year-old girl? Ruins. The walls of Pompeii. The trenches of Verdun. Hiroshima*³⁹.

³¹ Seidel K.G. Keep Your Mouth Shut and Wear Beige. Pan Books, L., 2009. C. 10.

³² Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. C. 40.

³³ Bushnell C. Sex in the City, 2013. C. 74.

³⁴ Maugham S. Cakes and Ale. L., Pan Books. 1976. C. 223.

³⁵ Ibid. C. 311.

³⁶ Bushnell C. Sex in the City, 2013. C. 88.

³⁷ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. C. 18.

³⁸ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003. C. 284.

³⁹ Shaw I. Evening in Byzantium: A Novel, 1977. C. 14.

Компрессия пословицы и развернутой метафоры

Mike thought his “*break-some-eggs-to-make-an-omelet*” strategy had succeeded. Just when he thought that he would be able to live with me again, just when he thought that *the omelet was setting and drowning nicely*, I filed for divorce, and he found himself with *neither eggs nor omelet*, but the cardboard carton in which some eggs had accidentally broken, the shards of the shattered white shells glued to the cardboard by crusting albumin⁴⁰.

Метафорический фразовый эпитет

The toad-under-the-harrow expression began to fade from Jellicoe’s face⁴¹.

She wore a pale grey dress with large *leg-of-mutton sleeves* and a long train⁴².

Sarah said she was happy to be pursuing a *twenty-seven-year-old boy-toy*⁴³.

You have to work the good old *iron-hand-in-the-velvet-glove* wheeze. If you give them a *what’s-its-name*, they take a thingummy⁴⁴.

You got the sense that his *starry-eyed dreams* were still within his reach⁴⁵.

Look! — said Lucy suddenly. — What’s that? She pointed to a long, *silvery, snake-like* thing that lay across the beach. — A stream! A stream! — shouted the others⁴⁶.

4. Эмотивность (экспрессия, оценка, эмоция) — 7%

Ron, — said Hermione in a *I-don’t-think-you’re-being-very-sensitive sort of voice*⁴⁷.

The result was that they went back to the house for breakfast with a *never-again* feeling⁴⁸.

And what was dying was *his self-confident, unquestioning, all-forgiving impression of me*⁴⁹.

⁴⁰ Seidel K.G. Keep Your Mouth Shut and Wear Beige. Pan Books, L., 2009. C. 9–10.

⁴¹ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. C. 9.

⁴² Maugham S. Cakes and Ale. L., Pan Books. 1976. C. 114.

⁴³ Bushnell C. Sex in the City, 2013. C. 22.

⁴⁴ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. C. 9.

⁴⁵ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. C. 300.

⁴⁶ Lewis C.S. Prince Caspian (The Chronicles of Narnia), 2009. C. 13.

⁴⁷ Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban, 2003. C. 362.

⁴⁸ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. C. 145.

⁴⁹ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. C. 296.

5. Интертекстуальный фразовый эпитет — 7%

His nephew was a fellow with light hair and a *Cheshire-cat grin*⁵⁰. And I want a name to write in *till-death-do-us-part* strokes in parish register⁵¹.

I figured that if it didn't work out as my *gun-shooting* outfit, it could always serve as my *Amelia Farhart-getting-lost-over-Pacific-never-to-be-heard-from-again* outfit⁵².

There are rumors about a new Muggle Protection Act — no doubt that *flea-bitten, Muggle-loving fool* Arthur Weasley is behind it⁵³.

6. Раскрепощенность и окказиональная креативность носителей языка — 7% — является отличительной чертой современной эпохи и современных поколений, и, как следствие этого, в языке наблюдается обилие всевозможных новообразований, которые ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способности, заложенные в системе языка, напр.: Rose liked his *devil-may-care attitude* toward life⁵⁴. Появление окказиональных слов в языке, образованных на базе голофрастических конструкций, это и есть, чаще всего, те новообразования, которые вызваны временем и заполняют лакуны лексической системы, не занятые имеющимися нормативными лексемами. Например: For half an hour we *back-and-forthed*, bringing each other *up-to-date* and paying tribute to the fine times⁵⁵.

For half an hour we *back-and-forthed* (окказионализм), bringing each other *up-to-date* (окказиональное употребление) and paying tribute to the fine times. We took our little picnic onto his *fifty-square-foot* terrace overlooking Eighty-third Street. It was a stifling dinner party at which *know-it-alls* (мунаж) were making ponderous toasts. There were *gum-smacking girls* (мунаж) from the Jersey shore mixed in among a sampling of Astoria's *poets-by-day-watchmen-by-nights* (мунаж). There were *two big-armed boys* (мунаж) who'd been thrown to the mercy of an *up-and-coming* Emma Goldman (мунаж, интертекстуальность). She was wearing a beret and a *long-hanging cigarette* in the manner of Bonny Parker (мунаж, интертекстуальность). There was a series of portraits of *bare-chested coat-check girls*... (мунаж). All were versions of Peaches (интертекстуальность). He leaned forward

⁵⁰ Wodehouse P.G. The Code of the Woosters. M., Lingua. Изд. АСТ. 2018. С. 13.

⁵¹ Ibid. С. 15.

⁵² Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. С. 174.

⁵³ Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets, 1998. С. 43.

⁵⁴ Maugham S. Cakes and Ale. L., Pan Books. 1976. С. 130.

⁵⁵ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011. С. 319.

and stuck the point of the compass into *the lower-right-hand-corner* (речевая компрессия) of the watermarked page. He held his hand out at a *forty-five-degree angle* (экономия речевых усилий) so I could picture it. It was the second Saturday in December and I was in a *six-story walk-up* (экономия речевых усилий) across the East River surrounded by strangers. One day during lunch give it a *walk-through*. Try it in for size⁵⁶.

В заключение следует отметить, что человечество всегда стремилось сконцентрировать большое в малом, вкладывать фрагменты индивидуального и коллективного жизненного опыта в несколько слов или в одно слово, способное привести к успешности коммуникативного взаимодействия, т.е. к адекватному пониманию. Компрессия синтаксиса ради глубины смысла, компактности и ударности фразы, основанная на одном из основных законов языка — законе языковой экономии, идет от самых истоков мировой культуры, а в наше время ускорения приобретает особую значимость и требует введения специальных техник и приемов, одним из которых является фразовый эпитет, рассмотренный в настоящей статье. Реакция системы языка на быстро меняющиеся ландшафты времени — несомненно, закономерный и предсказуемый процесс, требующий такой же мгновенной реакции лингвиста. Прием фразового эпитета, отражающий современные социальные тренды — сжатость, раскованность, экспрессивность, образность, метафоричность, эмотивность, психотипирование личности, интертекстуальность, окказиональную креативность — во многом воплощают потребности нового поколения в сжатой компрессии смысла и повышении энергичности современного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–68.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
3. Демьянков В.З. Нарратив и дискурс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 5–16.
4. Ирисханова О.К. Перекатегоризация в дискурсе как способ повышения новостного статуса события // Когнитивные исследования языка. Вып. 24. Личность, язык, сознание. М.; Тамбов, 2016.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

⁵⁶ Toweles A. Rules of Civility. L., Sceptre. 2011.

6. Молчанова Г.Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 9–26.

7. Хомский Н. «Разъединенные Штаты»: книга отчаянья, книга надежды. Интервью Н. Хомского М. Форетье и Л.-Ф. Годе // ИЛ. 2010. № 8. С. 100–104.

Galina G. Molchanova

PHRASE EPITHET DERIVATIONAL POSSIBILITIES AS SOURCE OF NEW LEXICAL UNITS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
dean@fl.msu.ru

Abstract. Humanity has always strived to save energy of speech efforts. According to the ancient Language Economy Principle, human speech has to be short and laconic, it has to insert the fragments of individual and collective experience into one or a few words to attain effective communication or adequate understanding. Syntactical compression and depth of sense, compact and striking phrases demand now the accelerated tempo. And for this certain linguistic rules, means and techniques are required. There appears a new integral graphic product — phrase epithet — the merging into one new word or word combinations. This new word acquires one new meaning that differs from the previous meanings of the epithet constructions.

Keywords: phrase epithet, saving of speech efforts, compression, transformation, expressivity, intertextuality, creativity

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Molchanova G.G. (2025) Phrase epithet derivational possibilities as source of new lexical units. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 9–20. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-1 (In Russ.)

About the author: Galina G. Molchanova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@fl.msu.ru

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke [The Phenomenon of Derivativeness in Culture and Language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 57–68.

2. Vinogradov V.V. 1994. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow.
3. Dem'yankov V.Z. 2023. Narrativ i diskurs [Narrative and Discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 5–16.
4. Iriskhanova O.K. 2016. Perekategorizatsiya v diskurse kak sposob povysheniya novostnogo statusa sobytiya [Recategorizing news in discourse: how to make the events newsworthy]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vyp. 24, Lichnost', yazyk, soznanie. Moskva-Tambov.
5. Kubryakova E.S. 1981. *Tipy yazykovykh znachenii: Semantika proizvodnogo slova* [Types of Linguistic Meanings: Semantics of a Derived Word]. M.: Nauka.
6. Molchanova G.G. 2012. Verbal'nyi simvol i marketingovye kommunikativnye strategii teksta [The verbal symbol and marketing communication strategies of the text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 9–26.
7. Chomsky N. 2010. “Raz”edinennye Shtaty”: kniga otchayan'ya, kniga nadezhdy [“Failed states”: a book of despair, a book of hope]. Interv'yu N. Khomskogo M. Foret'e i L.-F. Gode. *IL*, no. 8, pp. 100–104.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 17.11.2024;
approved after reviewing 20.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

М.Э. Конурбаев, Е.Ю. Андреева

К ВОПРОСУ О СВЯЗНОСТИ И ЦЕЛЬНООФОРМЛЕННОСТИ ТЕКСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТЕМБРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; marklen@konurbaev.ru

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия;
eyandreeva@fa.ru

Аннотация. В современной лингвистике существует большое количество подходов к анализу текстов различных функциональных стилей, однако зачастую исследовательские методики постижения смыслов в процессе коммуникации не дают более или менее четких параметров их идентификации и оценки уровней взаимодействия текстовых элементов между собой в пределах заверщенного произведения.

Цель данной статьи заключается в разработке методики описания иерархии связей семантико-синтаксического характера, которая может применяться при проведении тембрального анализа текста, минимизируя степень субъективности при изучении речевого произведения. Авторами проводится краткий обзор исследований, касающихся проблемы определения понятия «энергия текста», а также трудов, посвященных вопросам цельнооформленности и связности текста. Пользуясь рабочим термином «энергия текста», авторы стремятся к наиболее точному описанию динамического взаимоотношения единиц текста друг с другом в процессе чтения.

В рамках данного исследования авторами предлагается шкала связности элементов текста для анализа письменных речевых произведений, состоящая из трех уровней: эксплицитные грамматико-синтаксические связи, анафорические связи, имплицитные связи. Эффективность применения

Андреева Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ; eyandreeva@fa.ru

Конурбаев Марклен Эрикович — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; профессор-консультант кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ; marklen@konurbaev.ru

данной шкалы демонстрируется на примере анализа отрывка текста, принадлежащего художественному стилю речи, наиболее сложного с семантической точки зрения.

Для объективного определения степени связности элементов в рамках текста авторами предложен перечень уровней связности, соотносящийся с универсальной шкалой связности, который может быть применен к текстам, принадлежащим любым функциональным стилям речи. Полученные в ходе исследования данные могут являться поводом для дальнейшей разработки эффективных инструментов тембрального анализа речевых произведений.

Ключевые слова: энергия текста, тембр, цельнооформленность, связность, шкала связности, иерархия связей

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-2

Для цитирования: Конурбаев М.Э., Андреева Е.Ю. К вопросу о связности и цельнооформленности текста при проведении тембрального анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 21–36. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-2

Введение

Любое произведение речи направлено на обслуживание процесса коммуникации. В свою очередь, для осуществления успешной коммуникации важен смысл. *Смысл* можно определить как прагматически ориентированное использование разных слов, в которых базовые семантические значения модифицируются под влиянием прагматики; кроме того, агент речи подчиняет себе правила языка с целью передачи целевого смысла наилучшим способом. Однако сколько бы адресат ни пытался толковать текст, исходя из базовых семантических значений слов, он никогда не придет к единственно верному варианту толкования, так как смысл содержится лишь в сознании того человека, который является адресантом речевого произведения [Конурбаев, 2022]. В рамках настоящего исследования мы попытаемся дать свое представление о наиболее объективной расшифровке смысла любого произведения речи.

Существует большое количество гуманитарных наук, занимающихся проблемами смыслообразования. Например, с точки зрения психологии смысл рассматривается как индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых осуществляется ее деятельность (личностный смысл, или «значение-для-меня») [Леонтьев, 1983]. Немецкий философ М. Хайдеггер полагал, что смыслом следует считать объективное свойство объекта [Хайдеггер, 2022]. Согласно феноменологиче-

ской концепции Э. Гуссерля, смысл и значение представляют собой сущности одной природы [Гуссерль, 2011]. Р.И. Павлиёнис относит смысл к категории внелингвистического плана, определяя его как «часть индивидуальной концептуальной системы», системы ложной и истинной информации, отображающей познавательный опыт человека [Павлиёнис, 1983: 240].

Для решения проблемы постижения смыслов, посылаемых адресантом, в феноменологии существует понятие «ограничение контекста», или «*epochè*» [Гуссерль, 2011]. Без обозначения границ текста всплывает бесконечное множество различных смыслов, что существенно затрудняет процесс интерпретации произведения речи. Соответственно, чем меньше контекст, тем больше вероятность верного истолкования того или иного текста. Еще одним ключевым понятием, помогающим читателю постичь смысл речевого сообщения, является понятие «интенциональность». В процессе интерпретации того или иного произведения в сознании человека происходит интенциональное объяснение, или ноэтически-ноэтическая интерпретация [Гуссерль, 1992], где *ноэзис* — мышление, *ноэма* — мысль. Ввиду интенциональности сознания ноэзис стремится к выявлению смысла (ноэмы). Так, все единства, которые содержатся в сознании человека, в конце концов, достигают некоего идентичного предела, и универсум переживаний, направленных на один и тот же предмет, становится инвариантным. *Интенциональность* представляет собой ту часть феноменологии, которая занимается «всматриванием» в смыслы, которые проявляются в рамках *epochè*, и эти смыслы разгадываются читателями и могут истолковываться по-разному в зависимости от входящих в них элементов или же собственной картины мира индивида.

В рамках филологии с давних времен пытались разрешить вопрос взаимодействия лексических единиц между собой в пределах того или иного произведения. К одной из первых попыток постижения взаимной связи элементов языка можно отнести *концепцию языковой картины мира (Weltansicht) Вильгельма фон Гумбольта*, впоследствии развитую Лео Вайсгербером. Гумбольдт полагал, что язык есть непрерывная деятельность, а не некий завершённый продукт мышления; соответственно, *язык представляет собой энергию* (язык — «вечно возобновляющаяся работа духа») [Humboldt, 1963: 418]. Вайсгербер считал, что методический переход от статического описания языковых единиц к динамическому, связанному с энергетическим уровнем, необходим, поскольку благодаря этому становится возможным выявление первичной работы языка, иден-

тификация его первичных результатов, а также измерение его продуктивности [Weisgerber, 1963].

Впервые к понятию *энергии* обращается Аристотель. В труде «Этика» оно упоминается в следующем контексте: «Блага делятся на три группы: на так называемые внешние, на психические и телесные; психические блага — наиболее важные, и их по преимуществу мы называем благами. Действия же и психическую энергию мы относим к областям души. Итак, можно утверждать, что наше определение верно, так как оно согласно с древним, принятым философами определением, но столь же справедливо и утверждение, что цель человеческой жизни заключается в известных действиях и энергии, ибо таким образом цель помещена в число душевных благ, а не внешних...» [Аристотель, 2022: 23]. Современный философ А.Б. Невелев определяет *энергию* как деятельностную способность человека; качество же данной энергии задано предметностью бытия — тем, чем деятельно захвачен индивид, его ценностями, смыслом жизни [Невелев, 2010].

Целью настоящей статьи является раскрытие сути понятия «*энергия текста*» в его отношении к *тембру и синтаксису*, а также рассмотрение *текста как совокупности взаимосвязанных единиц* для решения задач при проведении тембрального анализа текстов различных функциональных стилей речи.

Сущность понятий «энергия» и «энергетика» текста: различные концепции

Существование энергии текста произведения неоднократно обсуждалось поэтами, философами, психологами, филологами. Например, О. Мандельштам говорил о необходимости «преодоления» языка при помощи перемены сознания, что заключается в переходе от мышления в вещах к мышлению в *энергиях* [Мандельштам, 1987].

А.Ф. Лосевым разработана концепция, согласно которой каждое слово представляет собой «орудие общения с предметами» и арену «интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» [Лосев, 1993: 642]. Рассуждая о смысле слова, Лосев вводит понятие «*энергема*», разделяя его на четыре типа: *физическая* (возникающая на этапе ощущения), *органическая* (воплощающаяся на этапе раздражения), *сенсуальная* (появляющаяся на этапе восприятия) и *ноэтическая* энергема (проявляющаяся на этапе мышления) [Лосев, 1999]. Иерархия энергем строится по принципу соответствия вещественному, растительному, животному и разумному

творениям. В совокупности же все перечисленные энергемы — не что иное, как «моменты и проявления первосущности, в которой они абсолютно едины» [Лосев, 1993: 677].

В филологии проблема энергии интертекста была подробно рассмотрена Н.А. Кузьминой. По мысли исследователя, *«энергия текста»* трёхчастна: она основывается и функционирует посредством *«работы автора»*, *«работы читателя»* и *«работы текста»* [Кузьмина, 1999: 31–37]. Термин *«энергия»* в данном контексте кажется наиболее подходящим с точки зрения методологии, ибо он является катализатором взаимовлияния различных дисциплин и методов в практическом осмыслении, а также представляет собой основание, на котором зиждется система терминов, связанных с ключевым понятием, — своего рода новую «матрицу осмысления лингвистического объекта» [Кузьмина, 1999: 37].

Языковая энергия обладает тройственной природой — природой знака, природой антропологической, природой социальной [Казарин, 2004]. Каждая из данных граней отражается по-своему в конкретных единицах в пределах текстового пространства. Как отмечал А. Мейе, *язык есть «не вещь, а деятельность»* [Мейе, 2000: 284], его структура постоянно трансформируется, что оказывает влияние на особенности функционирования составляющих речевых произведений. Если рассматривать текст как организм, помимо основы — скелета, представленного определенным набором синтаксических структур, в нем присутствуют различные связки, порой едва заметные, но безмерно важные в процессе восприятия и осмысления произведения [Конурбаев, Андреева, 2024]. В связи с этим в данном исследовании мы используем рабочий термин *«энергия текста»* для того, чтобы как можно более точно описать *синтаксис движения* — сочетание единиц произведения в их динамическом взаимоотношении друг с другом в процессе чтения. Под *энергией текста* мы подразумеваем насыщенность текста очевидными и неявными связями, поддерживающими баланс всех элементов, из которых он состоит.

Координация тонких связующих элементов в рамках большого текстового организма является объектом наблюдения науки о тембре — *темброведения*. Под *тембром* мы подразумеваем «систему особой просодической маркировки иерархизированных смысловых акцентов, основанных на оценке семантико-стилистической реализации использованных автором текста языковых единиц»¹. По сути,

¹ Данное определение было предложено Автором в его речи на Ученом совете филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 15 июня 2023 г.

тембр является *материальным отражением смысловых лексических и семантических иерархий*, которые неизбежно присутствуют в любом тексте как законченном информационном и структурном целом.

Цельнооформленность как основа композиционной целостности текста

При рассмотрении текста с точки зрения структуры и логики он определяется как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2006: 98].

Процесс создания любого произведения облечен некоей тайной, порой неведомой даже самому автору. Однако успешность передачи изначально вложенного смысла текста зависит именно от *спаянности и центростремительности* собрания предложений внутри него [Чернореченский, 2012]. Как справедливо отмечал В. фон Гумбольдт, «сколь бы непонятен ни был способ творчества художника, сколь бы очевидным образом не оставалось в нем нечто такое — как раз самое существенное, — чего ни сам поэт не способен понять, ни критик — выразить, все же верно по крайней мере то, что художник вначале исходит не из чего-либо иного, но из того, чтобы превратить в образ нечто реальное, и очень скоро понимает, что возможно это лишь путем своего рода *живого сообщения*, лишь благодаря тому, что из его фантазии, словно *электрическая искра*, перелетает в фантазию других, но, правда, не непосредственно, а таким образом, что он как бы вдует эту искру в объект, существующий вне его» [Гумбольдт, 1985: 172]. Можно предположить, что «*электрическая искра*» в данном контексте — это и есть *энергия*, заключенная в тексте, а «*живое сообщение*» — определенный *набор лексико-грамматических элементов, пронизанных различными связующими элементами* (начиная от более явных и заканчивая литофаническими).

По мысли М.А.К. Халлидея и Р. Хасан, *связность текста* находит воплощение в семантических связях между текстовыми элементами; одна языковая единица предполагает другую таким образом, что вторую единицу (presupposed) можно корректно декодировать только при установлении ее связи с первой (presup-

posing). К средствам связности исследователи относят *референцию, субституцию, эллипсис, союзную и лексическую связность* [Halliday, Hasan, 1976].

Термин «*цельнооформленность*» упоминается в работах многих отечественных лингвистов. Очень часто явление цельнооформленности рассматривается исследователями в неразрывной связи с термином «*связность*». Ю.В. Кошут говорит о том, что в созданных людьми на конкретном языке устных и письменных текстах «цельнооформленность предполагает связность в той или иной степени, а связность обязательно подразумевает цельнооформленность» [Кошут, 1990: 97].

Следует отметить, что *связность* относится к параметрам синтаксического единства — плана выражения, а *цельнооформленность* — к показателям семантического единства, или плана содержания. Исследователь отмечает, что каждый из функциональных стилей языка имеет свои специфические правила интеграции элементов внутри текста [Кошут, 1990]. Постигание цельнооформленности того или иного произведения есть основа понимания авторского замысла. Под *цельнооформленностью* мы понимаем содержание-намерение, систему ключевых слов, иерархию смысловых акцентов, комплекс обобщений, присущих произведению в целом, в рамках которого использованные автором слова многообразно реализуют имеющийся у них в языке семантический потенциал.

Что касается *объективных критериев, служащих для определения границ целого текста*, среди них традиционно выделяют 1) интенцию автора произведения (допущение о завершенности текста и полной передаче основного посыла внутри него); 2) восприятие произведения читателем (способность осознанного декодирования посылаемой автором информации). Однако данные критерии не могут быть абсолютно объективными, так как некоторые тексты по своей структуре кажутся незаконченными. В этой связи справедливо предположить, что *текст* — открытая структура «с размытыми границами, которую можно продолжить» [Чернореченский, 2012: 113]. В целях объективизации анализа текста на предмет его завершенности и цельнооформленности А.А. Чернореченским вводится понятие «*тембральный паттерн*», представляющий собой фонетическую модель слухового восприятия речевого сообщения, состоящую из иерархически связанных между собой элементов речи, «степень и характер выделенности которых предопределены уровнем их семантико-стилистической выделенности в составе законченного

смыслового фрагмента» [Чернореченский, 2012: 114]. В процессе филологического чтения происходит материализация иерархического статуса каждого из элементов, содержащихся в сообщении, при их озвучивании. Здесь большую роль играет *смысловой акцент* и определение его потенциала среди остальных маркированных единиц внутри текста [Чернореченский, 2012].

Важно также сделать оговорку о *скорости прочтения* того или иного произведения при его тембральном анализе. По мнению Б.В. Томашевского, «медленное» чтение способствует разрушению целостного текста: «Замедляя чтение, мы как бы переакцентируем (в смысловом, логическом плане) речь, разбивая ее на более мелкие фразы (либо поневоле отягощаем ее остановками, логическими ударениями, смысловыми каденциями). Смыслы начинают копошиться там, где их не было, каждое слово начинает выскакивать из контекста, вырабатывая себе какую-то суррогатную фразовую среду» [Томашевский, 1990: 67].

Текст как совокупность взаимосвязанных единиц: иерархия элементов в диапазоне текста

При тембральном анализе произведения происходит *пространственное разграничение текста по трем плоскостям*: 1) пространственной (предполагает носитель, на котором располагается данный текст); 2) временной (включает в себя темпоральную протяженность внимания, необходимого для восприятия текста); 3) семантической (заключается в идейно-содержательном наполнении текста; по сути это «ментальная картинка всего текста, отражение его в сознании человека») [Чернореченский, 2012: 114].

Следующий важный шаг — *определение иерархии элементов внутри текста*. При размышлениях о различных типах текстов на предмет их цельнооформленности многие исследователи отмечают важность установления комплексной иерархии равнозначных текстовых величин и единиц [Звегинцев, 1980]. Понятие «*иерархия*» в данном контексте имеет тесную связь с понятием «*тембр*», а именно является его составляющей [Конурбаев, 2022]. В самом общем смысле *тембр* можно определить как иерархию тех связующих элементов текста, которая в конечном счете создает желаемое звучание [Конурбаев, Андреева, 2024]. Только наличием определенной системы связей детерминировано в конечном счете адекватное восприятие читателем авторского замысла.

Все единицы рассматриваемого текста можно условно разделить на *синтаксические* (структурные) и *эмоционально-экспрес-*

сивные (выражающие оценку, чувства, отношение к описываемому в тексте) [Александрова, 2021]. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем *иерархию* как некую систему выделенности элементов в тексте. Большая степень заметности одних элементов и нивелирование других является поводом для анализа вертикальной связи между разными составляющими текста. С одной стороны, можно предположить, что вертикальная связь является весьма субъективной — читатель может связать любые единицы в соответствии с собственными интенциями. С другой стороны, существует *особый уровень гиперсинтаксиса*, который обязывает выделять иерархические единицы в различных частях текста.

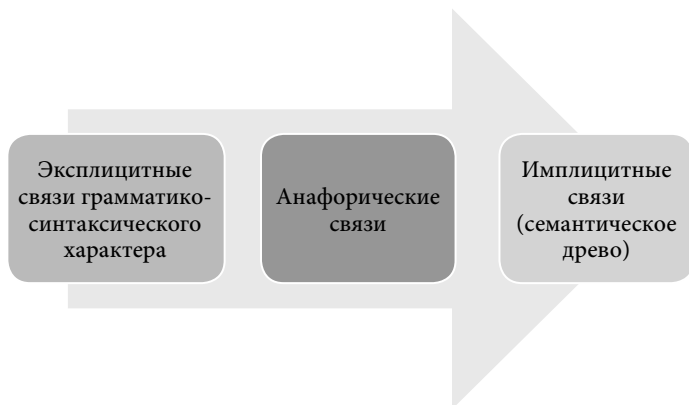

Рис. 1. Универсальная шкала связности текста

Грамматически и синтаксически обусловленные связи отчетливым образом видны при анализе текста, принадлежащего любому из существующих функциональных стилей речи. Что касается *связей анафорических*, они являются менее заметными, но также присутствуют в большинстве существующих текстов. Далее следуют такие *неявные элементы связи*, представленные такими параметрами, как *модальность и тембр* — они считаются наиболее субъективными по причине того, что в сознании каждого индивида могут возникать абсолютно разные цепочки ассоциаций и образов при прочтении одного и того же произведения. Для удобства классификации существующих в тексте различных связей мы предлагаем ввести *универсальную шкалу связности*, отражающую энергетику каждого рассматриваемого произведения, его связность, цельнооформленность, напряженность.

Определение характера связей в текстах различных функциональных стилей

В качестве примера, демонстрирующего взаимосвязь понятий «связность» и «цельнооформленность» рассмотрим текст художественного стиля. В отличие от научных текстов, художественные произведения зачастую не обладают четкостью и логичностью изложения информации, вызывая у различных читателей самые разнообразные наборы ассоциаций и эмоциональных откликов. Иллюстрацией тому является стихотворение Ч. Буковски «It was Just a Little While Ago».

На первый взгляд, части данного произведения никак не связаны ни в синтактико-грамматическом, ни в анафорическом плане. В тексте абсолютно отсутствуют знаки препинания, что, несомненно, затрудняет его восприятие. Невозможно наблюдать ни целостный образ, ни связное развертывание действия во времени. Каждый может задать закономерный вопрос: как могут быть сопоставимы поедание вчерашнего сэндвича в 6 утра, тишина воскресного утра и валяющиеся в углу ботинки и, более того, какая между ними может существовать связь? Человеку, не имеющему отношения к филологии, наверное, будет нелегко объяснить, в чем смысл данного произведения, каков авторский посыл.

У филолога, скорее всего, возникнет несколько вариантов толкования. Приведем пример интерпретации данного стихотворения американским автором Бреттом Миламом. В своем интернет-блоге он пишет следующее: «...момент времени был “совсем недавно”, и не успеешь оглянуться, как наступает следующий момент, потом еще один, и время просто плывет вместе с тобой, как волна, которую ты не можешь контролировать. Вы плывете по течению, натываясь по пути на мусор.

Впустую. Потрачен на этот старый глупый сэндвич. Потрачено на наблюдение за птицами на проводах. Еще один пустой рассвет, в котором нет ничего нового, кроме этих дурацких ботинок, перевернутых вверх ногами.

Во всем этом есть меланхоличная покорность. “Да, некоторые жизни созданы для того, чтобы быть потраченными впустую”².

Мир произведения художественной литературы является вымышленным, и автор при его создании может трансформировать время действия и пространство, сжимая, расширяя или же обрывая его [Гальперин, 2006]. В данном случае Буковски дробит большой

² URL: <https://brettmilam.com/2020/09/24/it-was-just-a-little-while-ago/> (дата обращения: 16.10.2024). Переведено с английского авторами статьи.

временной промежуток, входящий в понятие *life* на мелкие эпизоды — *blackbirds waiting, I eat ... sandwich, quiet Sunday morning, one shoe standing, The other laying*. И в конце оказывается, что все эти маленькие, незначительные действия и состояния входят в одно большое понятие *wasted lives*. Заголовок же *It was Just a Little While Ago* заставляет задуматься о быстротечности жизни: казалось бы, это было совсем недавно, но...

Безусловно, русскоязычному читателю очень сложно интерпретировать это стихотворение верным образом без опоры на вспомогательные источники. Однако у носителей языка при прочтении данного текста могут возникнуть ассоциации с другими похожими произведениями. Например, в ответ на комментарий Б. Милама о данном стихотворении Буковски одна из пользователей указывает, что оно напоминает ей текст «This is Just to Say» Уильяма Карлоса Уильямса³.

На универсальной шкале связности данное художественное произведение, безусловно, будет стоять в пределах отметки «*имплицитные связи*».

Итак, в рамках художественного текста мы имеем дело с рядом разрозненных понятий, на первый взгляд, никак не связанных друг с другом в пределах наблюдаемой действительности. Кроме того, в нем отсутствуют знаки препинания, что существенно затрудняет восприятие. Автор пренебрегает правилами грамматики, разделение текста на строфы поддается лишь неведомой логике самого поэта. Можно заключить, что в данном тексте отсутствует связность, либо присутствует лишь в самой незначительной степени, ибо все возможные синтактико-грамматические правила его построения нарушены, что уже само по себе расподобляет все элементы, и текстовая конструкция становится зыбкой, уходя во власть вариативности толкования смысла различными читателями.

Для измерения степени связности различных произведений предлагаем ввести *перечень уровней связности*, содержащий основные параметры связности и их градацию от большей степени к меньшей, соотносимый с предложенной нами ранее универсальной шкалой связности.

Согласно данному перечню, рассмотренное художественное произведение расположится на стыке категорий «цельнооформленный текст» и «текстоподобная структура» ввиду своего грамматико-синтаксического диссонанса.

³ URL: <https://brettmilam.com/2020/09/24/it-was-just-a-little-while-ago/#comment-73148> (дата обращения: 16.10.2024).

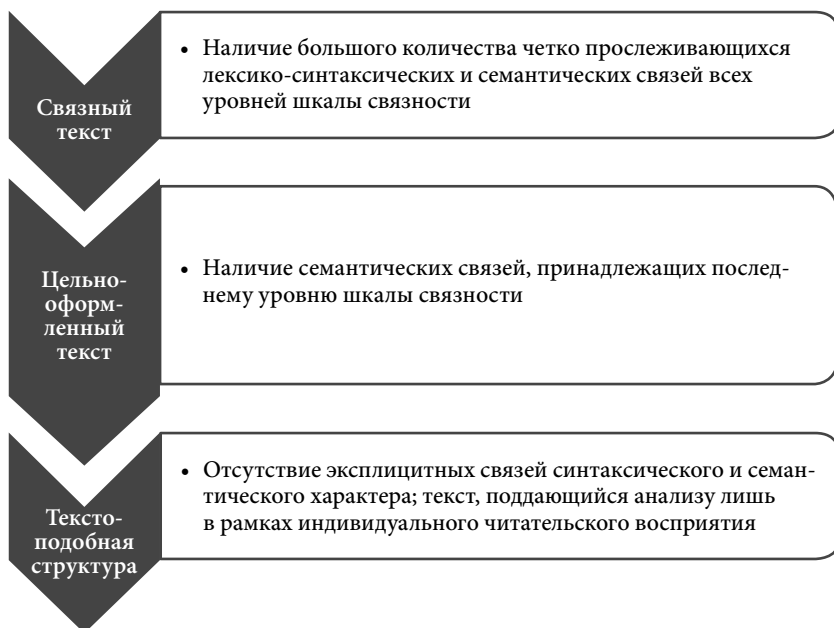

Рис. 2. Перечень степеней связности текста в соответствии с универсальной шкалой связности

Заключение

Каждый текст обладает собственной неповторимой энергией, заключающейся в живой координации больших и малых связующих элементов, в совокупности помогающих верным образом осмыслить и постичь интенцию автора. Характер и структура связей, содержащихся в тексте, варьируется от произведения к произведению в зависимости от его принадлежности к определенному функциональному стилю речи, а также от авторского мастерства.

В ходе проведенного исследования был выявлен различный набор связей в тексте художественного стиля. Полагаем, что универсальная шкала связности текста, созданная для целей тембрального анализа, помогает внести большую объективность, ограничивая необъятное пространство исследования конкретно измеримыми типами связей — начиная от строго формальных до немотивированных, обусловленных общей модальностью и тембром каждого конкретного произведения. Перечень степеней связности текста, легко соотносимый с универсальной шкалой связности, также вносит четкость при определении насыщенности текста связями, его логичности при восприятии.

Перспективой для дальнейшего изучения данной тематики можно считать необходимость выделить универсальную единицу синтаксиса для тембрального анализа произведений различных функциональных стилей. Более того, было бы крайне интересно проследить характер связей текста на иностранном языке в сравнении с его переводным вариантом, где становится важным умение переводчика связно и насыщенно передать авторский замысел и экспрессию оригинального произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 2021.
2. Аристотель. Этика, политика, риторика, избранные афоризмы. М., 2022.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2006.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
5. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3. С. 62–80.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. М., 2011.
7. Звегинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Известия АН СССР. Серия Литература и язык. 1980. Т. 19. № 1. С. 13–21.
8. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. М., 2004.
9. Конурбаев М.Э. Филологические основы темброведения. М., 2022.
10. Конурбаев М.Э., Андреева Е.Ю. Постановка вопроса о соотношении тембра и синтаксиса // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 89–105.
11. Коцуг Ю.В. Минимальные и максимальные единицы синтаксического построения речи. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.
12. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург, Омск, 1999.
13. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
14. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
15. Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. М., 1999. С. 29–204.
16. Макеева Л.Б., Смирнов М.А. Концептуальные схемы и релятивизм: критические аргументы Дональда Дэвидсона // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. Т. 57. № 1. С. 59–78.
17. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // Слово и культура: Статьи / Сост. и примеч. П.М. Нерлера. М., 1987. С. 108–153.
18. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2000.
19. Невелев А.Б. Техника, символ и знак в предметно-энергетическом бытии человека // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2010. № 1. С. 144–152.
20. Павлѣнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
21. Томашевский Б.В. Пушкин: работы разных лет. М., 1990.

22. Хайдеггер М. Постижение смысла. Неопубликованные сочинения. СПб., 2022.
23. Чернореченский А.А. Анализ тембральных паттернов при изучении текста на цельнооформленность // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 1(17). С. 113–117.
24. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. L., N.Y., 1976.
25. Humboldt W. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830–1835). Humboldt W. von. Werke in fünf Bänden. Hrsg. A. Flitner, K. Giel. Darmstadt, 1963. 3. S. 368–756.
26. Weisgerber L. Grundformen sprachlicher Weltgestaltung. Köln, 1963.

Marklen E. Konurbaev, Ekaterina Yu. Andreeva

ON COHESION AND COHERENCE IN TIMBRAL TEXT ANALYSIS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

marklen@konurbaev.ru;

Financial University under the Government of the Russian Federation,

Moscow, Russia; eyandreeva@fa.ru

Abstract. In modern linguistics, many disciplines offer their methodologies for comprehending meanings in the process of communication, but none of them provides more or less clear parameters for their identification and assessment of the interaction levels between the elements within a completed work.

The aim of this paper is to develop a hierarchy of semantic-syntactical bonds that can be applied in timbral analysis of a text, minimizing the degree of subjectivity in the study of a work. Using the term ‘text energy’, the authors aim to describe the dynamic relationship of text units to each other in the reading process.

Within the framework of this study, the authors propose a scale of text element cohesion for analyzing written works of speech, consisting of three levels — explicit grammatical-syntactic, anaphoric, and implicit bonds. The effectiveness of applying this scale is demonstrated on the example of analyzing the text belonging to artistic styles — the most complicated in terms of semantics.

In order to objectively determine the degree of cohesion of elements within the text, the authors propose a list of cohesion levels correlated with the universal scale of cohesion, which can be applied to texts belonging to any functional styles of speech.

Keywords: text energy, timbre, cohesion, cohesiveness, cohesion scale, hierarchy of bonds, timbral analysis

For citation: Konurbaev M.E., Andreeva E.Yu. (2025). On cohesion and coherence in timbral text analysis. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 21–36. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-2 (In Russ.)

About the authors:

Marklen E. Konurbaev — Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of the English Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Consulting Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation; marklen@konurbaev.ru

Ekaterina Yu. Andreeva — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky ave., Moscow; eyandreeva@fa.ru

REFERENCES

1. Alexandrova O.V. 2021. *Problemy ehkspressivnogo sintaksisa* [Problems of expressive syntax]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
2. Aristotle. 2022. *Ehtika, politika, ritorika, izbrannnye aforizmy* [Ethics, Politics, Rhetoric, Selected Aphorisms]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
3. Galperin I.R. 2006. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: URSS. (In Russ.)
4. Humboldt W. von. 1985. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Husserl E. 1992. *Amsterdamskie doklady* [Amsterdam Papers]. Logos, no. 3, pp. 62–80.
6. Husserl E. 2011. *Logicheskie issledovaniya. Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Logical Studies. Studies on phenomenology and theory of cognition]. Moscow: Akad. Project. (In Russ.)
7. Zvegintsev V.A. 1980. *O cel'nooformlennosti edinic teksta* [On the whole-formality of text units]. *Izvestia AN SSSR. Seria Literatura i yazyk*, vol. 19, no. 1, pp. 13–21. (In Russ.)
8. Kazarin, Yu.V. 2004. *Filologicheskii analiz poeticheskogo teksta* [Philological analysis of a poetic text]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt, Ekaterinburg: Delovaya Kniga. (In Russ.)
9. Konurbaev M.E. 2022. *Filologicheskie osnovy tembroyedeniya* [Philological bases of timbre studies]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Konurbaev M.E., Andreeva E.Yu. 2024. *Postanovka voprosa o sootnoshenii tembra i sintaksisa* [On the Relation between Timbre and Syntax]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, vol. 27, no. 1, pp. 89–105. (In Russ.)
11. Koshchug Yu.V. 1990. *Minimal'nye i maksimal'nye edinitsy sintaksicheskogo postroyeniya rechi: dis. ... kand. filol. nauk* [Minimal and maximal units of syntactic construction of speech. Candidate's thesis]. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
12. Kuzmina N.A. 1999. *Intertekst i ego rol' v protsessakh ehvolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Ekaterinburg: Ural University Publishing House; Omsk: Omsk State University. (In Russ.)

13. Leontyev A.N. 1977. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
14. Losev A.F. 1993. *Bytie. Imya. Kosmos* [Genesis. Name. Cosmos]. Moscow: Mysl; Russian Open University. (In Russ.)
15. Losev A.F. 1999. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. *Samoe samo: Sochineniya* [Self: Essays]. Moscow: EXMO-Press, pp. 29–204. (In Russ.)
16. Makeeva L.B., Smirnov M.A. 2020. *Kontseptual'nye skhemy i relyativizm: kriticheskie argumenty Dona'da Dehvidsona* [Conceptual schemes and relativism: critical arguments of Donald Davidson]. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 57, no. 1, pp. 59–78. (In Russ.)
17. Mandelstam O.E. 1987. *Razgovor o Dante* [Conversation about Dante]. In Pavel M. Nerler (comp. and remarks), *Word and Culture: Articles*. Moscow: Soviet Writer. (In Russ.)
18. Meyer A. 2000. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropejskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow: URSS. (In Russ.)
19. Nevelev, A.B. 2010. *Tekhnika, simvol i znak v predmetno-energetijnom bytii cheloveka* [Technics, symbol and sign in the subject-energetic being of man]. *Filosofskie problemy informacionnyh tehnologij i kiberprostranstva*, no. 1, pp. 144–152. (In Russ.)
20. Pavilyonis R.I. 1983. *Problema smysla: Sovremennyi logiko-filosofskii analiz yazyka* [The Problem of Meaning: A Modern Logico-Philosophical Analysis of Language]. Moscow: Mysl. (In Russ.)
21. Tomashevsky B.V. 1990. *Pushkin: raboty raznykh let* [Pushkin: works of different years]. Moscow: Kniga. (In Russ.)
22. Heidegger M. 2022. *Postizhenie smysla. Neopublikovannye sochineniya* [Comprehension of Meaning. Unpublished Works]. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
23. Chernorechensky A.A. 2012. *Analiz tembral'nyh patternov pri izuchenii teksta na cel'nooformlennost'* [Analysis of timbral patterns in the study of text for whole-formality]. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 1(17), pp. 113–117. (In Russ.)
24. Halliday M.A.K., Hasan R. 1976. *Cohesion in English*. London and New York: Longman. (In English)
25. Humboldt W. von. 1963. *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830–1835)*. Humboldt W. von. *Werke in fünf Bänden*. Hrsg. A. Flitner, K. Giel. Darmstadt. 3, pp. 368–756. (In German)
26. Weisgerber L. 1963. *Grundformen sprachlicher Weltgestaltung*. Köln, Op-laden. (In German)

Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 08.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 08.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

С.С. Грецкая

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ «МЕТИССКОГО ФУТУРИЗМА» КАК СРЕДСТВА (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gnole_fungle@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания настоящей работы находится «метисский футуризм» как концепция культуры, позволяющая автору реализовывать, конструировать и видоизменять в художественном тексте культурную, личностную и прочие виды идентичности.

На материале сборника малых прозаических форм «Buffalo Is the New Buffalo» писательницы Ч. Вауэлл, представляющей культуру канадских метисов, сопоставляются провозглашаемые автором термина установки и их воплощение в ее художественном тексте. Рассматриваются ключевые экстралингвистические и лингвистические признаки «метисского футуризма», актуализируемые в художественном тексте, а также роль «метисского футуризма» как метаконцепта в идиоконцептосфере автора.

С учетом отмеченной гибридности жанров, постколониальной спекулятивной риторики, опоры на комплекс значимых для канадских метисов и других культур Первых народов Канады концептов, а также активного использования речевой стратегии дискредитации и неанглоязычных единиц, скрывающих смыслы, которые в большинстве случаев аудитория должна декодировать самостоятельно, делается вывод об интерпретирующей функции «метисского футуризма»: данный метаконцепт делает возможной максимальную персонализацию формата и содержания художественного текста, благодаря чему автору удается эффективно (ре)конструировать в тексте и посредством текста различные виды идентичности, привлекая к этому процессу целевую аудиторию, как принадлежащую к его культуре, так и не принадлежащую.

Ключевые слова: метаконцепт; интерпретирующая функция концепта; метисский футуризм; (ре)конструирование идентичности в художественном тексте

Грецкая Софья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, gnole_fungle@mail.ru

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Грекая С.С. Экстралингвистические и лингвистические признаки «метисского футуризма» как средства (ре)конструирования идентичности в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 37–51. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-3

В современном мире, разрываемом процессами глобализации и глокализации, — в условиях непрекращающихся поисков новых способов конструирования, переосмысления и актуализации самых разных видов идентичности — обращает на себя внимание очередной виток тенденции высвечивать традиционную культуру в различных произведениях литературы, живописи, музыки и т.п. на фоне преувеличенно технологичного или даже постапокалиптического ближайшего или далекого будущего. Уже весьма широко известны такие концепции культуры и связанные с ними метаконцепты [см. Ефимова, 2022], как афрофутуризм (“Afrofuturism”) и футуризм коренных народов (“Indigenous futurism”), актуализирующие стремление представителей соответствующих культур в различных видах искусства восстановить и упрочить связь с их культурными корнями, найти путь к духовному исцелению и самоосвобождению благодаря помещению именно традиционных культур, к которым они принадлежат, в фокус внимания в контексте будущего (что крайне важно ввиду того, что западная цивилизация на протяжении многих лет в истории человечества своей европоцентричной риторикой отказывала неевропейским культурам в самоценности и долгосрочных перспективах), а также рассмотрению их в альтернативных версиях истории и фантазийной реальности¹. С учетом функции, выполняемой подобными метаконцептами в дискурсе, представляется логичным отнести их к типу репрезентирующих концептов в терминологии Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2016].

Пополнением в рядах подобных метаконцептов можно считать сложное с точки зрения структуры ментальное образование с име-

¹ См., например, Womack Y.L. Afrofuturism: The World of Black Sci-Fi and Fantasy Culture. Lawrence Hill Books, 2013. 224 pp.

нем «метисский футуризм» (“Métis futurism”), о котором заявляет в опубликованном в 2022 году сборнике «Buffalo Is the New Buffalo»² канадская писательница и педагог Челси Вауэлл. В рамках настоящего исследования проводится сопоставление провозглашаемых автором термина установок и их воплощения в ее художественном тексте с целью выявления ключевых экстралингвистических и лингвистических черт, характеризующих «метисский футуризм» как концепцию культуры, а также анализируется функция «метисского футуризма» как метаконцепта в авторской идиоконцептосфере.

В качестве эмпирического материала выступает вышеупомянутый сборник малых прозаических форм «Buffalo Is the New Buffalo». Выбор материала обусловлен, во-первых, тем, что именно в предисловии к содержащимся в нем произведениям Ч. Вауэлл впервые предлагает использовать термин “Métis futurism” для обозначения концепции, которая определяет их форму и содержание, и акцентирует внимание на нетождественности метисского футуризма и футуризма коренных народов. Во-вторых, считаем важным тот факт, что данный сборник включает не только художественные тексты, созданные в русле метисского футуризма, но и комментарии к ним самой писательницы, а также перечень источников, в т.ч. научных, которые призваны помочь читателю постичь авторский замысел, что (при условии осознанной работы аудитории с текстом) значительно снижает вероятность принципиально иной интерпретации тех или иных развиваемых в произведениях тем, используемых языковых единиц и стилистических приемов.

Итак, характеризуя художественные тексты, объединенные в сборник «Buffalo Is the New Buffalo», Ч. Вауэлл в предисловии отмечает, что в ее случае целесообразно пользоваться именно термином «метисский футуризм», а не «футуризм коренных народов», поскольку любому человеку, в особенности представляющему группу меньшинства в поликультурном обществе в эпоху постколониализма, необходимо понимать, каково его место в жизни, какие отношения и обязательства связывают его с членами своего и других сообществ (ведь без этого нельзя говорить ни о формировании и поддержании личностной идентичности, ни об обеспечении культурной преемственности), а определять себя как члена всех групп коренных народов одновременно (в числе которых Ч. Вауэлл назы-

² Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. 342 pp.

вает наряду с инуитами, Первыми народами и метисами Северной Америки представителей негроидной расы) по объективным причинам невозможно³. Поскольку автор характеризует себя как выходца из культурной среды метисов, а конкретно — метисов, исторически проживавших на территории современного округа Лак Сент-Анн в провинции Альберта (“manitow-sâkahikan”), она не видит иных вариантов, кроме как обозначить русло своей работы с помощью термина “Métis futurism”.

Что же касается сущности данного течения в литературе, музыке, моде, играх и т.п., с точки зрения Ч. Вауэлл, метисский футуризм — это не просто спекулятивная фантастика «в исполнении» автора-метиса. Речь идет о реализации «риторической суверенности» (“rhetorical sovereignty”) в терминологии С. Лайонза, под которой последний понимает «неотчуждаемое право и способность *народов* определять свои коммуникативные нужды и желания на пути к их реализации» (“the inherent right and ability of *peoples* to determine their own communicative needs and desires in this pursuit”) [Lyons, 2000: 449]. В соответствии с концепцией Ч. Вауэлл, метисский футуризм дает не только автору, но и аудитории (причем не только канадским метисам — “You don’t have to be Métis to get it!”) возможность «думать иначе» (“thinking otherwise”) — строить в своем сознании миры и представлять будущее на основе традиционных воззрений метисов, т.е. обеспечивает их инструментом, позволяющим не только и не столько продемонстрировать и прочувствовать тоску по несбыточному сценарию развития родной культуры, абсолютно свободной от оков колониального менталитета, но и актуализировать, осмысливать и переосмысливать свою идентичность, прошлое и настоящее, а также конструировать здоровое будущее для потомков.

Представляется, что использование писательницей элементов научной фантастики и спекулятивной фантастики не требует отдельных комментариев, так как этот сущностный компонент объединяет метисский футуризм с футуризмом коренных народов и афрофутуризмом. Хотелось бы подробнее остановиться на его отличительных чертах — наиболее ярких для не принадлежащего к культуре метисов читателя экстралингвистических и лингвистических признаках метисского футуризма Ч. Вауэлл, помогающего автору анализировать и синтезировать в художественном тексте свою идентичность. Уже в предисловии автор перечисляет имена

³ Ibid. Preface.

ряда ключевых для культур Первых народов и метисов концептов: “wâhkôhtowin” (представление о важности взаимоотношений (и необходимости поддерживать их) не только с родственниками, друзьями, членами одной общины, представителями одного народа, но и о теснейшей взаимосвязи всего в мире, в т.ч. о родстве человека с нечеловеческими сущностями)⁴; “miyo-wicêhtowin” (принцип поддержания хороших отношений с окружающими)⁵; “miyo-pimâtisiswin” (следование по жизни правильным путем, хорошая жизнь) [Ghostkeeper, 1995]; “wîtaskiwin” (гармоничное сосуществование людей друг с другом на земле и с этой самой землей) [McLeod, 2007].

Все они актуализируются в текстах, вошедших в сборник. Так, например, в рассказе «A Lodge within Her Mind» сознание героини оказывается сопряжено в виртуальной реальности с сознанием самки канадского бобра, и в силу невозможности в течение длительного периода времени вернуться в мир реальный, вновь обрести контроль над своим человеческим телом, девушка вынуждена как бы существовать в теле бобрихи: она знакомится с мироощущением и образом жизни животного, смотрит на мир ее глазами и в итоге приходит к осознанию того, что бобриха так же, как и она сама, изголодалась по общению с себе подобными, переживает те же эмоции, что и человек (“One night, as they lay in the cozy sleeping den, she sent out a tentative tendril of sympathy to the beaver. It was met with surprise, but the beaver understood. It could not leave this place empty of other beavers, of the possibility of family, but it had never lost hope that one day, it would dive into these tranquil waters and discover a new presence”)⁶. Подобным образом складывается ситуация в рассказе «I, Bison»: героиня узнает, что ее погибшая кузина до своей кончины втайне от близких приняла участие в эксперименте, связанном с эмуляцией мозга, в результате чего ее сознание оказалось оцифровано и продолжает существовать в виртуальной оболочке равнинного бизона, причем чувствует себя среди таких цифровых бизонов намного комфортнее, чем при жизни среди людей, что в очередной раз позволяет автору подчеркнуть значимость взаимосвязи всего

⁴ Dion S. Wâhkôhtowin: The Value of Relationships Amid Crisis // The Quad, 2020. URL: <https://www.ualberta.ca/the-quad/2020/05/wahkohtowin-the-value-of-relationships-amid-crisis.html> (accessed: 01.12.2024).

⁵ Cardinal H., Hildebrandt W. Treaty Elders of Saskatchewan: Our Dream Is That Our Peoples Will One Day Be Clearly Recognized as Nations. University of Calgary Press, 2000.

⁶ Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. A Lodge within Her Mind.

в мире, родства в широком понимании, а также взаимного уважения (“Bison don’t think of other bison as less than, or more than; we’re just bison”)⁷.

О гармонии между людьми, а также людьми и средой, которую разрушают колонизаторы, речь идет, например, в тексте «Buffalo Bird», где рассматривается альтернативный вариант истории — если бы Железная конфедерация не была уничтожена и продолжила выполнять функции барьера, защищающего коренное население от американской и канадской экспансии; а также в «Maggie Sue», где героиня встречает лисицу-духа в человеческом облике и чудесным образом переносится на равнину, где несметные полчища живых существ, от диких бизонов до пресмыкающихся и неразличимых в густой траве насекомых, оплакивают огромные потери своих братьев и сестер (“The rumble rose to a low moan, and at first, I thought I must be making that guttural sound, but it was too big for one human body. It continued to rise to a keening; the throats of millions of animals, not just buffalo, joined in mourning. I tried closing my eyes, but the neon pinks and greens were burned into my brain, and still they fell; they fell, bulls, cows, calves, and all”)⁸. Животные держат совет, не истребить ли человечество, не разрушить ли города и «перезапустить» жизнь без человека, в итоге председательствующий на собрании Висакечак (мифологический персонаж, с которым связан концепт родства всего сущего, который учит порядку и которого равнинные кри называют по имени лишь зимой, а в другое время года — Старшим Братом), уже в рассказе «I, Bison» приходит к заключению о том, что уничтожать человеческую цивилизацию пока не стоит — все-таки люди хотя бы занялись реинтродукцией равнинных бизонов, а дальше будет видно (“The council had been clear. Despite everything these humans had done, forgiveness was possible”)⁹.

Важность поддержания отношений с окружающими и ведения хорошей, правильной жизни в соответствии с традиционными учениями метисов наиболее ярко из всех произведений сборника «Buffalo Is the New Buffalo», на наш взгляд, раскрывает рассказ «Michif Man» о мужчине, который становится жертвой радиоактивного бизона и обретает суперсилу, а также способность оставаться в памяти только тех людей, с кем он связан родственными узами. Благодаря этому он многократно отстаивает интересы метисов

⁷ Ibid. I, Bison.

⁸ Ibid. Maggie Sue.

⁹ Ibid. I, Bison.

и наказывает белых колонизаторов за злодеяния (не прибегая к физическому насилию, поскольку это противоречит традиционным ценностям метисов), но при этом не подвергается репрессиям со стороны последних, ведь его действия и лицо забываются ими, стоит им отвернуться (“These stories may seem underwhelming to those of us accustomed to the hyperbolic feats of comic book superheroes, but our research demonstrates that Michif Man used his superpowers in culturally relevant ways that fulfilled the needs of reciprocity, kinship, and community. As he was clearly unable to receive acclaim or fame outside of his community, he directed his efforts toward raising up the whole people. In doing so, he aided in extraordinary communal acts of resistance against ongoing settler colonial violence against Métis people, and circumvented or outright subverted bureaucratic processes intended to subjugate, discipline, or punish Métis who refused to assimilate into a Canadian model of citizenship”)¹⁰.

Помимо вышеупомянутых концептов, значимых для многих коренных народов Канады, в произведениях сборника «Buffalo Is the New Buffalo» актуализируется и традиционное нелинейное представление о времени как о континууме, в котором сопряжены настоящее, прошлое и будущее. Провозглашаемый автором принцип метисского футуризма — конструирование будущего метисов вокруг их прошлого, принятие космологии метисов и их представлений о системе отношений, связывающих людей друг с другом и с окружающим миром, как данных, настолько же значимых, как и факты западной науки, позволяет в сюжете буквально каждого произведения сборника совмещать высокие технологии Запада с традиционными учениями метисов. Отдельного упоминания заслуживает текст, озаглавленный «ânikôhîcikan», что на равнинном кри означает завязанную нитку бус, т.е. бусы, противоположные концы которых скреплены между собой. Именно эту языковую единицу Старейшина использует как метафору, проявляющую связь между прошлым и будущим, между детьми и предками народа. Для обозначения и предков и будущих поколений употребляется «ânikôtapanak» — родственная «ânikôhîcikan» единица: “The Elder thought for a moment, “ânikôhîcikan is a string of beads tied end to end, like the hanks you can buy. The words are related, though; ânikê refers to being linked together end to end. ânikôtapanak means the ancestors, but also our descendants”. The Elder mimed pulling a string of beads straight. “Our ancestors here” — she lifted her left hand ever so

¹⁰ Ibid. Michif Man.

slightly — “our descendants here”. She lifted her right hand a smidge, too. “Both are âniskôtapanak” <...> “That is where the âniskôtapanak meet”, she said, making the open and closed gesture again”¹¹.

Также среди выдающихся экстралингвистических черт рассматриваемого сборника представляется необходимым отметить множественность и гибридность жанров, а также его автоэтнографичность. Что касается жанрового своеобразия, все произведения, вошедшие в состав сборника, отличаются друг от друга по объему и жанру. Некоторые сочетают элементы нескольких жанров. Например, «Dirty Wings» — художественный текст, вдохновленный одной из традиционных для коренных народов форм учений — сном (“*rawâmêwâcimowin* (a spiritual dreaming story)”). В «Michif Map» соединены фрагменты доклада на научной конференции о реальной жизни загадочного супергероя метисов — Мичифмена — и привычное повествование от третьего лица о жившем в середине XX века в Эдмонтоне Френки Кэллиху и его невероятных приключениях. В свою очередь «âniskôhîcikan» представляет собой сразу три текста: хинт-фикшн из менее чем двадцати слов, прозаическую миниатюру флеш-фикшн и собственно рассказ, причем все на одну и ту же тему.

В отношении автоэтнографичности сборника следует отметить, что предисловию к восьми основным текстам сборника предшествует раздел «Locating Myself», в котором писательница подробно перечисляет своих родных до прапрапрадедов, а также территории и особенности ландшафта тех местностей, которые так или иначе оказали воздействие на ее представления о своей культурной и личностной идентичности в настоящий момент, очерчивая связи между собой, людьми и местами, что Б. Макдугал предложила называть “kinscape” [Macdougall, 2010], пейзажем родства в широком понимании. Неудивительно поэтому, что обнаруживаются сходства или связи между некоторыми персонажами и родными писательницы. Например, героиня новеллы «The Buffalo Bird» — Анжелик Луайе, а это имя прапрапрабабушки автора, в девичестве Анжелик Кэллиху, которая вышла замуж за Луи Луайе; Мичифмэн, метисский супергерой середины XX столетия, носит фамилию Кэллиху, то есть также приходится родственником автору. Ч. Вауэлл в комментариях к текстам и заключении подчеркивает, насколько ценно было для нее сфокусироваться именно на микро- и макроистории, имеющей отношение к ее идентичности, сколько сведений о своих родных, о

¹¹ Ibid. âniskôhîcikan.

событиях и реалиях разных эпох, происходивших вокруг Лак Сент-Анн, ей удалось проработать. Таким образом, автор на собственном примере демонстрирует возможности реконструирования и/или переосмысления своего места / места семьи в истории народа, места культуры в мировой истории и в будущем человечества.

Отдельно хотелось бы остановиться на лингвистическом оформлении сборника Ч. Вауэлл «Buffalo Is the New Buffalo». В первую очередь обращает на себя внимание название, поскольку заключенные в нем идеи пронизывают все представленные в сборнике тексты, и уже во введении автор комментирует целесообразность использования метафоры “Buffalo Is the New Buffalo”. Бизон, как известно, занимает одну из ключевых позиций в культуре метисов, так как на протяжении многих лет до полного истребления живших в дикой природе равнинных бизонов эти животные являлись, с одной стороны, источником жизни, давая продукты питания, материал для изготовления одежды, товары для торговли, а с другой — следование за бизонами и правила охоты структурировали общество и упорядочивали отношения между людьми. Лишившись столь значимой части культуры, народ оказывается перед выбором: заикливать внимание на том, что уже не вернуть, и понимать формулировку “X is the new buffalo” как призыв горевать над утратой чего-то невосполнимого, подобного по значимости дикому равнинному бизону для народов канадских прерий; или же воспринимать какой-то объект/феномен как нечто, достойное того, чтобы взять на вооружение и относиться с пиететом, как метисы относились к бизону. Отсюда метафоры типа “Education is the new buffalo”¹² и “Pipelines are the new buffalo”. Писательница в качестве первой части уравниения употребляет имя культуруноносного концепта “buffalo”, чтобы подчеркнуть возможность, реальность возвращения к жизни важнейшего пласта культуры — традиционных учений, которые доминирующая группа белых колонизаторов позиционирует как пережитки прошлого, не способные вести культуры меньшинств к благополучному будущему.

Используя лексику “buffalo” вместо более привычной и более подходящей в плане семантики с точки зрения представителей западных культур лексики “bison”, Ч. Вауэлл и ее персонажи не просто констатируют свою принадлежность к культуре канадских метисов и подчеркивают статус метисов как народа, а не как результата исто-

¹² См., например, *Weasel Fat R. What's the big idea? “New Buffalo”* // *Wider Horizons / Lethbridge Polytechnic*, 2017. URL: <https://lethpolytech.ca/wider-horizons/fall-2017/whats-big-idea-new-buffalo> (accessed: 01.12.2024).

рического процесса. Они делают это с пафосом этноцентризма. Так, героиня новеллы «Maggie Sue», от лица которой ведется повествование, обращаясь к допрашивающим ее белым полицейским, комментирует целесообразность употребления конкретной лексемы, параллельно обвиняя всех представителей их культуры в геноциде и неправомерности предъявления каких-либо претензий к коренным народам: “Huh? Bison? Yeah, I know that’s the right word, but you understand me when I say buffalo, don’t you? I mean, it’s a little rich to tell neechies how to call an animal your folks only met a hundred years ago or something. And that you genocided so you could build McMansions on all our lakes. Do you speak Michif? Cree? Nakota? How about Saulteaux? Know how to say buffalo in any of those languages? No? Okay, then. I get to say bison or buffalo all I want, how’s that? No, I don’t care if your family wasn’t here when it happened. You want this story or not? Sorry, that’s just a pet peeve of mine. Buffalo buffalo buffalo”¹³.

Единственный персонаж из числа метисов, который акцентирует внимание на означаемом, а не на языковом знаке, который закрепляется за этим означаемым, — это героиня рассказа «I, Bison» Гас, обнаружившая сознание своей умершей кузины в теле бизона в цифровом пространстве: “About that. Angie, why the fuck are you a buffalo?” “Ahem. I am a bison, thank you”, she answered in mock disapproval, her relief at the change in topic palpable. “Buffalo, bison; potato, potahto. Seriously, how did this happen?”¹⁴. Для девушки не имеет принципиального значения вербальный ярлычок, навешиваемый на облик ее сестры в настоящий момент, важно лишь, что теперь, с точки зрения Старейшин, ее душа не сможет найти после смерти путь к предкам, ведь девушка оказывается привязанной к миру живых посредством технологий.

Еще одним значимым, на наш взгляд, аспектом языкового оформления сборника «Buffalo Is the New Buffalo» является активное внедрение автором в текст единиц из равнинного кри. Это может произвести несколько противоречивое впечатление на читателя, поскольку Ч. Вауэлл характеризует свой труд как работу в русле метисского футуризма, а не футуризма кри, однако использует не мичиф, а именно равнинный кри. Дело в том, что, по собственному признанию автора, несмотря на то, что она считает себя носителем культуры метисов (поскольку ее мать — метиска, а отец — белый с украинскими и ирландскими корнями), единственный из говоров

¹³ Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. Maggie Sue.

¹⁴ Ibid. I, Bison.

коренных народов Канады, которым она владеет, — это диалект Y равнинного кри: “nêhiyawêwin (Plains Cree, Y dialect)”. Прибегая к аргументам Т. Бидз о тесных связях между метисами и кри и о частичном совпадении учений кри и метисов, Ч. Вауэлл описывает философскую основу своей идентичности не как Т. Бидз: вместо “nêhiyawî-itâpisiniwîwin” [Beeds, 2014] — «мировосприятие кри, которое разделяют метисы» — она выбирает формулировку “ôtipêyimisow-itâpisiniwîwin”, чтобы подчеркнуть транслируемый в ее произведениях фрагмент мировосприятия метисов, разделяемый кри.

Примечательно, что писательница применяет стандартный вариант романизации кри, а не варианты, используемые в тех источниках, с которыми она работала, тем самым максимально обобщая тот пласт культуры кри, который в конечном счете оказался интегрирован в ее метисское сознание и самосознание. Интересно также и то, что употребляемые Ч. Вауэлл в разных текстах сборника единицы из кри нередко остаются без перевода или даже комментариев. В тех же случаях, где пояснения есть, они очень немногочисленны (например, из 37 случаев использования лексемы “kookum” только в одном имеется пояснение: “my mom, kookum’s daughter”, притом что “kookum” употребляется не только в качестве эквивалента термина родства). Редким исключением является единица “wiya”, которая регулярно комментируется и в самом тексте и за его пределами, что, как нам представляется, связано с тем, насколько важно для автора четко обозначать гендерную идентичность. О своей гендерной и прочих идентичностях Ч. Вауэлл заявляет в начале сборника: “I am a white-looking, cis, queer, ...”¹⁵. “Wiya” преимущественно используется автором при описании персонажа мифологии кри и других коренных народов, которого равнинные кри в период с весны до осени не называют по имени. Писательница и ее герои обращают внимание на широко распространенный среди представителей культуры «белых угнетателей» стереотип о том, что Старший Брат — мужчина, и спешат развеять такие представления, поскольку в равнинном кри нет аналога англоязычных местоимений “he” и “she”, зато наличествует гендерно-нейтральная единица “wiya”, позволяющая показать, что вышеупомянутый персонаж мифологии не стеснен гендерными рамками: “And don’t be fooled — just because I keep saying “he” and “Brother” I’m telling you That One isn’t constrained by gender. English uses “she” and “he” but in Cree it’s just wiya, and wiya has no gender”¹⁶.

¹⁵ Ibid. Locating Myself.

¹⁶ Ibid. Maggie Sue.

В подавляющем же большинстве случаев, как было отмечено выше, читателю необходимо самостоятельно «вскрывать» семантику и прагматику представленных в тексте элементов равнинного кри с привлечением словарей и справочников. Такое положение дел неслучайно: автор прямо заявляет, что намеренно оставляет некоторые используемые неанглоязычные единицы без пояснений, чтобы аудитория прикладывала когнитивные усилия для постижения хотя бы каких-то фрагментов описываемой культуры — метисской, ведь для представителей коренных народов не составляет труда пользоваться критической литературой и методическими рекомендациями, когда они изучают произведения классической западной литературы или когда встречаются в английском языке заимствования из других языков: “Just as I have had to research the sources of literary allusions unfamiliar to me in order to access deeper meanings within Western European literature, I expect this work to be done by non-Indigenous peoples, especially those on our lands. <...> I refuse to always translate, because I want non-Indigenous people to learn these words, as they have learned French, Spanish, German, and Japanese phrases which are peppered throughout English”¹⁷.

В целом, анализ художественных текстов, представленных в сборнике Ч. Байэлл «Buffalo Is the New Buffalo», дает основания говорить о том, что «глобальная стратегия» автора в области речевого воздействия, — это «игра на понижение» по О.С. Иссерс [Иссерс, 2017], что проявляется в активном использовании одной из самых сильных конфликтных стратегий речевого поведения — стратегии дискредитации. Она реализуется в рассмотренных произведениях, например, посредством тактики обвинения (“Maybe me being such a fuck-up wasn’t just a me and my bootstraps problem. Maybe never having space without colonizers colonizing means we can’t actually fix anything yet. Maybe we can’t be good relations because we have to relearn how, and no one is actually giving us the time to do it”¹⁸, — в пресуппозитивной форме и эксплицитно дается негативная информация о колонизаторах: уже самим фактом своего существования в жизни коренных народов они не дают последним возможности восстановить связь с традиционной культурой и укрепить свое психологическое благополучие); использования иронии и даже сарказма по отношению к доминирующей культурной группе — потомкам белых европейцев; драматизации. Еще одной отличительной чертой лингвистическо-

¹⁷ Ibid. *Dirty Wings Exploration*.

¹⁸ Ibid. *Maggie Sue*.

го оформления сборника можно считать свободное использование ненормативной лексики, включая сленгизмы типа “neeshies”, употребляемые по отношению к ингруппе, а также обсценизмы типа “f-word” и его производных, которые, что примечательно, по преимуществу не применяются для оскорбления выходцев из культуры колонизаторов, а выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, выражая переживания героев в связи с тем, что жизнь их складывается не так, как хотелось бы.

Таким образом, проведенное исследование художественных текстов, вошедших в сборник «Buffalo Is the New Buffalo» Ч. Бауэлл, а также комментарии писательницы к ним, позволяет заключить, что в идиоконцептосфере автора метисский футуризм предстает метаконцепцией культуры, позволяющей как создателю текста, так и его целевой аудитории вместе «думать иначе» и «поступать иначе» за счет максимальной персонализации формата и содержания произведения: автор демонстрирует возможности эффективного (ре)конструирования в тексте и посредством текста культурной, личностной и прочих видов идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимова А.Д. Термин «метаконцепт» и понятия терминологического ряда с компонентом «мета» // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2022. № 4(75). С. 26–35.
2. Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Ленанд, 2017.
4. Beeds T. Remembering the Poetics of Ancient Sound kistêsinâw/wisah-kêcâhk's maskihkiy (Elder Brother's Medicine) // Indigenous Poetics in Canada / ed. Neal McLeod. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2014. P. 61–72.
5. *Ghostkeeper E. Spirit Gifting: The Concept of Spiritual Exchange*. Master of Arts Thesis. 1995.
6. Lyons S.R. Rhetorical Sovereignty: What Do American Indians Want from Writing? // College Composition and Communication. 2000. № 3(51). P. 447–468.
7. Macdougall B. One of the Family: Metis Culture in Nineteenth-Century Northwestern Saskatchewan. Vancouver: UBC Press, 2010.
8. McLeod N. Cree Narrative Memory: From Treaties to Contemporary Times. Saskatoon, Saskatchewan: Purich Publishing Limited, 2007.

Sof'ya S. Gretskaya

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS OF “MÉTIS FUTURISM” AS A TOOL FOR IDENTITY (RE)CONSTRUCTION IN FICTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gnole_fungle@mail.ru

Abstract. The focus of the present paper is on “Métis futurism” as a conceptual framework that allows writers to actualize, construct and reimagine personal, cultural and other types of identity in and through fiction. Characteristics of “Métis futurism” as postulated by Ch. Vowell, a Canadian Métis writer, are examined through a study of her short story collection “Buffalo Is the New Buffalo” (2022) accompanied by the writer’s commentaries. The aim is to outline the key extralinguistic and linguistic aspects of Métis futurism as exemplified by Ch. Vowell’s fiction, as well as to analyze the function of the metaconcept in question within the author’s idioconceptual subsystem.

The results obtained show that given the hybridity of genres, postcolonial speculative rhetoric, a set of culture-specific concepts relevant for the Métis people and other Indigenous cultures, alongside the extensive use of the speech strategy of discredit and non-English language means that the target audience is supposed to decode on its own, “Métis futurism” allows the writer to personalize and customize the format and the content of their fiction in accordance with their goal of inviting the audience to participate in the (re)construction of all kinds of identity in and through text, thereby performing its interpretive function.

Keywords: metaconcept; interpretive function of a concept; Métis futurism; concept as actualized in fiction; identity (re)construction in fiction

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Gretskaya S.S. (2025). Linguistic and Extralinguistic Aspects of “Métis futurism” as a Tool for Identity (Re)Construction in Fiction. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 37–51. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-3 (In Russ.)

About the author: Sof'ya S. Gretskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; gnole_fungle@mail.ru

REFERENCES

1. Efimova A.D. 2022. Termin “metakontsept” i ponyatiya terminologicheskogo ryada s komponentom “meta” [The term “metaconcept” and the notions of the terminological series with the component “meta”]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya*, no. 4(75), pp. 26–35. (In Russ.)

2. Boldyrev N.N. 2016. Tipologiya kontseptov i yazykovaya interpretatsiya [The typology of concepts and linguistic interpretation]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L.G. Babenko, 28–30 sent. 2016 g., Ekaterinburg, Rossiya*. M.; Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 16–25. (In Russ.)
3. Issers O.S. 2017. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. M., Lenand. (In Russ.)
4. Beeds T. 2014. Remembering the Poetics of Ancient Sound kistêsînâw/wisahkêcâhk's maskihkiy (Elder Brother's Medicine). *Indigenous Poetics in Canada / ed. Neal McLeod*. Waterloo, Wilfrid Laurier University Press, pp. 61–72.
5. Ghostkeeper E. 1995. *Spirit Gifting: The Concept of Spiritual Exchange*. Master of Arts Thesis.
6. Lyons S.R. 2000. Rhetorical Sovereignty: What Do American Indians Want from Writing? *College Composition and Communication*, no. 3(51), pp. 447–468.
7. Macdougall B. 2010. *One of the Family: Metis Culture in Nineteenth-Century Northwestern Saskatchewan*. Vancouver, UBC Press.
8. McLeod N. 2007. *Cree Narrative Memory: From Treaties to Contemporary Times*. Saskatoon, Saskatchewan, Purich Publishing Limited.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024;
 одобрена после рецензирования 15.12.2024;
 принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.12.2024;
 approved after reviewing 15.12.2024;
 accepted for publication 25.12.2024.

Е.Ю. Воробьева

РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ПРОЦЕССЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; velena2007@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные метафоры как один из способов вербализации эмоций человека. Актуальность исследования эмотивной составляющей обусловлена ее многоаспектностью и имманентным присутствием эмоций в структуре языка, сознания и мышления. Эмоции лежат в основе деятельности человека и тесно связаны с познавательными процессами. Лексика эмоций является отражением и способом выражения различных эмоциональных состояний, формируя индивидуальный лексикон человека. Поскольку эмотивная лексика не имеет четких смысловых границ, практически все лексемы при определенной коммуникативной ситуации могут стать эмотивами. Результатом размытости границ поля эмотивности становится появление множества вторичных номинаций эмоций, образованных с помощью метафорических переносов. Когнитивная метафора, транслируя человеческие эмоции и совмещая чувственные и рациональные компоненты, создает особый пласт средств выражения эмоциональных состояний в языке. В процессе метафоризации традиционное наименование перемещается в иную предметную плоскость, в результате подобного категориального сдвига создаются новые образы и смыслы с эффектом эмоциональной напряженности. В статье с целью изучения когнитивной метафоры в контексте эмотивности рассматривается взаимодействие различных понятийных сфер французского языка с привлечением материала из политических статей, интервью, рекламных каталогов, художественной литературы, а также Корпуса французского языка CorpusEue. Устанавливается, что в результате интеграции разных концептов не только формируется эмоциональная оценка фактов действительности, но и оказывается воздействие на общественное сознание посредством стилистики языка и эмотивной лексики, характеризующейся широкой вербальной представленностью и семантическим разнообразием.

Воробьева Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; velena2007@mail.ru

© Воробьева Е.Ю., 2025

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, когнитивная метафора, коннотативный образ, категориальный сдвиг, семантическая аномалия, специфическое ментальное пространство, эмоциональное напряжение

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-4

Для цитирования: Воробьева Е.Ю. Роль когнитивной метафоры в процессе вербализации эмоций (на материале французского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 52–65. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-4

Интерес к лингвистической репрезентации человеческих эмоций объясняется их многоаспектной природой и ролью в отражении мира в языке. В настоящее время эмотивная функция языка рассматривается как самостоятельная составляющая, играющая важную роль в жизнедеятельности человека. В современной лингвистике сформировалось новое научное направление — эмотиология (термин В.И. Шаховского), в рамках которого эмоции изучаются как результат сложных когнитивных процессов, которые отражают объекты действительности, имеющие непосредственную значимость для субъекта [Арутюнова, 1990; Болдырев, 2019; Стернин, 1985; Шаховский, 2008]. Тот факт, что когнитивные процессы подвергаются влиянию эмоциональных факторов, а эмоциональность имеет различные варианты вербализации, позволяет говорить о взаимосвязи когниции и эмоций. Эмоциональная информация может инициировать процессы мышления, регулировать или быть следствием когнитивных процессов, сопровождающихся эмоциональными оценками.

В современной лингвистике изучение эмоциональных состояний как сложных концептуальных структур предполагает их рассмотрение с позиции психологии, физиологии и когнитивистики. По мнению В.И. Шаховского, «эмоции всегда ситуативны и когнитивны» [Шаховский, 1987: 85], так как вербальная информация, передающая эмоции, всегда связана с конкретной ситуацией и человеком. Согласно психологическому словарю, «эмоции (от латинского *emoveo* — волную, потрясаю) — это особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха и т.д.) значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности»¹.

¹ Психологический словарь. URL: <https://www.b17.ru/dic/?ysclid=m06k0nuhnn326425532> (дата обращения: 22.08.2024).

Эмоции как психологическая категория на языковом уровне трансформируются в эмотивность, которая в коммуникации выражается посредством специальных единиц-эмотивов. В.И. Шаховский определяет эмотивность как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [Шаховский, 2008: 5]. Эмоции проникают в язык через эмоциональную оценку фактов действительности, которая транслируется с помощью номинативной лексики, характеризующейся широкой вербальной представленностью и семантическим разнообразием, что позволяет говорить о принадлежности единиц-эмотивов к ядру лексической системы языка и об актуальности эмоциональных процессов в жизнедеятельности человека.

Имманентное присутствие эмоций в структуре языка позволяет познать внутренний мир языковой личности, так как эмоции лежат в основе психического отражения действительности и мотиваций человека. Одна и та же лексическая единица может передавать различные эмоциональные состояния. В рамках психолингвистики эмотивность рассматривается как формирование индивидуального лексикона человека, зависящего от личностных характеристик, социальных и культурных условий. Эмоции испытывает каждый человек, однако в разных лингвокультурных группах функционируют различные нормы проявления эмоций, что находит свое отражение в языке.

По мнению И.А. Стернина, практически все лексемы при определенной коммуникативной ситуации могут стать эмотивами, но с разной интенсивностью, которая зависит от контекста [Стернин, 1985]. Поскольку эмотивы не имеют четких смысловых границ, за ними сложно закрепить конкретное эмотивное значение. Результатом размытости границ поля эмотивности становится появление множества вторичных номинаций эмоций, образованных с помощью метафоры, которая, согласно Н.Д. Арутюновой, всегда подразумевает эмоциональное воздействие [Арутюнова, 1990: 8].

Неослабевающий интерес к метафоре объясняется ее присутствием в различных видах дискурса: в поэтической речи, публицистике, политике, науке, повседневной жизни. Человек мыслит метафорически, метафора «присуща человеческому мышлению и языку как таковая» [Гак, 1988: 12]. Люди нуждаются в метафорах, чтобы, с одной стороны, заполнить лакуны в языке, а с другой — сделать язык более образным и эмоционально наполненным. Метафора «удлиняет “руку” интеллекта» [Хосе Ортега-и-Гассет, 1990: 72], помогая «достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального

поля, ... объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям» [Хосе Ортега-и-Гассет, там же]. В свою очередь Ю.С. Степанов полагает, что «посредством метафоры говорящий ... вычленяет ... из тесного круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи, другие миры» [Степанов, 1985: 229].

В рамках современного когнитивного подхода метафора рассматривается как ментальная операция, позволяющая познавать и структурировать действительность [Болдырев, 2019; Демьянков, 1994; Кубрякова, 2012; Блэк, 1990; Джонсон, Лакофф, 2008]. Когнитивная метафора не обладает линейной структурой, и ее семантическое значение определяется не суммой значений ее компонентов, а единым коннотативным образом, представляющим «единицу знания, которая совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия объекта или ситуации» [Болдырев, 2019: 57].

В процессе сопоставления фактов действительности, в значительной степени несопоставимых, создается «новая реальность» (термин Лакоффа и Джонсона), позволяющая получать дополнительные знания о мире. При объединении двух предметов, относящихся к разным сферам опыта, «помимо общего смятения и напряжения чувств, мы достигаем самого важного — усилия сознания, чтобы соотнести эти предметы друг с другом» [Ричардс, 1990: 63–64]. Чем больше различий между сопоставляемыми предметами, тем сильнее эффект напряженности и эмоционального воздействия, которое, в свою очередь, формирует оценочность метафорических переносов.

В рамках изучения когнитивной метафоры как одного из способов создания эмотивности в статье рассматривается взаимодействие различных понятийных сфер французского языка с привлечением материала из политических источников, рекламных каталогов, художественных произведений, а также Корпуса французского языка CorpusEye². Объем проанализированного материала составил 7 политических интервью, 2 политические статьи, 20 каталогов товаров потребительского спроса (парфюмерия и косметические средства, ткани, краски для интерьера, автомобили), 9 художественных текстов. Обращение к разнообразным сферам использования метафоры (политической, художественной, рекламной) объясняется целью данной работы — показать функционирование когнитивной метафоры и ее эмоциональное воздействие в разного рода дискурсах.

² Корпус французского языка CorpusEye. URL: <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.fr.html> (дата обращения: 02.02.2021).

При изучении политического дискурса в структуре когнитивной метафоры зафиксировано взаимодействие разных понятийных систем, в результате которого осуществляется перенос признака предмета или объекта на ситуацию, событие, идею, воспоминание из другой сферы деятельности. Например, использование понятий из спортивного дискурса в политическом контексте позволяет представить политическую деятельность как спортивное соревнование, в результате которого политика представляется как соревнование, где победу одерживает сильнейший: *un marathon politique* / политический марафон; *jouer le match* / провести политический диспут; *jouer franc jeu* / вести честную игру; *chacun a ses pions* / каждый имеет свои пешки. Употребление понятий из кулинарной сферы демонстрирует политический процесс как искусство или творчество, которые предполагают знание определенных секретов: *les ingrédients de la politique* / ингредиенты политики, *la cuisine politique* / политическая кухня; *une grosse part du gâteau* / жирная часть пирога; *je rends mon tablier* / я умываю руки (дословно «я возвращаю свой фартук»); интеграция концептов из политической и бытовой жизни представляет политические события как повседневную деятельность, направленную на решение насущных проблем: *ouvrir la table, ouvrir la porte* / *открыть стол, открыть дверь* в политическом контексте означает «начать диалог»; *l'accord a volé en éclats* / договор сведен на нет (дословно «разлетелся вдребезги»). Использование понятий из технической сферы формирует дополнительный смысл «устойчивость», «надежность»: *être à contrecourant* / быть в оппозиции (дословно «быть в противоположном течении»), *faire barrage à l'accord* / заблокировать договор (дословно «преградить путь»)³.

В политическом дискурсе зафиксировано употребление сенсорной лексики для отражения процессов понимания и познания. В результате синтеза эмпирического и интеллектуального познания происходит концептуализация нового знания об абстрактном феномене по аналогии с визуально воспринимаемым. По мнению Н.Д. Арутюновой, особенности сенсорных механизмов человека при взаимодействии с психикой позволяют «сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое, ... порождая метафору в любых видах дискурса» [Арутюнова, 1990: 9]. В рамках метафорического переноса сенсорная лексика приобретает дополнительные смыслы, передавая не только форму, цвет, звуки и различительные осязательные свойства, но и мыслительную деятельность человека:

³ Interview du Premier ministre Michel Barnier à TF1. URL: <https://youtu.be/1mCZg5aQ0zk?si=0NAj5GFOVft6jsoM> (дата обращения: 06.09.2024).

зрительное восприятие = понимание — *je vois ce que vous dites* / я вижу = понимаю, что вы говорите; слуховое восприятие = понимание — *j'entends vos paroles* / я слышу = понимаю ваши слова; *je sens ce que vous voulez dire* / я чувствую = понимаю, что вы хотите сказать. Таким образом, процесс понимания в сознании человека интерпретируется с помощью сенсорного восприятия предметов, которое, хотя и не сопровождается эмоциональной напряженностью, открывает возможность познания собственных возможностей и осознания способов решения проблем коммуникации по аналогии с эмпирическим опытом.

Эмоциональное воздействие политической метафоры достигается также через оживление внутренней формы, в результате которого происходит создание дополнительной эмоциональной нагрузки. Так, в выражениях *cette affirmation s'inscrit* / это утверждение вписывается, *la situation se traduit* / ситуация интерпретируется (дословно «переводится»), *la question se pose* / вопрос ставится, *bâtir une majorité solide* / выстроить крепкое большинство, *faire barrage aux négociations* / создать препятствие переговорам (дословно «заграждение»), *le virus circule* / вирус распространяется, *les contaminations reculent*⁴ (заражение отступает) предметам приписываются характеристики и состояния живых существ, тем самым передается дополнительная энергия или напряженность ситуации, побуждающая к активным действиям и принятию решений.

В политическом дискурсе наибольший эмоциональный эффект реализуется с помощью зооморфной метафоры, которая обладает сильным оценочным и когнитивным потенциалом, являющимся не только способом познания окружающего мира, но и средством, помогающим «оценить человеческие поступки и качества сквозь призму образов животных, птиц, рыб» [Богданова, 2023: 25]. В процессе концептуализации действительности на основе образной аналогии с животным миром формируются этнокультурные образы с сильным эмоциональным градусом, которые часто используются во французском политическом контексте для создания контекста с отрицательным эмоциональным зарядом: *l'animal politique* (политическое животное) [Fottorino, 2018: 13] — сравнение политического деятеля с животным образует ассоциацию *политика* = *борьба за власть* по аналогии с животным, который борется за лидерство как за способ выживания.

⁴ Actualités 06/09/2021 13:52. Macron prêt à «lever le pass» dans les territoires «où le virus ne circule quasiment plus». URL: https://www.huffingtonpost.fr/actualites/article/macron-pret-a-lever-le-pass-dans-les-territoires-ou-le-virus-ne-circule-quasiment-plus_186163.html (дата обращения 02.09.2024).

В рекламном дискурсе метафора представляет собой лингвистические когнитивные структуры, преобразуемые человеком в контексте культуры повседневности. Например, маркетологи и дизайнеры используют цветовые метафорические образы в качестве эмотивного элемента, близкого к художественному творчеству, который во многом определяется культурно-социальной средой. Макс Блэк, называя метафору «творческим актом» [Блэк, 1990: 154], полагает, что семантическая аномалия или сопоставление разных понятийных систем, присущее когнитивной метафоре, создает эффект эмоционального напряжения, благодаря которому языковая коммуникация становится более креативной. Метафорические структуры способны реализовывать эмоционально-экспрессивное отражение окружающего мира, наглядно иллюстрируя экстремальную ситуацию или реакцию человеческого сознания на процессы взаимодействия с действительностью. Так, в цветообозначениях косметических товаров *rouge flamboyant* (красный готический пламенеющий) и *rouge provocation* (красный провокационный) красный сравнивается с огнем пламени и с провокацией, транслируя коннотации возбуждения и риска; цветообозначения *rose barbare* (розовый вызывающий) и *rose criard* (розовый кричащий) создают эмоциональные ощущения грубости и безвкусыя, а цветонаименование *rose désirable* (розовый желанный), напротив, формирует коннотации «мечта» и «влечение»⁵.

Опираясь на визуальные внутренние образы (представление, воображение), представленные когнитивной метафорой, запускается процесс визуального мышления, который формирует новую смысловую нагрузку. Например, во французском языке оригинальная номинация цветового оттенка косметической продукции содержит не только новую информацию о предмете, но и активизирует приятные воспоминания и переживания, отражающие ценностные предпочтения и эмоциональные запросы современной языковой личности в обыденной жизни: *zéphir d'ivoire* (зефир слоновой кости), *caravane des sables* (караван пустынь), *soupçon de rose* (розовое сомнение), *j'adore* (я обожаю), *grace sauvage* (дикая грация), *champagne fumée* (винные пары от шампанского), *ciel de Parme* (небо Пармы), *bleu éclipse* (темный синий — сравнение с затмением), *gris sage* (серый мудрый), *gris d'orage* (серый грозовой) [Воробьева, 2024:

⁵ Guerlain. Catalogue produits cosmétiques. URL: <http://www.guerlain.com/fr/> (дата обращения 19.05.2022); Chanel. Catalogue produits cosmétiques. URL: http://www.chanel.com/fr_FR/parfums-beaute/maquillage/collection-refletsdetedechanel.html#page-4 (дата обращения 29.06.2022).

195–198]. Подобная поэтическая номинация цвета используется маркетологами для «соблазнения» потребителей и продвижения товаров.

В художественных текстах метафорический перенос, создавая эмоционально-коннотативные смыслы, гиперболизирует и актуализирует признаки объекта. Интенсификация признака посредством когнитивной метафоры является доказательством субъективной природы в отражении действительности и воздействия на чувства и волю адресата: *vert en mai devant l'arbre* — зеленый цвет майской листвы; *blanc de décembre sous la neige* — белый цвет декабрьского снега [Maulpoix, 1992: 75]; *blanc d'écume* — белый цвет пены волны [Briatte, 2022]; *le bleu métallique du ciel* — синий металлический цвет неба [Musso, 2017: 353]. В данных литературных примерах авторская когнитивная метафора указывает на чувственно воспринимаемый абстрактный признак, формируя вторичные характеристики объекта, свойства которого определяются по аналогии с признаками наблюдаемых явлений (зеленый-май-весна-свежесть; белый-декабрь-снег-чистота; синий-небо-металл-пасмурный-мрачный-напряженный).

Бинарная оппозиция белого и черного часто используется авторами с целью описания противостояния добра и зла. Так, Ф. Бриат (F. Briatte) сравнивает рождение человека с маленьким белым семечком (*une petite graine blanche*). Белый цвет, символизирующий зарождение новой жизни, с течением времени становится серым (*tout fini en gris* / все заканчивается серым), смешиваясь с черным, с которым ассоциируются тревоги и неудачи (*le noir de son sommeil* / черный, как сон; *les rochers ébènes* / скалы цвета черного дерева; *la larme chargée de rimmel* / черная от туши слеза) [Briatte, там же]. Метафорическая вербализация цвета является единственно возможным способом описания физического явления, не имеющего четкой физической формы и существующего только в субъективном представлении автора, который передает свои ощущения с помощью уникальной по своей семантической структуре метафоры. По мнению Г.Г. Молчановой, «цветометафора влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Она регулярно используется автором для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания достоверного художественного образа» [Молчанова, 2018: 9].

В метафоре язык и культура представляются в неразрывной связи, значение коннотативного образа определяется и эксплицируется языковой ситуацией или культурной традицией. Л.И. Богданова полагает, что национально-культурная специфика метафоры,

культурное кодирование действительности способствуют более глубокому осмыслению соотношения «язык и культура» [Богданова, там же]. Так, французское *tourner au vinaigre* / дословно «превратиться в уксус», отражая французскую традицию виноделия, обозначает вино (фр. *vin*), ставшее кислым или испорченным (фр. *aigre*), т.е. превратившееся в уксус. В переносном значении это выражение приобретает новый смысл и обозначает ситуацию, которая плохо складывается. Метафора *mettre de l'eau dans son vin* / дословно «разбавить вино водой», в бытовом дискурсе обозначающая «умерить свои претензии», также демонстрирует особенности реалий французской культуры, согласно которым не принято разбавлять водой крепкое дорогое вино.

В процессе семантического развития эмотивной лексики и формирования вторичных эмоций, связанных с культурной и социальной коммуникацией, содержание метафорических конструкций осложняется комплексными коннотативными значениями, в которых коннотативный образ не соотносится напрямую ни с одной из предикативных характеристик, а создает дополнительные значения: *tenir les deux bouts de l'omelette* / в политическом дискурсе *gouverner ensemble* — руководить вместе с различными политическими блоками (дословно «держат омет за оба конца»)⁶; *Et si les Français rêvaient d'un autre menu? Et d'œufs plus frais?* / А если французы мечтали о другом составе в Конституционный совет (дословно «о другом меню»)? И о новых политических взглядах (дословно «о более свежих яйцах»)⁷?; *sauver les meubles* / выйти из сложной ситуации без потерь (дословно «спасти мебель»)⁸; *jouer la montre* / тянуть время, умышленно затягивать дело (фр. *jouer* — «играть», *la montre* — «часы»); *plafond vert* / не превышающий пороговое значение (дословно «зеленый потолок»); *jeter l'éponge* / выйти из игры по аналогии с *passer l'éponge* / стереть, вытереть губкой (фр. *l'éponge* — «губка»)⁹.

Когнитивная метафора как демонстрация национально-специфического видения мира является эффективным подтверждением

⁶ Boulevard Voltaire. Alain Juppé: les deux bouts de l'omelette entrent au Conseil constitutionnel. URL: <https://www.bvoltaire.fr/alain-juppe-les-deux-bouts-de-lomelette-entrent-au-conseil-constitutionnel> (дата обращения: 26.07.2024).

⁷ Там же.

⁸ C dans l'air. Isabelle de Gaulmyn-Abbé Pierre: la chute d'une icône. URL: <https://youtu.be/d8K2OX40acA?si=18Y6QkOz-maGXaUT> (дата обращения: 26.07.2024).

⁹ France 24. Législatives en France: et maintenant? Parlons-en avec Najat Vallaud-Belkacem et Nora Hamadi. URL: <https://youtu.be/1mCZg5aQ0zk?si=0NAj5GFOVft6jsom> (дата обращения: 24.07.2024).

тезиса, сформулированного Е.В. Рахилиной, согласно которому разные языки имеют свои границы сочетаемости, зависящие от особенностей когнитивного механизма и культурно-специфического выбора [Рахилина, 2000]. Так, в русском языке метафора *переходный возраст* указывает на семантическую связь с новым периодом или жизненным этапом, а во французском выражении *âge ingrat* (неблагодарный возраст) семантическая связь иная, обозначающая качественные изменения характера или поведения. В русском выражении *ускоренный шаг* делается акцент на дополнительную скорость, а во французском *pas de charge* (*charge* — нагрузка, давление, напор) — на дополнительную силу.

В современную эпоху глобализации процесс семантической сочетаемости смещается в сторону интеграции когнитивных систем разных культур, в результате создается специфическое ментальное пространство, в котором действуют механизмы координации и интерференции разных концептов [Болдырев, 2019; Демьянков, 1994; Молчанова, 2018]. В процессе межкультурного взаимодействия возникают когнитивные метафоры, объединяющие предикативные значения из разных языков, создаются новые периферийные семы, фиксирующие представления носителей языка о современной реальности и отражающие чувственно-ценностные предпочтения в условиях коммуникации с представителями разных культур. Например, в метафоре *parler cash* («говорить открыто», «напрямик») происходит интеграция разных понятийных систем из двух языков: устной коммуникации (*parler* фр. — «говорить») и финансовой сферы (*cash* англ. — «наличные»). По аналогии с французским *payer cash* («платить наличными») появляется метафора, в которой *cash* в условиях «чужого» культурного контекста приобретает новые смыслы: «откровенно», «открыто». Так, по мнению Г.Г. Молчановой, происходит смена фрейма, т.е. «помещение какого-либо образа в новый фрейм, в новый национально-культурный контекст, позволяющий адресату находить новые решения, влияющие на переживание и интерпретацию ситуации» [Молчанова, 2018: 14].

Таким образом, будучи неотъемлемой частью повседневной коммуникации, метафорические структуры являются не только средством выражения и поэтизации речи, но и фактом познания и категоризации в языке, которые создают новое интегрированное ментальное пространство, позволяющее осмысливать действительность в ее многообразии и воздействовать на общественное сознание посредством стилистики языка. Источник и объект метафоры всегда принадлежат разным понятийным сферам, в результате по-

добной семантической аномалии происходит категориальный сдвиг и рождается образ — ключевой когнитивный стержень метафоры. Такое смещение возможно только при участии интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 5–32.
2. Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 153–172.
4. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М., 2019.
5. Воробьева Е.Ю. Цветовая номинация как когнитивно-эмоциональная деятельность (на примере цветообозначений французского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 194–200.
6. Гак В.Г. Метафора. Универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 11–26.
7. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2008.
10. Молчанова Г.Г. Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–18.
11. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник. Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 68–81.
12. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М., 2000.
13. Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990. С. 44–67.
14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
15. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М., 2008.
18. Fottorino E. Qu'est-ce que le macronisme? 2018.
19. Maulpoix J.-M. La couleur du poème // Une histoire de bleu. 1992.
20. Musso G. Un appartement à Paris. 2017.
21. Briatte F. URL: https://poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir (дата обращения: 25.09.2022).

Elena Yu. Vorobyeva

THE ROLE OF COGNITIVE METAPHOR IN THE PROCESS OF VERBALIZATION OF EMOTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; velen2007@mail.ru

Abstract. The article discusses cognitive metaphors as one of the ways to verbalize human emotions. The relevance of the study of the emotive component is due to its multidimensionality and the immanent presence of emotions in the structure of language, consciousness and thinking. Emotions underlie human activity and are closely related to cognitive processes. The vocabulary of emotions is a reflection and way of expressing various emotional states, forming a person's individual lexicon. Since emotive vocabulary does not have clear semantic boundaries, almost all lexemes can become emotives in a certain communicative situation. The blurring of the boundaries of the emotive field results in the appearance of many secondary nominations of emotions formed with the help of metaphorical transfers. Cognitive metaphor, conveying human emotions and combining sensory and rational components, creates a special layer of means of expressing emotional states in a language. In the process of metaphorization, concepts from various conceptual spheres interact, because of a categorical shift, new images and meanings are created with the effect of emotional tension. In order to study cognitive metaphor in the context of emotiveness, the article examines the interaction of various conceptual spheres of the French language, drawing on the material from political articles, interviews, advertising products and fiction. It is established that because of the integration of different concepts, not only an emotional assessment of the facts of reality is formed, but also an impact on public consciousness is exerted through the stylistics of language and emotive vocabulary, characterized by a wide verbal representation and semantic diversity.

Keywords: emotions, emotivity, cognitive metaphor, connotative image, categorical shift, semantic anomaly, specific mental space emotional stress

For citation: Vorobyeva E.Yu. (2025). The role of cognitive metaphor in the process of verbalization of emotions (based on the material of the French language). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 52–65. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-4 (In Russ.)

About the author: Elena Yu. Vorobyeva — PhD in Philology, Assistant Professor, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; velen2007@mail.ru

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metaforoy: Sbornik. Obshch. red. N.D. Arutyunovoy i M.A. Zhurinskoj*, pp. 5–32. (In Russ.)

2. Bogdanova L.I. 2023. Chelovek v zerkale zoomorfnoj metafory [Man in the mirror of zoomorphic metaphor]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.)
3. Blehk M. 1990. Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafory: Sbornik. Obshch. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj*, pp. 153–172. (In Russ.)
4. Boldyrev N.N. 2019. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. [Language and knowledge system. Cognitive theory of language]. 2-e izd. Moscow, Izdatelskiy Dom YASK. (In Russ.)
5. Vorob'eva E.YU. 2024. Cvetovaya nominaciya kak kognitivno-ehmocional'naya deyatel'nost' (na primere cvetooboznachenij francuzskogo yazyka) [Color nomination as a cognitive-emotional activity (using the example of the color meanings of the French language)]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1, pp. 194–200. (In Russ.)
6. Gak V.G. 1988. Metafora. Universal'noe i specificheskoe [A metaphor. Universal and specific]. *Metafora v yazyke i tekste*, pp. 11–26. (In Russ.)
7. Dem'yankov V.Z. 1994. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 17–33. (In Russ.)
8. Kubryakova E.S. 2012. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language: Cognitive Research]. Moscow, Znak. (In Russ.)
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. 2008. *Metafora, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow, LKI. (In Russ.)
10. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinesteziynaya metafora i teoriya napryazhennosti [Cognitive synesthetic metaphor and theory of tension]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
11. Ortega-i-Gasset J. 1990. *Dve velikie metafory* [Two great metaphors]. *Teoriya metafory: Sbornik. Obshch. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj*, pp. 68–81. (In Russ.)
12. Rakhilina E.V. 2000. *Kognitivnyj analiz predmetnykh imen: Semantika i sochetamost'* [Cognitive analysis of subject Names: Semantics and compatibility]. Moscow, Russkie slovari. (In Russ.)
13. Richards A.A. 1990. Filosofiya ritoriki [The philosophy of rhetoric]. *Teoriya metafory: Sbornik. Obshch. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj*, pp. 44–67. (In Russ.)
14. Stepanov YU.S. 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the three-dimensional space of language]. Moscow, LENAND. (In Russ.)
15. Sternin I.A. 1985. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [The lexical meaning of a word in speech]. Voronezh, Izdatel'stvo voronezhskogo universiteta. (In Russ.)
16. Shakhovskoj V.I. 1987. Kategorizaciya ehmcij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexical and semantic system of the language]. Voronezh, Izdatel'stvo voronezhskogo universiteta. (In Russ.)
17. Shakhovskoj V.I. 2008. *Lingvisticheskaya teoriya ehmcij* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis. (In Russ.)
18. Fottorino E. 2018. *Qu'est-ce que le macronisme?* Paris, Le 1 Philippe Rey. (In French)

19. Maulpoix J.-M. 1992. *La couleur du poème*. Une histoire de bleu. Paris, Gallimard. (In French)
20. Musso G. 2017. *Un appartement à Paris*. Paris, XO Editions. (In French)
21. Briatte F. URL: https://poesie.webnet.fr/vospoemes/Poemes/francis_briatte/le_blanc_et_le_noir (accessed: 25.09.2022). (In French)

Статья поступила в редакцию 09.09.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 01.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

С.В. Титова, И.В. Харламенко

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия; stitova3@gmail.com; ikharlamenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу подготовки учителей и преподавателей иностранных языков к интеграции искусственного интеллекта в языковое образование. Искусственный интеллект представляет собой естественное продолжение развития технологий ИКТ и обладает потенциалом изменить ход образовательного процесса. В обучении иностранным языкам нашли применение такие технологии, как генерация речи и текста, машинный перевод, лингвистические корпуса и др.

Однако исследования показывают, что в данное время лишь небольшая часть педагогического сообщества готова и способна применять технологические решения на базе искусственного интеллекта в своей работе. Внедрение искусственного интеллекта требует специальной подготовки педагогов. С целью повышения осведомленности о дидактическом потенциале искусственного интеллекта в языковом образовании в 2023 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова был разработан курс повышения квалификации «Предобученные генеративные нейросети в обучении иностранному языку». Цель данной программы — развитие профессиональной методической компетенции

Титова Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, заслуженный профессор МГУ, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков, заместитель декана по дополнительному образованию факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; stitova3@gmail.com

Харламенко Инна Владимировна — кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова; ikharlamenko@yandex.ru

© Титова С.В., Харламенко И.В., 2025

и практических умений проектирования интеллектуальных систем обучения, а также проведение анализа опыта технологических решений в области обучения иностранным языкам.

Курс успешно апробирован на 115 учителях из различных городов РФ. Проведенный после обучения на программе добровольный рефлексивный опрос показал, что слушатели нашли для себя ценным возможность узнать теоретические основы применения искусственного интеллекта, а также приобрести практические навыки работы с инструментами для выполнения таких задач, как создание презентаций, проведение оценивания работ обучающихся и др.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, нейросети, обучение иностранному языку, ИКТ, курс повышения квалификации, МГУ, искусственный интеллект в обучении иностранному языку

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-5

Для цитирования: Титова С.В., Харламенко И.В. Подготовка педагогических кадров к использованию искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 66–84. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-5

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) сегодня — это быстроразвивающееся направление, представляющее интерес для педагогического сообщества в свете необходимости интегрировать новейшие технологии в образование. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (с изменениями на 15 февраля 2024 г.)¹ определяет основные цели и задачи развития ИИ во всех сферах деятельности Российской Федерации. Уникальные особенности ИИ позволяют расширять горизонт педагогической практики, оказывая помощь преподавателю и порой даже выступая в качестве его замены [Дрожащих, 2022].

Обучение при поддержке ИИ существенно отличается от обучения на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), поскольку ИКТ в традиционном их понимании не способны генерировать контент, а выполняют, по сути, запрограммированные действия, заданные или предусмотренные разработчиком. Обучение при поддержке ИИ основано на способности нейросетей генерировать новый контент, анализировать данные и принимать

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (с изменениями на 15 февраля 2024 г.). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563441794?marker=65C0IR> (дата обращения: 21.02.2025).

решения на основе полученной информации. ИИ может обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности, что позволяет создавать интеллектуальные системы обучения (ИСО), адаптированные к индивидуальным потребностям каждого ученика.

За последние 80 лет интеграции цифровых технологий в сферу преподавания иностранных языков языковое образование прошло ряд этапов, каждый из которых можно охарактеризовать в соответствии с доминирующими техническими возможностями того времени и основным подходом к обучению, а именно: бихевиористский (конец 1950-х — 1970-е гг.; применение стационарных компьютеров), аудиальный (конец 1970-х — 1980-е гг.; применение стационарных персональных компьютеров), интеграционный (1990–2000 гг.; применение стационарных и портативных ПК, мобильных телефонов), социально-коммуникативный (2000–2015 гг.; применение стационарных и портативных ПК, планшетов, смартфонов, 3D-очков дополненной реальности), деятельностно-коммуникативный (с 2015 г. по н.вр.; применение стационарных и портативных ПК, планшетов, смартфонов, 3D-очков дополненной реальности) [Титова, Староверова, 2023].

Внезапный переход на дистанционное обучение во время распространения COVID-19 был сложным для многих учителей и преподавателей [Садыкова, 2023; Петракова и др., 2021] и выступал причиной эмоционального выгорания и профессионального стресса [Джиги, 2021], поскольку потребовалось в сжатые сроки овладеть ИК-компетенцией на определенном уровне, чтобы обеспечить возможность проводить онлайн-занятия и общаться с обучающимися в удаленном режиме на всех этапах, включая, в том числе, проведение экзаменов [Харламенко, Фролова, 2020]. Перечень компетенций, которыми должен владеть педагог для успешного участия в онлайн-обучении, помимо готовности интегрировать различные цифровые ресурсы в образовательный процесс, включает способность проектировать педагогический дизайн курсов с ориентированием на коллективное взаимодействие, а также возможность проводить оценку качества дистанционного обучения и степени достижения результатов [Галиханов, Хасанова, 2019]. ИИ, будучи следующей ступенью развития ИКТ, способен изменить образовательный процесс, поскольку способствует персонализации обучения, решению рутинных задач [Шобонов и др., 2023], осуществлению обратной связи для обучающихся на новом оценочном и методическом уровне [Филатов, 2024; Мурунов, Поляков, 2024].

Говоря об отношении к внедрению ИИ в профессиональную деятельность, обратимся к опросу, проведенному в 2023 г., в котором приняли участие 426 преподавателей из 18 вузов России. Результаты анкетирования показали, что практика применения ИИ в образовании находится на начальном этапе, поскольку у многих отсутствуют системные знания и практические умения в этой области [Сысоев, 2023]. Новые технические решения на базе ИИ появляются почти на ежедневной основе, в связи с чем возникает важнейший вопрос относительно возможности проведения подготовки педагогических кадров в кратчайшие сроки и желательно без отрыва от производства.

Цель данной статьи — обобщение опыта проектирования и реализации курса повышения квалификации, направленного на формирование знаний и умений у преподавателей иностранного языка (ИЯ) в области применения искусственного интеллекта. Для достижения данной цели был апробирован созданный в 2023 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова курс повышения квалификации (ПК) «Предобученные генеративные нейросети в обучении ИЯ».

Дидактический потенциал ИИ в обучении ИЯ: краткий обзор

Сегодня успешно используются в обучении иностранным языкам такие ИИ-технологии, как машинное обучение; технологии NLP для анализа текста и его тональности, синтеза речи, генерации речи и текста, машинного перевода, классификация текстов (IA-Teacher, Quillbot, Duolingo, Speechling, Google Assistant, Elsa Speak), для разработки визуализированного дидактического материала (Steve, Magic Slides); лингвистические корпуса, поддерживаемые ИИ, для обеспечения формирования письменной и устной речи, разработки и аналитики качества дидактических материалов для языковых курсов; технологии графического распознавания для формирования социокультурной и социальной компетенции студентов на базе визуализации; модели автоматического оценивания письма и устной речи (Write-to-Learn, E-Rater, Turnitin) для контроля, обратной связи, коррекции, формирующего оценивания. Благодаря большим данным и ИИ-технологиям становится реальным интеллектуальный анализ образовательных данных (Educational Data Mining, Google Analytics), основанная на нем предсказательная и учебная аналитика, создание адаптивной образовательной среды (что важно для инклюзивного обучения, для обучения лю-

дей с ОВЗ); создание персонализированной траектории обучения студента в зависимости от уровня знаний и предоставление оперативной обратной связи.

Сегодня, как отмечают многие исследователи, можно выделить три основных направления использования ИИ в обучении ИЯ: обучение на основе устного и письменного диалога с ИИ; контроль и оценивание на базе автоматического оценивания письма и устной речи; разработка интеллектуальных систем обучения [AI в обучении, 2022; Godwin-Jones, 2022; Li, 2021; Холмс, 2022]. Можно констатировать, что первые два направления использования ИИ в обучении развиваются достаточно быстро и успешно, особенно в последние два года, благодаря генеративным предобученным трансформерам на базе GPT-3 и GPT-4, появившемуся в марте 2023 года. Хотя и остается очень много частнометодических проблем и задач, связанных с этими направлениями: как избежать коммуникативных срывов во время диалога с ИИ; на каком уровне владения ИЯ целесообразно внедрение чат-ботов для обучения; насколько эффективно можно использовать боты для развития интеракции и медиации; как правильно формулировать дидактические запросы (prompts) для ИИ; какова методика обучения студентов иноязычному речевому взаимодействию с чат-ботом и т.д.

Что касается разработки интеллектуальных систем обучения (ИСО), сегодня в мире есть некоторые примеры и опыт разработки подобных глобальных систем (Цифровой двойник преподавателя (Университет 20.35); Watson Tutor от IBM), однако данное направление только в начале становления [AI в обучении, 2022; Титова, 2024b].

Принципы проектирования курса повышения квалификации в области ИИ для педагогов иностранных языков

Поскольку требования по внедрению технологий ИИ в образование указаны в распоряжении Правительства РФ от 18 октября 2023 года², неудивительно, что многими вузами сегодня ведется активная разработка программ обучения на базе бакалавриата, ма-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 октября 2023 г. № 2894-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации». URL: [http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310270020?ysclid=lq2cc8qp46636999990&index=2](http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310270020?ysclid=lq2cc8qp4663699990&index=2) (дата обращения: 21.02.2025).

гистратуры, а также программ профессиональной переподготовки с опорой на разнообразные цифровые инструменты, в том числе технологии ИИ. Однако следует учитывать, что выпускники данных программ появятся на рынке труда в лучшем случае через год. Тем не менее уже сейчас стоит вопрос относительно подготовки педагогических кадров в кратчайшие сроки и желательно без отрыва от производства.

В 2023 г. программы повышения квалификации были предложены рядом российских вузов, например «Возможности искусственного интеллекта в образовании» продолжительностью 72 а.ч. (МПУ), «Искусственный интеллект для учителей» продолжительностью 72 а.ч. (МФТИ) и др. Однако данные курсы дают только общую информацию по вопросам интеграции ИИ в образовательный процесс, без привязки к определенному направлению или дисциплине. СПбГУ является исключением, так как предложил междисциплинарную программу «Искусственный интеллект и речевые технологии», которая ориентирована на программистов и лингвистов.

На основании имеющегося многолетнего опыта разработки и реализации программ повышения квалификации в области применения ИКТ в сфере образования и в соответствии с потребностями учителей и преподавателей иностранных языков в получении теоретических знаний и практических навыков и умений интеграции технических средств ИИ в иноязычное образование, на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова была разработана программа повышения квалификации «Предобученные генеративные нейросети в обучении иностранному языку». Курс размещен на платформе MOODLE, проходит в дистанционном формате, что снимает географические и временные ограничения для слушателей.

Основным аргументом необходимости разработки данного курса является то, что путь к использованию ИИ не должен быть закрыт для будущих и действующих преподавателей иностранных языков, которые не настолько хорошо разбираются в моделях обучения искусственного интеллекта, как студенты точных наук. Сегодня необходимы не только дата-аналитики, дата-сайентисты и специалисты по машинному обучению, но и специалисты в области методики обучения иностранным языкам и лингвистики — методисты и педдизайнеры. Студентам дидактических направлений сегодня необходимо повышать свою цифровую грамотность, понимать принципы работы технологий ИИ, их дидактический потенциал

и ограничения. Без этого они не смогут разрабатывать интеллектуальные системы обучения, которые не являются призрачной мечтой или далеким будущим сегодня. Кроме того, представители крупнейших российских компаний (Сбербанк, Яндекс, Нетология), участвующие в разработке стратегических ИИ-решений в образовательной сфере, говорят о нехватке кадров с педагогическим образованием, которые хорошо знают методику обучения той или иной дисциплине и могут даже возглавлять проектные команды, выполняя роль ведущего методолога или педдизайнера.

Данный курс направлен, в отличие от некоторых программ подобной тематики, не столько на развитие умений использования ИИ для рутинной и автоматической работы преподавателя иностранных языков, сколько на развитие умений проектирования, развития и поддержки образовательной среды на базе ИИ, которая способствует персонализации учебного процесса, выстраиванию индивидуальных траекторий обучения, повышению мотивации и уровня вовлеченности обучающихся.

В ходе курса проводится анализ опыта ИИ-решений в области профессионального и корпоративного обучения иностранным языкам не только зарубежных, но и российских компаний и университетов. Например, рассматриваются ИСО от NeuroNet; iSpring; «Интеллектуальный помощник преподавателя» от SmartEdu; системы обучения на основе диалога для взаимодействия и интеракции (Цифровой Университет 20.35 — Цифровой двойник преподавателя; Томский государственный университет — Fuzzy Logic Designer для оценки уровня владения ИЯ в системе Matlab).

Данный курс практически ориентирован, так как обучающиеся получают полезный опыт работы не только с данными учебной аналитики, корпусными данными (BNC, COCA), с генеративными трансформерами (Telegram-бот SmartSpeechBot; Quillbot, Speechling, WritingMate, Google Assistant, Elsa Speak, ruDALL-E1 от Сбера), но и приобретут практические умения проектирования дидактического материала под индивидуальный запрос обучающегося.

При прохождении курса участникам предоставляется доступ к теоретическому материалу в виде видеолекций, вебинаров и мультимодальных учебных материалов (инфографика, презентации, ментальные карты). Практическая часть обучения включает выполнение практических заданий под руководством тьютора, а также общение с другими участниками на форуме с целью обсуждения предложенных вопросов, выполнения групповых заданий, оцени-

вания заданий коллег по предложенным критериям. Взаимооценивание выполнения практических заданий способствует развитию умений рефлексии, что помогает участникам лучше понять и усвоить изучаемый материал.

Таким образом, можно констатировать, что основные принципы проектирования данного курса — это практикоориентированность; сравнительно-сопоставительный анализ российских и зарубежных техрешений на базе ИИ; визуализация учебного материала; интерактивность; применение технологий взаимо- и самооценивания, групповой работы, рефлексии.

Структура курса ПК: чему обучаем

Как уже было сказано выше, основная цель курса состоит в развитии профессиональной методической компетенции и ИК-компетенции слушателей и формировании у них практических умений проектирования интеллектуальных моделей обучения иностранным языкам. Задачи курса включают развитие профессионально ориентированных знаний и умений. На основе анализа теоретических и эмпирических источников по вопросу интеграции ИИ в обучение иностранным языкам были выявлены базовые знания и соответствующие им практические умения, способствующие профессиональному росту педагогов [Титова, 2024а] (см. таблицу 1).

Таблица 1

Знания и умения, развиваемые в ходе КПК

Тема курса	Знания	Умения
Типология техрешений на базе ИИ, используемых в обучении ИЯ	Основные термины, связанные с ИИ и использующиеся в образовании. Техрешения ИИ, используемые в языковом образовании. Особенности архитектуры генеративных предобученных трансформеров (GPT). Принципы функционирования ИИ-алгоритмов: семантический анализ, анализ и генерация естественной речи (NLP), обучение с подкреплением; системы машинного перевода; компьютерного зрения; перевода текста в изображение и т.д.	Оценивать дидактический потенциал ИИ-технологий; составлять иерархический список терминов для описания программы на основе таксономии (знать, уметь, владеть)

Педагогические, психологические и методические проблемы и последствия применения ИИ в обучении иностранным языкам	Психологические аспекты обучения иностранным языкам с применением ИИ (мотивация, внимание и эмоциональное состояние). Психолого-педагогические и методические особенности использования ИИ в языковом классе. Как обеспечить конфиденциальность и безопасность данных при использовании ИИ в обучении иностранным языкам	Создавать рубрикаторы терминов, связанных с образовательными результатами. Использовать ИИ в аудиторной и самостоятельной работе обучающихся
Принципы разработки дидактических материалов на базе ИИ и авторское право	Базовые психолого-педагогические, нейропсихологические, лингвистические и дидактические принципы разработки интеллектуальных моделей обучения. Методы адаптации контента иноязычных материалов с использованием ИИ. Техрешения ИИ, используемые для разработки мультимедального учебного контента	Разрабатывать задание, план урока, рабочую программу курса с помощью ИИ. Оценивать лингводидактический потенциал техрешений для разработки учебного контента. Проектировать тесты, упражнения и задания для развития языковых навыков и речевых умений
Развитие языковых навыков и письменных умений с помощью ИИ	Технологии распознавания речи в голосовых помощниках для обучения произношению и интеракции на иностранном языке; как избежать коммуникативных срывов во время диалога с ИИ, на каком уровне владения ИЯ целесообразно внедрение чат-ботов для обучения и др.	Формулировать дидактические запросы (prompts) для ИИ с целью генерации заданий; проектировать задания для развития иноязычной устной речи с помощью голосовых помощников; использовать голосовые помощники в аудиторной работе для развития устно-речевых умений
Контроль и оценивание с помощью ИИ. Развитие письменно-речевых умений	Как использовать автоматические системы оценивания для контроля, оценивания, письменной обратной связи. Методы оценки результатов обучения с применением ИИ, чтобы определить эффективность выбранных методов и технологий	Использовать ИИ для оценивания и обратной связи. Использовать помощники для написания текстов с целью развития письменно-речевых умений. Оценивать эффективность использования ИИ в обучении иностранным языкам. Использовать аналитические инструменты для оценки прогресса учащихся в изучении иностранного языка

Апробация курса повышения квалификации и анализ результатов рефлексивного опросника

В период с декабря 2023 по январь 2024 г. на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова прошел дистанционный курс повышения квалификации по программе «Предобученные генеративные нейросети в обучении иностранному языку» продолжительностью 36 а.ч., в котором приняли участие 115 учителей и преподавателей иностранного языка из различных городов РФ. По завершении обучения участникам было предложено пройти рефлексивный онлайн-опрос, который добровольно прошли 40 слушателей, анонимно ответив на пять открытых вопросов, представленных ниже:

1. Что вы узнали нового из данного курса?
2. Чему вы научились в ходе курса? Какие практические навыки вы приобрели?
3. С какими сложностями и проблемами вы сталкивались в ходе курса? Как вы их преодолевали?
4. Чего вам не хватило в курсе? Что вы хотели бы изменить в курсе?
5. Был ли данный курс полезен для вашей профессиональной деятельности?

Основная цель данного рефлексивного опроса заключалась не столько в оценке качества курса и выявления отношения преподавателей к курсу, сколько в оценке самими обучающимися данных, касающихся процесса формирования у них новых умений, приобретения знаний и объективных результатов прохождения курса. Респонденты не были ограничены в выборе ответов, что означает, что сумма ответов по каждой позиции не обязательно равна 100% в связи с тем, что один и тот же участник мог выбрать сразу несколько ответов на один вопрос.

Поскольку курс посвящен применению ИИ в иноязычном образовании, что является крайне актуальным и новым на текущий момент, отвечая на вопрос 1 (см. рис. 1), 58% опрошенных отметили новизну и ценность теоретического аспекта, 38% указали, что ознакомились с новыми инструментами ИИ, при этом 30% слушателей дали более детальный ответ и оценили возможность применения ИИ для решения конкретных педагогических задач, а именно: составления учебных презентаций, оценки работ обучающихся, отработки грамматического материала и др.; 15% респондентов признали важность практического аспекта курса, 10% признали полезными

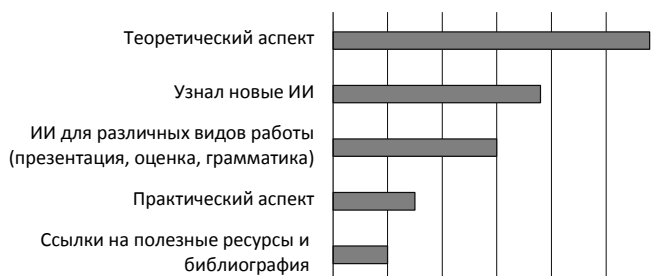

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Что вы узнали нового из данного курса?»

для себя ссылки на различные ресурсы и обширную библиографию, подобранную разработчиком к материалам курса.

Современные предобученные генеративные сети способны генерировать контент в различном формате, что ясно из их названия. В том числе некоторые нейронные сети можно использовать для создания учебных материалов. Отвечая на вопрос 2, 40% анкетирруемых отметили, что приобрели практические умения. 23% опрошенных нашли для себя перспективным и полезным проверку работ своих обучающихся. 20% респондентов научились внедрять ИИ в урок/занятие. По аспектам ответы распределились следующим образом: создавать учебные презентации — 18%, генерировать текст — 13%, использовать голосовые ассистенты/чат-боты — 13%, создавать видео — 8%, создавать картинки — 3%. 8% анкетирруемых

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Чему вы научились в ходе курса? Какие практические навыки вы приобрели?»

отметили умение создавать промпты, что крайне важно при общении с ИИ (см. рис. 2).

Обсуждая сложности и проблемы, которые возникли во время обучения (вопрос 3, см. рис. 3), треть участников оказались не готовы к большому объему материала, 20% отметили свою большую загруженность на работе, что привело к тому, что им не хватало времени полноценно погрузиться в материалы курса. 15% выразили пожелания относительно организации и структурирования курса. Ограничение бесплатной версии некоторых ресурсов вызвало огорчение у 15% опрошенных, сложная терминология и технические проблемы — у 13%. 8% анкетировемых осознали, что не обладают достаточным практическим опытом. Однако 13% не испытали никаких сложностей, что говорит о том, что они правильно рассчитали свое время и необходимые усилия для прохождения курса.

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «С какими сложностями и проблемами вы сталкивались в ходе курса? Как вы их преодолевали?»

Разработчики просили слушателей предложить возможные изменения с целью улучшения курса (вопрос 4, см. рис. 4). 43% респондентов не изъявили желания ничего менять, поскольку их полностью устроила структура и наполнение программы. 18% участников ощутили недостаток обратной связи от тьютора и испытывали потребность в «живом» общении. Курс предназначен для самостоятельного прохождения, задания проверялись как тьютором, так и самими участниками курса. 13% анкетировемых попро-

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Что вам не хватило в курсе? Что вы хотели бы изменить в курсе?»

сили продлить доступ к учебным материалам для более скрупулезного изучения. 10% хотели бы видеть изменения в формулировке заданий и их проверке. 10% испытывали потребность в увеличении объема материала о практическом применении ИИ. 8% просили добавить источники о других, помимо английского, иностранных языках.

Отвечая на вопрос 5, 100% респондентов признали обучение по данной программе полезным для своей профессиональной деятельности. Многие слушатели оставили положительные отзывы с выражением глубокой признательности за разработку материалов по столь необходимой и важной теме интеграции ИИ в преподавание ИЯ.

Анализируя апробацию курса повышения квалификации «Предобученные генеративные нейросети в обучении иностранному языку», можно признать ее успешной. Курс покрывает потребности современного педагогического сообщества в получении теоретических знаний и практических навыков и умений в работе с новыми для учителей и преподавателей инструментами ИИ. Однако в соответствии с результатами опроса необходимо внести ряд коррективов в курс относительно формулировки заданий, структуры, времени и продолжительности реализации курса, а также продления доступа к материалам курса. Немаловажным видится расширение библиографии на других иностранных языках помимо английского, что позволит заинтересовать больший круг преподавателей.

Заключение

Технологии ИИ продолжают уверенно развиваться, привнося значительные изменения в образовательный процесс. Важно сохранять баланс и не утонуть ни в безудержной эйфории по поводу возможностей ИИ, ни в протестном движении, требующем остановки технологического прогресса [Ракитов, 2018]. Исследования показывают, что изучение успешных практик других педагогов и следование за изменениями важны для эффективного использования технологий в образовании [Токтарова, Ребко, 2024; Ивахненко, Никольский, 2023].

Использование предобученных генеративных нейросетей в обучении иностранному языку открывает новые возможности для персонализированного обучения, адаптации к различным стилям обучения и уровням знаний студентов. Это также способствует созданию более интерактивной обучающей среды, что может повысить мотивацию студентов. Однако важно помнить, что техрешения ИИ должны служить инструментом, а не заменять человеческий фактор в образовании. Преподаватели играют ключевую роль в оценке, поддержке и мотивации студентов, и использование ИИ сегодня должно быть направлено на улучшение их профессиональных возможностей, а не на замещение их функций.

Курс повышения квалификации «Предобученные генеративные нейросети в обучении иностранному языку» соответствует современным требованиям и отражает интерес педагогического сообщества к роли ИИ в языковом образовании. Внесение коррективов в программу курса делает обучение более доступным и понятным для слушателей. Практическое применение ИИ поможет преподавателям улучшить свою профессиональную деятельность и добиться лучших результатов у своих учеников в сфере обучения иностранным языкам. Таким образом, данный курс открывает новые перспективы для преподавателей и студентов при условии грамотного и этичного использования технических решений на базе ИИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиханов М.Ф., Хасанова Г.Ф. Подготовка преподавателей к онлайн-обучению: роли, компетенции, содержание // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 51–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-2-51-62
2. Джига Н.Д. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание у педагогов в условиях пандемии COVID-19 и дистанционного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9. № 6. С. 30. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN621.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

3. Дрожащих Н.В., Белякова И.Е. Цифровой тьютор в тюменском госуниверситете: опыт внедрения и использования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 144–151.
4. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угрозы или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
5. Мурунов С.С., Поляков О.Г. Методическая обратная связь от GhatGPT на занятиях по иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 47–54. EDN JNRJSC.
6. Петракова А.В., Канонир Т.Н., Куликова А.А., Орел Е.А. Особенности психологического стресса у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID 19 // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 93–114. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-93-114
7. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 6. С. 41–49.
8. Садыкова Г.В., Северьянов О.И. Дистанционное обучение в эпоху пандемии: опыт российских преподавателей // Информатика и образование. 2023. Т. 38. № 1. С. 72–82. DOI: 10.32517/0234-0453-2023-38-1-72-82
9. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомленность, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33
10. Титова С.В., Староверова М.В. Этапы цифровизации языкового образования в XX–XXI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 39–59. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-2
11. Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2
12. Титова С.В. Интеллектуальные системы обучения для персонализации и адаптации языковых курсов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 84–99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6
13. Токтарова В.И., Ребко О.В. Интеграция искусственного интеллекта в работу педагога: инструменты для педагогического дизайна и разработки образовательных продуктов. Информатика и образование. 2024. Т. 39. № 1. С. 9–21. DOI: 10.32517/0234-0453-2024-39-1-9-21
14. Филатов Е.М. Использование оценочной обратной связи от нейросети ChatGPT в обучении учащихся и студентов написанию эссе на английском языке // Иностранные языки в школе. 2024. № 3. С. 78–83. EDN NGEQSN.
15. Харламенко И.В., Фролова Л.В. Экзамен в электронном формате: преимущества, недостатки, возможные перспективы использования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 168–175. EDN WVQYEB.

16. Холмс У, Бялик М., Фейдел Ч. Искусственный интеллект в образовании. Перспективы и проблемы для преподавания и обучения. М.: Альпина-Про, 2022.

17. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79 (4). С. 288–290.

18. AI в обучении: на что способны технологии уже сейчас? Аналитический обзор // EduTech. № 4[49]. 2022. Сбериуниверситет.

19. Godwin-Jone R. Emerging spaces for language learning: AI bots, ambient intelligence, and the metaverse. *Language Learning & Technology*. 2023. Vol. 27. № 2. Pp. 6–27. <https://hdl.handle.net/10125/73501> (дата обращения: 21.02.2025).

20. Li Z. Teachers in automated writing evaluation (AWE) system-supported ESL writing classes: Perception, implementation, and influence. *System*. 2021. Vol. 99. 102505. DOI: 10.1016/j.system.2021.102505

Svetlana V. Titova, Inna V. Kharlamenko

TRAINING OF STAFF FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
stitova3@gmail.com; ikharlamenko@yandex.ru

Abstract. The article addresses the issue of developing foreign language teachers in the field of artificial intelligence integration. Artificial intelligence is part of the IT tradition and has significant potential to change the educational process, for example doing routine activities or giving feedback to students. Artificial intelligence technologies such as speech and text generation, machine translation, linguistic corpora, etc. are used in foreign language teaching. However, some studies show that only a small part of teachers are ready and willing to use artificial intelligence in their teaching practices.

To raise awareness about the didactic potential of artificial intelligence, a special teacher training course was developed at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Moscow State University in 2023. The main goal of the course “Pre-trained generative neural networks in foreign language teaching” is to develop professional methodological competence and practical skills for working with intelligent learning systems. During the course, currently used artificial intelligence technologies are analyzed.

151 teachers from different regions of Russia took part in the course, after which some of them took a survey about their attitude towards educational material. Respondents appreciated the theoretical foundation and practical skills for giving presentations, evaluating student work, and more.

Keywords: artificial intelligence, AI, neural networks, foreign language teaching, ICT, teacher training course, MSU, artificial intelligence in foreign language teaching

For citation: Titova S.V., Kharlamenko I.V. (2025). Pedagogical staff training for the use of artificial intelligence in teaching foreign languages. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 66–84. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-5 (In Russ.)

About the authors:

Svetlana V. Titova — Dr. Habil. in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Foreign Language Teaching Methodology at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; stitova3@gmail.com

Inna V. Kharlamenko — PhD in Pedagogical Sciences, Lecturer of English for Sciences Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ikharlamenko@yandex.ru

REFERENCES

1. Galikhanov M.F., Khasanova G.F. 2019. Podgotovka prepodavatelei k onlain-obucheniyu: roli, kompetentsii, sodержanie [Faculty training for online teaching: roles, competences, contents]. *Higher Education in Russia*, vol. 28, no. 2, pp. 51–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-2-51-62 (In Russ.)
2. Dzhiga N.D. 2021. Professional'nyi stress i emotsional'noe vygoranie u pedagogov v usloviyakh pandemii COVID-19 i distantsionnogo obrazovaniya [Occupational stress and burnout among teachers in the context of the COVID-19 pandemic and distance education]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, vol. 9, no. 6, p. 30. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN621.pdf> (In Russ.)
3. Drozhashchikh N.V., Belyakova I.E. 2022. Tsifrovoy t'yutor v tyumenskom gosuniversitete: opyt vnedreniya i ispol'zovaniya [The digital tutor in the Tyumen state university: a chat-bot case]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 144–151. (In Russ.)
4. Ivakhnenko E.N., Nikol'skii V.S. 2023. ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugrozy ili tsennyy resurs? [ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource?]. *Higher Education in Russia*, vol. 32, no. 4, pp. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22 (In Russ.)
5. Murunov S.S., Polyakov O.G. 2024. Metodicheskaya obratnaya svyaz' ot GhatGPT na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Methodological feedback from ChatGPT in the English language classroom]. *Foreign Languages at School*, no. 3, pp. 47–54. EDN JNRJSC. (In Russ.)
6. Petrakova A.V., Kanonir T.N., Kulikova A.A., Orel E.A. 2021. Osobennosti psikhologicheskogo stressa u uchitelei v usloviyakh distantsionnogo prepodavaniya vo vremya pandemii COVID 19 [Characteristics of teacher stress during distance learning imposed by the COVID-19 pandemic]. *Educational studies*, no. 1, pp. 93–114. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-93-114 (In Russ.)
7. Rakitov A.I. 2018. Vysshee obrazovanie i iskusstvennyi intellekt: eiforiya i alarmizm [Higher education and artificial intelligence: euphoria and alarmism]. *Higher Education in Russia*, vol. 27, no. 6, pp. 41–49. (In Russ.)
8. Sadykova G.V., Sever'yanov O.I. 2023. Distantsionnoe obuchenie v epokhu pandemii: opyt rossiiskikh prepodavatelei [Distance learning during the pandemic

era: Russian instructors' experience]. *Informatics and education*, vol. 38, no. 1, pp. 72–82. DOI: 10.32517/0234-0453-2023-38-1-72-82 (In Russ.)

9. Sysoyev P.V. 2023. Iskusstvennyi intellekt v obrazovanii: osvedomlennost', gotovnost' i praktika primeneniya prepodavatel'nykh vysshei shkoly tekhnologii iskusstvennogo intellekta v professional'noi deyatel'nosti [Artificial intelligence in education: awareness, readiness and practice of using artificial intelligence technologies in professional activities by university faculty]. *Higher Education in Russia*, vol. 32, no. 10, pp. 9–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-10-9-33 (In Russ.)

10. Titova S.V., Staroverova M.V. 2023. Etapy tsifrovizatsii yazykovogo obrazovaniya v XX–XXI vv. [The stages of digitalization of language education in the XX–XXI cc]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 39–59. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-2 (In Russ.)

11. Titova S.V. 2024. Tekhnologicheskie resheniya na baze iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannym yazykam: analiticheskii obzor [Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages: an analytical review]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 27, no. 2, pp. 18–37. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2 (In Russ.)

12. Titova S.V. 2024. Intellektual'nye sistemy obucheniya dlya personalizatsii i adaptatsii yazykovykh kursov [Intelligent learning systems for personalizing and adapting language courses]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 84–99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6 (In Russ.)

13. Toktarova V.I., Rebko O.V. 2024. Integratsiya iskusstvennogo intellekta v rabotu pedagoga: instrumenty dlya pedagogicheskogo dizaina i razrabotki obrazovatel'nykh produktov [Integrating artificial intelligence into the work of an educator: tools for instructional design and development of educational products]. *Informatics and education*, vol. 39, no. 1, pp. 9–21. DOI: 10.32517/0234-0453-2024-39-1-9-21 (In Russ.)

14. Filatov E.M. 2024. Ispol'zovanie otsenочноi obratnoi svyazi ot neuroseti ChatGPT v obuchenii uchashchikhsya i studentov napisaniyu esse na angliiskom yazyke [Automated assessment of learners' foreign language essay based on feedback from artificial intelligence]. *Foreign Languages at School*, no. 3, pp. 78–83. EDN NGEQSN. (In Russ.)

15. Kharlamenkov I.V., Frolova L.V. 2020. Ekzamen v elektronnom формате: preimushchestva, nedostatki, vozmozhnye perspektivy ispol'zovaniya [Internet-based exam: advantages, disadvantages, possible prospects for use]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 168–175. EDN WVQYEB. (In Russ.)

16. Kholms U., Byalik M., Feidel Ch. 2022. *Iskusstvennyi intellekt v obrazovanii. Perspektivy i problemy dlya prepodavaniya i obucheniya* [Artificial intelligence in education. Perspectives and challenges for teaching and learning]. Al'pina-Pro, Moscow. (In Russ.)

17. Shobonov N.A., Bulaeva M.N., Zinov'eva S.A. 2023. Iskusstvennyi intellekt v obrazovanii [Artificial intelligence in education]. *Problems of modern pedagogical education*, no. 79 (4), pp. 288–290. (In Russ.)

18. AI v obuchenii: na chto sposobny tekhnologii uzhe seichas? Analiticheskii obzor [AI in learning: what can the technology do now? Analytical review]. *EduTech*, no. 4[49], 2022. Sberuniversitet. (In Russ.)

19. Godwin-Jone R. 2023. Emerging spaces for language learning: AI bots, ambient intelligence, and the metaverse. *Language Learning & Technology*, vol. 27, no. 2, pp. 6–27. URL: <https://hdl.handle.net/10125/73501>

20. Li Z. 2021. Teachers in automated writing evaluation (AWE) system-supported ESL writing classes: Perception, implementation, and influence. *System*, vol. 99, 102505. DOI: 10.1016/j.system.2021.102505

Статья поступила в редакцию 22.07.2024;
одобрена после рецензирования 06.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 22.07.2024;
approved after reviewing 06.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;
Тамбов, Россия; psysoyev@yandex.ru; maximevstigneev@bk.ru

Аннотация. Интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образование позволила студентам использовать отдельные инструменты ИИ в исследовательской работе. Вместе с тем, наряду с очевидными достоинствами, способность к галлюцинациям генеративного ИИ ставит под сомнение эффективность его использования для решения ряда исследовательских задач. В данной работе авторы а) рассматривают нормативно-правовую основу использования средств генеративного ИИ в исследовательской работе при подготовке текстов выступлений на конференциях, научных статей, курсовых и квалификационных работ; б) проводят обзор педагогических исследований, посвященных описанию опыта использования средств генеративного ИИ в решении исследовательских задач; в) предлагают распределение функций между научным руководителем, искусственным интеллектом и студентом/исследователем в триаде «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся» при организации исследовательской работы студентов. Средства генеративного ИИ способны взять на себя многие функции, которые традиционно выполнялись преподавателями и научными руководителями, а также молодыми исследователями. Это касается разработки плана научной работы, поиска научных источников, проведения обзора литературы, составления аннотации и т.п. Вместе с тем авторы утверждают, что на современном этапе целесообразно говорить о совместном решении ряда вышеупомянутых исследовательских задач научными руководителями и исследователями, используя средства генеративного ИИ в качестве помощника, обратная связь от которого должна подвергаться критическому осмыслению и проверке. Передавая часть функций генеративному ИИ, преподаватель / научный руководитель не

Сысоев Павел Викторович — доктор педагогических наук, профессор, руководитель научного центра Российской академии образования, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; psysoyev@yandex.ru

Евстигнеев Максим Николаевич — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и лингводидактики, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; maximevstigneev@bk.ru

© Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н., 2025

исключается из процесса обучения и руководства научной работой студента. Его функции видоизменяются и дополняются новыми задачами по обучению студентов взаимодействовать с инструментами ИИ, корректно формулировать запросы, критически оценивать получаемую обратную связь и брать на себя полную ответственность за процесс и результат работы с генеративным ИИ.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, исследовательская работа студентов, выпускная квалификационная работа, искусственный интеллект в образовании

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-6

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта ТГУ имени Г.Р. Державина для поддержки перспективных проектов для реализации Научным центром Российской академии образования.

Для цитирования: Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Использование технологий искусственного интеллекта в исследовательской работе студентов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 85–101. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-6

Актуальность

В настоящее время технологии искусственного интеллекта (ИИ) все шире и шире начинают использоваться в образовательном процессе вуза в ходе преподавания дисциплин и при исследовательской работе студентов. При этом следует заметить, что если в рамках преподавания учебных дисциплин намечается тенденция к *постепенному* внедрению конкретных инструментов ИИ для решения *определенных учебных задач* [Евстигнеев, 2023; Коренев, 2024; Сысоев, Филатов, 2024; Титова, 2024], то в отношении исследовательской работы студентов (подготовки текстов выступлений на конференциях и написания курсовых и квалификационных работ) мнения ученых достаточно неоднозначны и подчас противоречивы.

С одной стороны, безусловно, генеративный ИИ способен взять на себя многие вспомогательные или рутинные функции исследователя, связанные с подбором материала, составлением инструментов для эмпирических исследований, статистической обработкой данных, форматированием списка используемых источников и т.п., высвобождая время и ресурсы для решения более важных исследовательских задач. Это позволит перевести исследовательский процесс на более высокий по степени решения когнитивных задач уровень. С другой — способность генеративного ИИ к галлюцинациям ввиду ограниченного доступа к необходимым ресурсам неизбежно

приведет к фальсификации данных, подлогу и лженаучной новизне. Перепроверка всех материалов обратной связи от генеративного ИИ будет требовать со стороны исследователя значительных временных и энергетических ресурсов, что поставит под сомнение необходимость использования ИИ в исследовательской работе.

Кроме того, при делегировании исследователем генеративному ИИ многих традиционных функций важно определить, что обязательно должно остаться прерогативой исследователя (студента или ученого), а что может быть передано для исполнения генеративному ИИ. Также необходимо понять, какие новые функции приобретет преподаватель или научный руководитель, организуя взаимодействие между ИИ и студентом. Эти и многие другие вопросы определяют актуальность рассмотрения проблемы организации научно-исследовательской работы студентов в триаде «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся» с разграничением функций между ними.

Использование генеративного ИИ в вузовских локальных нормативных документах

Следует отметить, что актуальность внедрения средств генеративного ИИ в различные сферы жизнедеятельности человека, включая науку и образование, отражена в тематиках приоритетных исследований РАН (код раздела 5.7.8.3 — Научные основы применения технологий ИИ для персонализации образования и построения индивидуальных образовательных траекторий с учетом когнитивных и личностных особенностей) и Стратегии научно-технологического развития РФ (2021). В последней, в частности, в качестве приоритета развития РФ на ближайшие 10–15 лет определяется «переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [Стратегия ..., пункт 20]. Эти нормативные документы послужили фундаментом для принятия некоторыми вузами страны локальных актов, регламентирующих использование студентами средств генеративного ИИ в обучении и исследовательской работе. В таблице 1 приведены наиболее репрезентативные примеры выдержек из нормативных документов нескольких российских вузов.

Анализ этих и других локальных нормативных актов российских вузов позволяет сделать следующие выводы.

Использование средств генеративного ИИ в обучении и исследовательской работе студентов в вузовских нормативных документах

Вуз	Выдержки из локальных нормативных документов
ФГБОУ ВО «Московский городской педагогический университет» ¹	«В Университете допускается использование средств генеративного искусственного интеллекта (далее — СГИИ), например Сбер GigaChat, YandexGPT, ChatGPT, иных СГИИ, при написании ВКР. Обучающиеся могут использовать СГИИ в качестве инструмента для анализа контекста, подбора идей и материала для выполнения ВКР и других учебных заданий. Информация, полученная из СГИИ, должна быть подтверждена и дополнена другими, более надежными источниками. Обучающиеся обязаны самостоятельно анализировать, оценивать источники, выполнять исследовательские и проектные работы, используя данные, полученные с помощью СГИИ, как отправную точку для собственных исследований. Обучающиеся обязаны указывать в тексте работы, в списке литературы или в сносках, что они использовали СГИИ для генерации определенной информации, правильно цитировать источник, включая информацию о модели и версии СГИИ, при использовании сгенерированного текста с помощью СГИИ»
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» ²	«6.22. При написании текстов ВКР допускается использование инструментов генеративного искусственного интеллекта. В этом случае обучающийся обязан: – заявить об использовании ИИ в своей работе, приведя описание конкретной модели генеративного ИИ: наименование, цели и способы ее применения (указывается во введении ВКР); – подтверждать полученную информацию ссылками на надежные источники; – соблюдать этические нормы и законодательство об авторском праве»

¹ Приказ о внесении изменений в Положение о проведении ГИА по ОПВО ... МГПУ. URL: https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2023/08/04.09.2023_633obs_hh_Remorenko_I.M._Safronova_E.S.-1.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

² Приказ о внесении изменений в приказ от 10.01.2017 № 7-1 «Об утверждении Положения о государственной итоговой аттестации ... в ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет». URL: https://www.utm.ru/upload/medialibrary/399/r3tqrkz3eqbk66jnehh101bjblx6qb/466_1-ot-10.06.2024-O-vnesenii-izmeneniy-v-Polozhenie-o-GIA.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

Вуз	Выдержки из локальных нормативных документов
ФГБОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный уни- верситет имени М.В. Ломоносова» ³	«2. Утвердить пороговый процент текста, сгенерированного нейросетью, в выпускных квалификационных работах обучающихся по программам высшего образования на 2023–2024 учебный год — не более 40%»

Во-первых, в России начался процесс создания нормативной основы для использования сгенерированных ИИ материалов в образовании студентов вузов. На современном этапе это не федеральные, а локальные вузовские нормативные акты, закрепленные приказами по университетам. Как правило, это не отдельные положения, а дополнения к существующим положениям об исследовательской работе студентов, о проведении государственной итоговой аттестации, об утверждении процента оригинальности текстов выпускных квалификационных работ и т.п. Вузы очень осторожно и медленно подходят к обсуждению вопросов правового регулирования использования ИИ в образовании и закреплению принятых решений в нормативной базе. Представляется, что в перспективе это может быть отдельное положение с инвариантной частью и вариативным компонентом, отражающим специфику использования конкретных инструментов ИИ в обучении решению конкретных профессиональных задач для обучающихся разных направлений подготовки или специальностей. Кроме того, правилам использования материалов обратной связи от средств генеративного ИИ может быть посвящен отдельный раздел в основной профессиональной образовательной программе (ОПОП) по каждому направлению подготовки или в учебных программах курсов.

Во-вторых, в разных вузах руководство и авторы документов проявили разную степень смелости в определении перечня задач, решение которых студенты могут делегировать ИИ: от поиска научных источников до составления фрагментов текста работы. При этом все отмечают, что студенты должны заявлять об использо-

³ Приказ о внесении изменений и дополнений в приказ от 05.12.2023 № 950 «Об утверждении процента оригинальности текстов ВКР обучающихся ... на 2023-2024 учебный год». URL: <https://29.ru/text/education/2024/01/24/73154183/> (дата обращения: 15.10.2024)

вании средств генеративного ИИ в обучении или исследовательской работе, конкретно указывая, для решения каких учебных/исследовательских задач был использован определенный инструмент ИИ.

В-третьих, в документах многих вузов фиксируется ответственность за результат использования материалов средств генеративного ИИ за студентом. Особое внимание отводится соблюдению обучающимися правил авторской этики [Сысоев, 2024].

Эти и другие локальные нормативные акты легли в основу практики использования средств генеративного ИИ в обучении и исследовательской работе в разных вузах, что получило отражение в современных научных исследованиях.

Использование средств генеративного ИИ в исследовательской работе

Следует отметить, что в отечественной научной литературе можно встретить лишь единичные исследования, в которых авторами описывался опыт использования материалов средств генеративного ИИ в исследовательской работе студентов. Большая часть работ в этой области опубликована зарубежными авторами. В таблице 2 представлены результаты наиболее интересных, на наш взгляд, исследований в этой области.

Обзор публикаций, посвященных обсуждению использования средств генеративного ИИ в исследовательской работе, можно разделить на две группы. К первой группе относятся исследования, в которых авторы описывают эмпирический опыт изучения потенциала генеративного ИИ в исследовательской деятельности. Все рассматриваемые авторы пришли к единому мнению о том, что современные средства генеративного ИИ допускают галлюцинации, что полностью подрывает доверие к использованию ИИ в исследовательских целях. При этом многие также отмечают, что объем и качество обратной связи от генеративного ИИ во многом зависят от точности формулировок запросов. Чем подробнее сформулирован запрос, тем точнее инструмент ИИ решает поставленную исследовательскую задачу.

Вторая малочисленная группа работ посвящена сфере использования средств генеративного ИИ в исследовательской работе обучающихся и ученых. Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает работа коллег из Московского городского педагогического университета, в которой авторы описывают практический опыт внедрения

Использование инструментов ИИ в исследовательской работе

Автор	Предмет исследования	Ключевые выводы	Рекомендации по использованию
П.В. Сысоев, Е.М. Филатов [Сысоев, Филатов, 2023]	Изучение способности генеративного ИИ решать исследовательские задачи: – подбор литературы; – изложение научных концепций авторов; – обзор литературных источников; – аналитическая работа	Генеративный ИИ (ChatGPT 4.0) ввиду галлюцинаций не способен качественно решать исследовательские задачи	На современном этапе рекомендуется к ограниченному использованию
И.В. Тивьяева, С.В. Михайлова, А.А. Казанцева [Тивьяева, Михайлова, Казанцева, 2024]	Рекламентирование использования средств генеративного ИИ в выпускных квалификационных работах, включающее следующие компоненты: – составление плана ВКР; – составление списка литературы; – обзор литературных источников; – поиск источников для формирования эмпирической базы исследования; – анализ эмпирических данных; – составление опросов; – редактирование текста; – визуализация данных; – составление аннотаций; – оформление списка научной литературы	Средства генеративного ИИ — помощник в подготовке текста квалификационной работы	Рекомендуется использовать для решения всех выделенных исследовательских задач при упоминании сферы и степени использования ИИ
Z. Lin [Lin, 2023]	Изучение способности генеративного ИИ в решении учебных и исследовательских задач	Авторы должны указывать в работах, какой материал подготовлен с помощью ИИ	Не ограничивать тип и объем помощи, который предоставляет ИИ

Таблица 2 (продолжение)

Автор	Предмет исследования	Ключевые выводы	Рекомендации по использованию
Т. Li, E. Reigh, P. He, A.E. Miller [Li, Reigh, He, Miller, 2023]	Изучение оценочной обратной связи от генеративного ИИ	В отличие от человека ИИ способен предоставлять непревзойденную оценочную обратную связь	Использовать генеративный ИИ в обучении с целью предоставления оценочной обратной связи обучающимся
M. Osama, S. Afridi, M. Maaz [Osama, Afridi, Maaz, 2023]	Использование ChatGPT научными работниками в неанглоязычных странах для написания текстов научных статей на английском языке для высокорейтинговых журналов	Ввиду того, что ChatGPT всё ещё находится на ранней стадии своего развития, необходимо учитывать его ограничения и не использовать для решения всех исследовательских задач	ChatGPT можно использовать в качестве дополнительного средства при подготовке текста рукописи. Исследователи должны тщательно проверять генерируемый ИИ текст на предмет содержательной валидности и плагиата
Т.А. Безуглый, М.Е. Ершова [Безуглый, Ершова, 2023]	Возможность использования текстовых нейросетей в академических целях и позиция Минобрнауки по данному вопросу	Текстовые нейросети могут использоваться для решения некоторых исследовательских задач. Проведение практической работы в рамках научных исследований должно оставаться за человеком. Вузы должны локальными актами регламентировать правила использования нейросетей в академических целях	Можно использовать текстовые нейросети для создания фрагментов уникального контента. При этом решение ряда исследовательских задач должно оставаться за студентом
О.М. Иванов [Иванов, 2024]	Применение ИИ в праве и методиках обучения праву	Необходимо научить студентов использовать ИИ в качестве эффективного вспомогательного средства, четко понимая его ограничения	Создание интерактивных учебных материалов, интегрирующих традиционные методы и приемы обучения со взаимодествием студентов с ИИ

Таблица 2 (окончание)

Автор	Предмет исследования	Ключевые выводы	Рекомендации по использованию
Z.N. Khlaif, A. Mousa, M.K. Hattab, J. Itmazi, A.A. Hassan, M. Sanmugam, A. Ayoub [Khlaif, Mousa, Hattab, Itmazi, Hassan, Sanmugam, Ayoub, 2023]	Способность генеративного ИИ составлять тексты научных статей. Использование ИИ в научной сфере. В рамках исследования было создано 4 статьи с помощью ChatGPT, которые в дальнейшем проверялись 23 рецензентами	Качество составленной нейросетью ChatGPT статьи зависит от детализации запроса. При этом исследователь должен доработать сгенерированный ИИ текст статьи, приняв всю ответственность за ее содержание и достоверность представленных данных	Необходимо перепроверять всю информацию, представленную нейросетью (проблема галлюцинаций). Исследователи должны научиться правильно (детализированно и корректно) формулировать запросы к нейросети с целью получения материалов ожидаемого содержания и объема
D.B. Resnik, M. Hosseini [Resnik, Hosseini, 2024]	Изучение этического аспекта использования ИИ в научных исследованиях	Вся ответственность за содержание научного текста с использованием материалов нейросетей ложится на исследователя. Авторы должны указывать, какая часть работы составлена с помощью нейросети. Системы ИИ не должны упоминаться как соавторы работы, но их вклад должен быть раскрыт и описан. Обучение исследовательской работе должно включать обсуждение этических вопросов использования генеративного ИИ	Можно использовать средства генеративного ИИ в исследовательской работе, соблюдая этические правила

средств генеративного ИИ в исследовательскую работу студентов и решение им ряда исследовательских задач [Тивьяева, Михайлова, Казанцева, 2024]. Отметим, что взгляды ученых достаточно демократичны. Средствам генеративного ИИ ученые передают такую важную функцию научных руководителей, как составление плана ВКР. Безусловно, ИИ легко решает данную задачу, формулируя отчасти шаблонный, но достаточно детализированный план работы. Вместе с тем, считаем, что данная функция должна остаться и у научного руководителя, который на основе обратной связи от ИИ может варьировать пункты плана, сознательно направляя молодого исследователя в конкретную область науки. Аналогично обстоит дело с составлением аннотации. Включая в данный раздел работы те или иные материалы, автор делает определенный акцент на конкретные результаты исследования.

Материал для научной дискуссии представляет делегирование обзора литературных источников средствам генеративного ИИ. Наши опасения на настоящем этапе вызывает способность ИИ к галлюцинациям. Ложные научные данные в обзоре литературы приведут к последующим ложным выводам и синтезу ложных новых данных. Ответственность автора работы за весь текст ВКР, а также необходимость перепроверки фактических сведений ставит под вопрос эффективность использования средств генеративного ИИ в исследовательских целях для решения некоторых задач. Тем не менее благодаря своему опыту МГПУ стал одним из ключевых инициаторов по правовому регулированию использования средств генеративного ИИ в образовании.

Организация исследовательской работы студентов в триаде «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся»

В данном исследовании мы выражаем более консервативную позицию, чем некоторые наши коллеги, относительно делегирования средствам генеративного ИИ решения некоторых задач преподавателями по руководству исследовательской работой студентов и студентами по решению исследовательских задач (табл. 3).

Материалы таблицы 3 свидетельствуют о следующих ключевых моментах организации исследовательской работы студентов в триаде «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся».

Во-первых, считаем, что, несмотря на способность современных средств генеративного ИИ решать многие традиционные для научного руководителя задачи, преподаватель должен продолжать

**Организация исследовательской работы студентов в триаде
«преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся»**

Научный руководитель	Генеративный ИИ	Обучающийся/ исследователь
– формулировка темы, проблемы, цели и задач исследования (совместно с обучающимся); – разработка плана научной работы (совместно с обучающимся); – контроль отобранных ИИ и обучающимся материалов исследования; – консультирование на различных этапах выполнения работы; – проверка работы и предоставление обратной связи; – оценка содержания работы	– поиск и подбор материалов исследования; – формулировка аргументов; – разработка методических материалов (упражнений, заданий, фрагментов занятий); – поиск необходимого языкового материала (корпусные технологии ИИ); – поиск/генерация языковых или речевых примеров; – разработка опроса и контрольных материалов для проведения эксперимента; – количественная обработка данных эмпирических исследований; – визуализация данных (перевод материалов из текстового формата в инфографику); – форматирование списка используемых источников; – оценка текста работы на языковую корректность (редактирование); – оценка текста на семантическую связь между проблемой, целью, задачами, аргументами, результатами исследования	– формулировка проблемы, цели и задач исследования (совместно с научным руководителем); – разработка плана научной работы (совместно с научным руководителем); – формулировка промптов для точного поиска необходимой информации; – выбор материалов исследования самостоятельно или с помощью ИИ; – критическая оценка всего предоставляемого ИИ материала; – написание текста работы (введения, обзора литературы, методологии, используемых подходов и методов, результатов исследования, их интерпретации и заключения); – принятие полной ответственности за качество выполненной исследовательской работы

осуществлять основное руководство исследовательской работой студентов, при необходимости использовать ИИ в разработке плана исследования, контролировать выбор студентами используемых научных источников, особенно если они предложены ИИ, консультировать обучающихся на всех этапах выполнения исследования и оценивать работы.

Во-вторых, в современных условиях распространения генеративного ИИ, и учитывая его способности, к функциям преподавателя добавятся дополнительные обязанности, связанные с обучением студентов взаимодействовать с инструментами генеративного ИИ, критически оценивать получаемые материалы обратной связи, соблюдать правила этики использования материалов генеративного ИИ в работе, брать на себя ответственность за процесс и результат взаимодействия с инструментами ИИ в исследовательских целях.

В-третьих, обучающиеся должны анализировать материалы обратной связи от генеративного ИИ, научиться их оценивать на предмет достоверности и уместности и совместно с преподавателем использовать ее в разработке плана исследования, поиске и отборе научных источников.

В-четвертых, учитывая способности современных средств генеративного ИИ, их можно использовать в разработке методических материалов (упражнений и заданий), при поиске языковых материалов (корпусные технологии ИИ), поиске существующих или создании новых языковых/речевых примеров, разработке контрольных заданий и анкет, обработке количественных данных, визуализации данных, редактировании текста работы и форматировании списка литературы.

В-пятых, за исследователем остается решение главных исследовательских задач: проведение качественного анализа литературных источников и данных, синтез нового знания и самостоятельное написание текста работы. Именно эти задачи решаются на наиболее высоком когнитивном уровне, за что присваивается авторство работы и квалификация.

В-шестых, основная ответственность за процесс и результат использования средств генеративного ИИ в исследовательской работе ложится исключительно на обучающегося/исследователя!

В-седьмых, одним из пока еще не решенных вопросов использования материалов генеративного ИИ является соблюдение автором этических принципов. Академическому сообществу еще предстоит решить, за какой вид обратной связи, ее качество и объем исследователь должен разделять авторство материалов с ИИ, как именно

корректно указывать средства генеративного ИИ в качестве используемого средства и корректно ли вообще использовать обратную связь от ИИ в исследованиях, авторство которых приписывается человеку.

В-восьмых, предлагая такое распределение функций между участниками триады «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся», мы не утверждаем, что они являются фиксированными и неизменными. Как только генеративный ИИ решит проблему с галлюцинациями, он сможет обрести доверие пользователей в достоверности предлагаемых научных источников или обзоре литературы. Вместе с тем следует особенно подчеркнуть, что решение самых сложных по уровню когнитивного решения задач должно оставаться за человеком! На настоящий момент в большинстве гуманитарных исследований это качественный анализ и синтез, оформленные в тексте работы. В этой связи данная функция должна оставаться за автором. *Как только научным и академическим сообществом будут сформулированы новые задачи, решаемые исследователем на более высоком уровне сложности, анализ литературы и написание текста работы могут быть делегированы ИИ.*

Заключение

Динамичная интеграция технологий генеративного ИИ в образование способствовала их активному использованию студентами в исследовательской работе. В данной статье были рассмотрены: а) потенциал средств генеративного ИИ в исследовательской работе; б) нормативно-правовая основа использования студентами средств генеративного ИИ в обучении и исследовательской работе; в) распределение функций между научным руководителем, искусственным интеллектом и студентом/исследователем в триаде «преподаватель — искусственный интеллект — обучающийся».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безуглый Т.А., Еришова М.Е. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов // Проблемы современного образования. 2023. № 5. С. 206–216. DOI: 10.31862/2218-8711-2023-5-206-216
2. Евстигнеев М.Н. Нейросеть Twee — новый инструментарий для педагога английского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1428–1442. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442
3. Иванов О.М. О некоторых методиках использования искусственного интеллекта в образовательном процессе // Вестник Университета име-

ни О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (9). С. 141–149. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.141-149

4. Корнев А.А. Стратегии использования искусственного интеллекта для предоставления письменной обратной связи в обучении иностранному языку // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 68–77. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-5

5. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (с изменениями на 15 марта 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 15.10.2024).

6. Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53

7. Сысоев П.В., Филатов Е.М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 276–301. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301

8. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Методика обучения учащихся и студентов написанию эссе в триаде «обучающийся — преподаватель — искусственный интеллект» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 38–54. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-3

9. Тивьяева И.В., Михайлова С.В., Казанцева А.А. Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. Т. 2 (54). С. 202–218. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15

10. Титова С.В. Интеллектуальные системы обучения для персонализации и адаптации языковых курсов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 84–99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6

11. Титова С.В. Технологические решения на базе искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам: аналитический обзор // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 2. С. 18–37. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-2

12. Khlaif Z.N., Mousa A., Hattab M.K., Itmazi J., Hassan A.A., Sanmugam M., Ayyoub A. The Potential and Concerns of Using AI in Scientific Research: ChatGPT Performance Evaluation // JMIR Medical Education. 2023. Vol. 9. Pp. 1–16. DOI: 10.2196/47049

13. Li T., Reigh E., He P., Miller A.E. Can we and should we use artificial intelligence for formative assessment in science? // Journal of Research in Science Teaching. 2023. Vol. 60. № 6. Pp. 1–5. DOI: 10.1002/tea.21867

14. Lin Z. Why and how to embrace AI such as ChatGPT in your academic life // Royal Society Open Science. 2023. V. 10. № 8. Pp. 1–11. DOI: 10.1098/rsos.230658.

15. Osama M., Afridi S., Maaz M. ChatGPT: Transcending Language Limitations in Scientific Research Using Artificial Intelligence // J. Coll. Physicians Surg. Pak. 2023. V. 33. № 10. Pp. 1198–1200.

16. Resnik D.B., Hosseini M. The ethics of using artificial intelligence in scientific research: new guidance needed for a new tool // AI and Ethics. 2024. Pp. 1–23. DOI: 10.1007/s43681-024-00493-8

Pavel V. Sysoyev, Maxim N. Evstigneev

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE STUDENTS' RESEARCH WORK

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia; psysoyev@yandex.ru;
maximevstigneev@bk.ru

Abstract. The integration of artificial intelligence (AI) technologies into education has allowed students to use selected AI tools in research work. However, along with its obvious advantages, the ability of generative AI to hallucinate raises questions regarding the effectiveness of its use for a variety of research tasks. In this paper, the authors a) review the regulatory and legal basis for the use of generative AI tools in research work in the preparation of texts of conference presentations, academic articles, term papers and qualification works; b) review pedagogical studies dedicated to describing the experience of using generative AI tools in solving research problems; c) propose the distribution of functions between a research supervisor, artificial intelligence and a student/researcher in the triad “teacher — artificial intelligence — student”. Generative AI tools can take over many functions that have traditionally been performed by teachers and research supervisors, as well as by young researchers. These include developing a research work plan, searching for research sources, conducting a literature review, writing an abstract, etc. At the same time, the authors claim that at the present stage it is reasonable to talk about a joint solution of a number of the above-mentioned research tasks by supervisors and researchers, using generative AI tools as an assistant, the feedback from which should be subjected to critical reflection and verification. By transferring some of the functions to generative AI, the teacher/research supervisor is not excluded from the educational process and management of the student's research work. Their functions are modified and supplemented with new ones to teach students how to interact with AI tools, correctly formulate prompts, critically evaluate the received feedback and take full responsibility for the process and the result of work with generative AI.

Keywords: generative artificial intelligence, students' research work, graduate qualification work, artificial intelligence in education

Funding. This publication was prepared with the support of a grant from Derzhavin Tambov State University for the support of promising projects for implementation by the Scientific Center of the Russian Academy of Education.

For citation: Sysoyev P.V., Evstigneev M.N. (2025). The use of artificial intelligence technologies in the students' research work. *Lomonosov Linguistics and*

About the authors:

Pavel V. Sysoyev — Dr. Habil. in Pedagogy, Professor, Head of the Scientific Center of the Russian Academy of Education, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia; psysoyev@yandex.ru

Maxim N. Evstigneev — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics and Language Didactics Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia; maximevstigneev@bk.ru

REFERENCES

1. Bezugly T.A., Ershova M.E. 2023. Ispol'zovaniye tekstovykh neyrosetey i iskusstvennogo intellekta v nauchnykh rabotakh studentov [The use of text neural networks and artificial intelligence in students' academic papers]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 5, pp. 206–216. DOI: 10.31862/2218- 8711-2023-5-206-216 (In Russ.)
2. Evstigneev M.N. 2023. Nejroset' Twee — novyy instrumentarij dlja pedagoga anglijskogo jazyka [Twee neural network as a new tool for English language teacher]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Tambov University Review. Series: Humanities], vol. 28, no. 6, pp. 1428–1442. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442 (In Russ.)
3. Ivanov O.M. 2024. O nekotorykh metodikakh ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nom protsesse [On some methods of using artificial intelligence in the educational process]. *Vestnik Universiteta imeni OYe Kutafina* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], vol. 1, no. 9, pp. 141–149. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.141-149 (In Russ.)
4. Korenev A.A. 2024. Strategii ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta dlja predostavleniya pis'mennoj obratnoj svyazi v obuchenii inostrannomu jazyku [Strategies of using artificial intelligence for written corrective feedback in language education]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 68–77. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-2-5 (In Russ.)
5. Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation (as amended on March 15, 2021). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (data obrasheniya: 15.10.2024).
6. Sysoyev P.V. 2024. Ethics and AI-Plagiarism in an Academic Environment: Students' Understanding of Compliance with Author's Ethics and the Problem of Plagiarism in the Process of Interaction with Generative Artificial Intelligence. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, vol. 33, no. 2, pp. 31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53 (In Russ.)
7. Sysoyev P.V., Filatov E.M. 2023. ChatGPT in students' research work: to forbid or to teach? *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 2, pp. 276–301. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301 (In Russ.)

8. Sysoyev P.V., Filatov E.M. 2024. A Method for Teaching Foreign Language Creative Writing to Students Within the Framework “Learner — Teacher — Artificial Intelligence”. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 38–54. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1428-1442 (In Russ.)
9. Tivyaeva I.V., Mikhailova S.V., Kazantsev, A.A. 2024. Regulating the use of generative artificial intelligence tools in graduate qualification papers. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, vol. 2(54), pp. 202–218. DOI: 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15 (In Russ.)
10. Titova S.V. 2024. Technological solutions based on artificial intelligence in teaching foreign languages: an analytical review. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 2, pp. 84–99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6 (In Russ.)
11. Titova S.V. 2024. Intelligent Learning Systems for Personalizing and Adapting Language Courses. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 84–99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6 (In Russ.)
12. Khlaif Z.N., Mousa A., Hattab M.K., Itmazi J., Hassan A.A., Sanmugam M., Ayyoub A. 2023. The Potential and Concerns of Using AI in Scientific Research: ChatGPT Performance Evaluation. *JMIR Medical Education*, vol. 9, pp. 1–16. DOI: 10.2196/47049
13. Li T., Reigh E., He P., Miller A.E. 2023. Can we and should we use artificial intelligence for formative assessment in science? *Journal of Research in Science Teaching*, vol. 60, no. 6, pp. 1–5. DOI: 10.1002/tea.21867
14. Lin Z. 2023. Why and how to embrace AI such as ChatGPT in your academic life. *Royal Society Open Science*, vol. 10, no. 8, pp. 1–11. DOI: 10.1098/rsos.230658
15. Osama M., Afridi S., Maaz M. 2023. ChatGPT: Transcending Language Limitations in Scientific Research Using Artificial Intelligence. *J Coll Physicians Surg Pak*, vol. 33, no. 10, pp. 1198–1200.
16. Resnik D.B., Hosseini M. 2024. The ethics of using artificial intelligence in scientific research: new guidance needed for a new tool. *AI and Ethics*, pp. 1–23. DOI: 10.1007/s43681-024-00493-8

Статья поступила в редакцию 30.11.2024;
одобрена после рецензирования 07.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.11.2024;
approved after reviewing 07.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

И.А. Басова, А.С. Севрюкова

МОДЕЛИ ТРАНСЪЯЗЫЧИЯ ДЛЯ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия; irinaffl@mail.ru; sevryukova.as@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой анализ исследований в области применения различных моделей трансъязычия для билингвальной профессиональной подготовки студентов лингводидактических профилей. Авторы анализируют различные модели в рамках оппозиции академического (academic) и спонтанного трансъязычия (spontaneous translanguaging), а также модель формирования и развития металингвистического сознания (enhancing metalinguistic awareness), модель использования всего лингвистического репертуара (use of whole linguistic repertoire), модель интегрированного языкового учебного плана (integrated language curriculum), модель трансъязыковых сдвигов (translanguaging shifts) с точки зрения возможности применения двух иностранных языков одновременно для организации билингвальной профессиональной подготовки. Каждая из представленных моделей различается по типу, намерениям использования трансъязычия, субъекту, который осуществляет выбор языков, а также по непосредственному соотношению языков. Рассматривая теоретические основы, авторы отмечают потенциал применения каждой модели в лингводидактическом процессе. В заключение приводятся наиболее эффективные и подходящие, с точки зрения авторов, практики трансъязычия, которые позволяют гибко использовать два иностранных языка одновременно для организации занятий и, соот-

Басова Ирина Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irinaffl@mail.ru

Севрюкова Алина Сергеевна — преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; sevryukova.as@gmail.com

© Басова И.А., Севрюкова А.С., 2025

ответственно, обеспечивают билингвальную профессиональную подготовку, отвечающую требованиям и вызовам современной образовательной среды.

Ключевые слова: лингводидактика; билингвальное обучение; модели трансязычия

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-7

Для цитирования: Басова И.А., Севрюкова А.С. Модели трансязычия для билингвальной профессиональной подготовки студентов лингводидактических профилей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 102–110. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-7

Согласно программе «Развитие образования» в Российской Федерации одной из приоритетных задач государственной политики является повышение доступности, эффективности и качества образования в соответствии с реалиями настоящего и вызовами будущего. Указанные целевые установки находят свое отражение и конкретизируются в стратегических целях и вызовах, принятых, в частности, в программе развития Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова до 2030 года. Среди них называются следующие: необходимость формирования у обучающихся компетенций и квалификаций, обеспечивающих достойный и эффективный труд, а также стирание дисциплинарных и отраслевых границ в образовании. В области обучения иностранным языкам реализации указанных приоритетов могло бы способствовать проектирование билингвальных курсов с использованием различных моделей трансязычия.

В условиях современного мира знание нескольких языков становится все более востребованным и именно модели трансязычия позволяют студентам максимально использовать свой лингвистический арсенал для эффективного обучения и последующей профессиональной деятельности. Говоря о применении трансязычия в лингводидактическом процессе, следует отметить его большой потенциал, поскольку «предрасположенность преподавателей к трансязычию может создавать педагогические возможности, которые в монологичной речи были бы недоступны» [Головкин, 2022: 6]. В данном контексте мы говорим о появлении таких возможностей, как обращение к сходным терминам в разных языках, анализ безэквивалентной лексики, составление и сопоставление многоязычных текстов, что, несомненно, расширяет возможности студентов и пре-

подавателей, особенно при освоении различных профессиональных дисциплин. Также следует отметить тот факт, что такой курс за счет билингвального содержания сможет предоставить будущим педагогам такое конкурентное преимущество, как большая гибкость и эффективность коммуникации с коллегами из области обучения иностранным языкам, в том числе на международном уровне. Такая организация обучения становится возможной благодаря применению различных моделей трансязычия.

Для того чтобы более полно понимать специфику применения трансязычия, необходимо обратиться к двум основным понятиям: «билингвальное обучение» и непосредственно к самому «трансязычию». Оба понятия тесно связаны между собой. Под билингвальным обучением понимается «такая организация учебного процесса, при которой становится возможным использование более чем одного языка как средства преподавания» [Панина, 2014: 3]. Под трансязычием же понимается «совокупность стратегий учения и обучения, применяемых студентами и преподавателями с использованием всех их языковых репертуаров для достижения более глубокого общего понимания содержания и для совместного конструирования знаний» [Головкин, 2022: 8]. Так, мы можем говорить о том, что трансязычие — это определенный инструмент или стратегия, которая применяется для организации билингвального обучения. Однако при применении трансязычия как инструмента возникают следующие трудности: сложность в определении языка инструкции и языка содержания и их соотношения в языковом классе, а также в отсутствии разработанных методических материалов для организации занятий.

Решение проблемы, связанной с определением языка инструкции и языка содержания, кроется в рассмотрении моделей и практик педагогического трансязычия. Каждая модель имеет свои уникальные особенности и может быть эффективно использована для достижения различных целей в процессе обучения иностранным языкам.

Согласно одной из классификаций (Cenoz&Gorter), представленной на схеме 1, модели трансязычия можно условно разделить на 2 категории: академические модели трансязычия (Academic translanguaging) и спонтанные модели трансязычия (Spontaneous translanguaging). К категории академических относятся следующие модели: модель педагогического трансязычия (Pedagogical translanguaging), модель когнитивного академического трансязы-

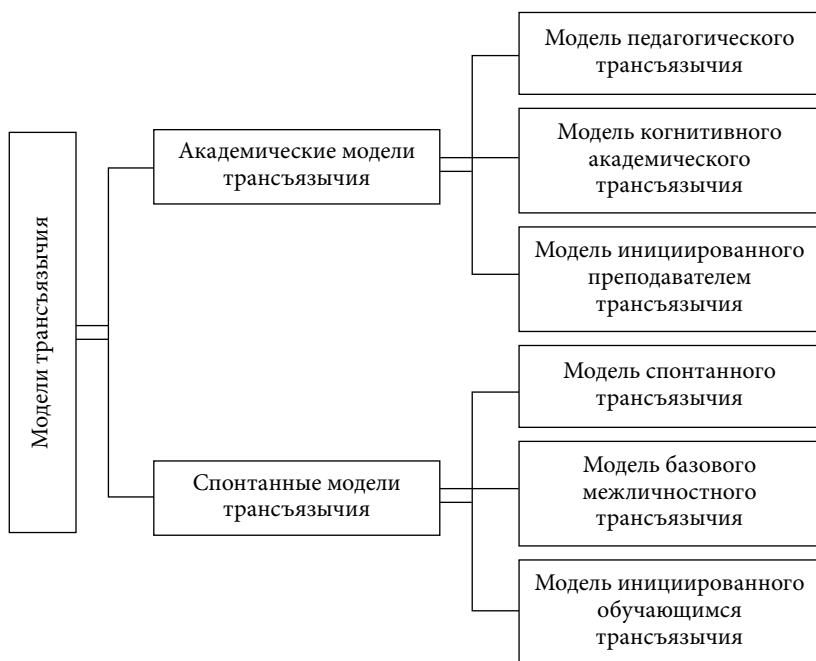

Схема 1. Классификация моделей транслязычия
(Cenoz & Gorter, 2021)

чия (Cognitive Academic Translanguaging — CAT) и модель инициированного преподавателем транслязычия (Teacher-led translanguaging). Во вторую категорию входят модель спонтанного транслязычия (Spontaneous translanguaging), модель базового межличностного транслязычия (Basic Interpersonal Translanguaging — BIT) и модель инициированного обучающимся транслязычия (Student-led pedagogical translanguaging) [Cenoz&Gorter, 2021, собственный перевод].

Однако авторы классификации отмечают нестабильность такого деления, поскольку черты, например, любой спонтанной модели могут проявляться при выполнении заданий, запланированных в рамках одной из академических моделей, и наоборот.

В своей работе «Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity?» ученые J. Cenoz и D. Gorter определяют педагогическое транслязычие как «запланированное преподавателем в языковом классе использование разных языков для вводимой и продуцируемой информации (input&output) или обращение

к другим стратегиям, обеспечивающим использование ресурсов всего лингвистического репертуара обучающихся» [Cenoz&Gorter, 2017: 194, собственный перевод]. В оппозиции педагогической модели трансязычия находится спонтанная модель, которая «подразумевает использование билингвизма (использования более чем двух иностранных языков) в естественных условиях, когда границы между языками подвижны и постоянно меняются» [Cenoz&Gorter, 2021: 18, собственный перевод].

Другую оппозицию представляют модели когнитивного академического и базового межличностного трансязычия, которые различаются по намерениям использования трансязычия. В первом случае для преподавания и усвоения знаний, во втором — без конкретной образовательной цели. В. Jones в работе «Translanguaging in Bilingual Schools in Wales», посвященной опыту внедрения трансязычия, отмечает важность использования преподавателем трансязычия как в образовательном (*cognitive academic translanguaging*), так и во внеучебном (*basic interpersonal translanguaging*) контекстах [Jones, 2017].

Модели инициированного преподавателем и инициированного обучающимся трансязычия различаются по субъекту, который осуществляет выбор языков для планирования и выполнения заданий. Модель инициированного преподавателем трансязычия подразумевает деятельность преподавателя по планированию заданий и определению языков инструкции и языка содержания, в то время как в рамках второй модели обучающиеся сами выбирают, как использовать свои лингвистические умения и навыки при выполнении конкретных задач [Jones&Lewis, 2014].

Согласно другой классификации, существует еще четыре модели трансязычия: модель формирования и развития металингвистического сознания (*enhancing metalinguistic awareness*), модель использования всего лингвистического репертуара (*use of whole linguistic repertoire*), модель интегрированного языкового учебного плана (*integrated language curriculum*), модель трансязыковых сдвигов (*translanguaging shifts*) [Cenoz&Gorter, 2021].

Данная классификация является более релевантной для билингвальной профессиональной подготовки и соответствующих курсов, поскольку каждая из представленных моделей подразумевает разное соотношение и использование языков. Модель формирования и развития металингвистического сознания (*enhancing metalinguistic awareness*) предполагает одновременное использование двух

языков на занятиях и упор на их сопоставительный анализ. В рамках модели использования всего лингвистического репертуара (use of whole linguistic repertoire) обучающиеся используют оба языка в языковом классе для выполнения различных заданий. При этом происходит постоянная смена языков содержания и инструкций (input and output languages) [там же].

Модель интегрированного языкового учебного плана (integrated language curriculum) предполагает поочередное использование языков на разных занятиях, предусмотренных учебным планом. Модель трансязыковых сдвигов (translanguaging shifts) является наиболее спонтанной, поскольку подразумевает использование второго иностранного языка при возникновении в этом непредвиденной потребности у обучающихся, например, при возникновении вопросов.

Примерами курсов, в рамках которых применяются различные модели трансязычия, являются следующие.

Курс «Сравнительная типология английского и русского языков», проводимый на факультете иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В рамках данного курса студенты изучают языковые структуры различных языков, анализируют и сравнивают их. Курс помогает студентам лучше понять языковые особенности и сходства в разных языках. В данном курсе использована модель формирования и развития металингвистического сознания.

В рамках курса «Кросскультурная грамматика» Южного федерального университета студенты изучают и применяют несколько языков в процессе знакомства с кросскультурными различиями в грамматических системах языков. Курс способствует использованию лингвистического арсенала для последующего эффективного общения в мультязычной среде. В данном курсе использована модель использования всего лингвистического репертуара.

Для организации билингвальной профессиональной подготовки и соответствующих курсов наиболее подходящими являются модель формирования и развития металингвистического сознания (enhancing metalinguistic awareness) и модель использования всего лингвистического репертуара (use of whole linguistic repertoire), поскольку именно они предполагают использование двух иностранных языков в рамках одного занятия. Они в определенной степени регламентируют использование языков в рамках занятий (обосновывают предъявление обоих языков одновременно для их сопоставления, а также для выполнения определенных заданий),

но конкретно не определяют, какой из языков является языком инструкции, а какой — содержания, и их соотношение. Указанные вопросы возможно разрешить эмпирически, на этапах планирования и апробации занятий.

Таким образом, теоретический обзор демонстрирует возможность применения моделей трансязычия для билингвальной профессиональной подготовки студентов лингводидактических профилей. Каждая из представленных в обзоре моделей обладает своими особенными чертами и характеристиками и может быть использована для достижения различных целей в процессе обучения иностранным языкам. Однако наиболее релевантными именно для билингвальной профессиональной подготовки являются модель формирования и развития металингвистического сознания (*enhancing metalinguistic awareness*) и модель использования всего лингвистического репертуара (*use of whole linguistic repertoire*), поскольку они позволяют гибко использовать два иностранных языка одновременно и в результате позволяют обеспечить такую билингвальную подготовку, которая отвечает требованиям и вызовам современной профессиональной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин Н.В. Трансязычие как метод обучения в зарубежной лингводидактике // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4. С. 137–154.
2. Панина Е.Ю., Теплова С.Б. Билингвальный подход в обучении // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2014. № 10. С. 1–4.
3. Cenoz J., Gorter D. *Pedagogical Translanguaging*. Cambridge University Press, 2021.
4. Cenoz J., Gorter D. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38. № 10. Pp. 901–912.
5. Jones B. *Translanguaging in Bilingual Schools in Wales* // *Journal of Language, Identity and Education*. 2017. Vol. 16. № 4. Pp. 199–215.
6. Jones B., Lewis G. *Language arrangements within bilingual education*. Bristol: Multilingual Matters, 2014.
7. Nikula T., Moore P. Exploring translanguaging in CLIL. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2019. Vol. 22. № 2. Pp. 237–249.

Irina A. Basova, Alina S. Sevriukova

TRANSLANGUAGING MODELS FOR BILINGUAL PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS MAJORING IN LINGUODIDACTICS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; irinaffl@mail.ru,
sevryukova.as@gmail.com

Abstract. The article presents the analysis of the research in the field of implementation of translanguaging models into professional training of students majoring in linguodidactics. The authors analyze various models within the framework of the opposition of academic and spontaneous translanguaging, as well as enhancing metalinguistic awareness model, model of using whole linguistic repertoire, integrated language curriculum model and model of translanguaging shifts from the perspectives of using two foreign languages simultaneously for the organization of bilingual training. Each of the presented models differs in type, intentions of using translanguaging, the subject who makes the choice of the languages, as well as in the ratio between the languages. Considering the theoretical foundations, the authors note the potential of each model in the linguodidactic process. In conclusion, the most effective and suitable, from the authors' point of view, practices of translinguaging are presented. They allow flexible use of two foreign languages simultaneously for organizing classes and, accordingly, provide bilingual professional training that meets the requirements and challenges of the modern educational environment.

Keywords: linguodidactics; bilingual education; translanguaging models

For citation: Basova I.A., Sevriukova A.S. (2025). Translanguaging models for bilingual professional training of students majoring in linguodidactics. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 102–110. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-7 (In Russ.)

About the authors:

Irina A. Basova — PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Language Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; irinaffl@mail.ru

Alina S. Sevriukova — Lecturer, Foreign Language Teaching Methodology, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; sevryukova.as@gmail.com

REFERENCES

1. Golovko N.V. 2022. Trans'yazychie kak metod obucheniya v zarubezhnoi lingvodidaktike [Translanguaging as a teaching method in foreign linguodidactics]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, no. 4, pp. 137–154. (In Russ.)

2. Panina E.YU., Teplova S.B. 2014. Bilingval'nyi podkhod v obuchenii [Bilingual approach in teaching]. *Problemy romano-germanskoi filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*, no. 10, pp. 1–4.
3. Cenoz J., Gorter D. 2021. *Pedagogical Translanguaging*. Cambridge University Press.
4. Cenoz J., Gorter D. 2017. Minority languages and sustainable translanguaging: threat or opportunity? *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 38, no 10. pp. 901–912.
5. Jones B. 2017. Translanguaging in Bilingual Schools in Wales. *Journal of Language, Identity and Education*, vol. 16, no. 4, pp. 199–215.
6. Jones B., Lewis G. 2014. *Language arrangements within bilingual education*. Bristol: Multilingual Matters.
7. Nikula T., Moore P. 2019. Exploring translanguaging in CLIL. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, vol. 22, no. 2, pp. 237–249.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 17.11.2024;
approved after reviewing 08.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

Юй Цзе

ИСТОРИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ: ПУТЬ ОТ CHINESE ENGLISH К CHINA ENGLISH

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия; yuj1@my.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору истории проникновения и распространения английского языка в Китае, рассмотрению этносоциолингвистических задач использования данного языка и его преподавания в стране в разные периоды истории Китая. В работе дается обоснование актуальности выбранной тематики. В исследовании прослеживается процесс появления так называемых китайских вариантов использования английского языка: как Chinese English, так и China English. Оба феномена представляют важную научную значимость для исследователей World Englishes в контексте рассмотрения англоязычного поведения носителей других лингвокультур в международном общении. Уделяется внимание концепции преподавания в стране английского языка, ориентированного на правила функционирования этого языка как родного для представителей англосаксонской культуры и на ту ситуацию, в которой с середины прошлого столетия в КНР была сформирована и активно действовала до недавнего времени экзонормативная модель преподавания языка. В работе объясняется усиленное внимание исследователей к вопросам пересмотра политики преподавания иностранных языков в КНР. Объясняется идеологическая потребность, которая диктует попытки китайских коллег закрепления за China English статуса одного из вариантов World Englishes.

Ключевые слова: проникновение английского языка в Китай; пиджин-инглиш; китаизированный английский язык; чинглиш; эднормативная и экзонормативная модели преподавания иностранных языков; идеология, политика преподавания иностранных языков

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-8

Для цитирования: Юй Цзе История преподавания английского языка в Китае: путь от Chinese English к China English // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 111–129. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-8

Юй Цзе — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова; yuj1@my.msu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6685-3063>

© Юй Цзе, 2025

Введение: актуальность исследования

В современных условиях усиливающихся противоречий в международной обстановке, когда культурные конфронтации становятся неизбежными жестокими реалиями, вопросы языковой политики выходят на передний план. Встает актуальная задача оптимизации преподавания иностранных языков, в том числе и английского. В этой связи сложным вопросом в лингводидактике становится, например, выбор модели: экзонормативной (*exonormative model*), т.е. опирающейся на нормы извне, например, для Китая — британские или американские нормы, или эндонормативной (*endonormative model*), т.е. имеющей собственные нормы, кодифицированные в своем (китайском) варианте английского языка [Kirkpatrick, 2006] — как педагогической модели практического преподавания английского языка и его изучения в иных лингвосоциокультурных сообществах, чем англосаксонское. Соответственно, большой научный интерес представляют модифицированные англоязычные компетенции носителя того или другого языка.

Собственно, указанная проблема начала рассматриваться с конца 70-х годов прошлого века в комплексе теоретических проблем языкового контактирования в мире. После создания международной ассоциации *Iawe* (International Association of World Englishes) на конференции, проведенной в университете Иллинойс (США) в 1992 г., исследования региональных разновидностей английского языка в мире приобрели институциональный характер [Беликова, 2015: 139]. К этому научному направлению присоединились и российские исследования. Новые теоретические концепции и проблемы были систематично представлены в ряде работ З.Г. Прошиной [Прошина, 2016; 2017; 2021; 2022].

Согласно теории трех концентрических кругов Б. Качру [Kachru, 1992], Китай является одной из стран, относящихся к расширяющемуся кругу распространения английского языка в мире. Контакт английского языка и китайского общества привел к колоссальным результатам, о чем свидетельствует хотя бы такой факт: сегодня в КНР 400 млн людей обучаются английскому и говорят на нем, что превышает общее число населения стран, где английский является родным языком¹. Помимо того, в Китае насчитывается порядка 1 млн преподавателей английского языка. Согласно статистике Бри-

¹ Wei R., Su J. The statistics of English in China / *English Today*, 2012, 28 (3): 10–14; <https://www.britishcouncil.cn/en/EnglishGreat/numbers> (accessed: 10.06.2024).

танского совета, рынок преподавания английского языка в 2016 г. был оценен в 12,3 млрд американских долларов².

Такое большое количество учащихся и пользователей английского языка привлекает пристальное внимание исследователей как в Китае, так и за его рубежом. Англоязычная речь носителей китайского языка становятся объектом усиленного рассмотрения в области лингвистики и лингводидактики. Так, в фокусе внимания ученых оказались понятия «Chinese English», «Chinglish» и «China English» [Ли Вэньчжун, 1993; Линь Цююнь, 1998], которые, собственно, были выдвинуты еще в 1980-х гг. [Гэ Чуаньгуй, 1980]. Ненормативные англоязычные выражения, широко употребляемые в китайском лингвокультурном сообществе, начали обсуждаться в социокультурном и идеологическом планах.

Примечательно, что на упомянутые феномены обращали внимание также отечественные исследователи. В 2001 г. во Владивостоке вышла в свет монография З.Г. Прошиной «Английский язык и культура Восточной Азии» [Прошина, 2001]. В 2002 г. ею же защищена докторская диссертация, где обсуждались дистинктивные признаки китайского варианта (этим работам предшествовали статьи) [Прошина, 2002]. В 2007 г. защищена кандидатская диссертация Т.А. Иванковой «Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка: на материале письменных текстов» [Иванкова, 2007], а в 2009 г. опубликована ее монография «Английский язык в Китае: Региональные особенности» [Иванкова, 2009]. Стоит обратить внимание на дальневосточную (владивостокскую) школу, где под руководством Л.П. Бондаренко была также проделана огромная работа по описанию фонетических особенностей китайского варианта английского языка [Бондаренко, 2006; Завьялова, 2012].

Следует отметить, что в России, находящейся в одном и том же Расширяющемся круге, что и Китай, также существует аналогичный феномен — «русский английский», который представляет большой интерес в разных аспектах лингвистики и лингводидактики. Н.В. Щенникова рассматривает это специфическое лингвокультурологическое явление как некое языковое образование неопределенного статуса, назвав его «идиомом» [Щенникова, 2013]. В исследованиях З.Г. Прошиной и других ученых «русский английский», как его аналог в Китае, получили название «вариант» [Russian English,

² English in numbers. British Council in China. URL: <https://www.britishcouncil.cn/en/EnglishGreat/numbers> (дата обращения: 10.06.2024).

2016; Прошина, Ривлина, 2018; Прошина, 2022]. Подчеркнув, что «вариант — это социолингвистическое явление, реализуемое как типичная речь социума, в которой отражается его лингвокультурная идентичность», исследовательница считает, что «вариант — это не дефектная речь пользователей этим вариантом», он используется образованными коммуникантами «не только как средство коммуникации, вторичное средство выражения культурной идентичности, но и как дополнительный языковой ресурс для реализации креативной функции» [Прошина, 2022: 84–85].

Таким образом, уместным и полезным было бы посмотреть на опыт Китая в вопросах адаптирования изучаемого иностранного языка (английского) к реальным потребностям и возможностям обучающихся, а также задуматься об учете идеологических и политических реалий нашего времени в плане влияния и взаимовлияния языков и культур.

Проникновение английского языка на юг Китая в варианте «пиджин-инглиш»

История распространения английского языка в Китае насчитывает более 380 лет. Согласно исследованиям, проведенным Остином Коутсом [Coates, 1978], Кингсли Болтоном [Bolton, 2003] и Николасом Д. Джексон [Jackson, 2022], история контактов британцев с Китаем восходит к 1580–1620 гг., когда первые британские торговцы прибыли в Макао и Гуанчжоу (ранее был известен как Кантон). Но первая зафиксированная поездка британских торговцев, завершившаяся не в пользу британской торговли, упомянута в 1637 г. в дневнике одного из путешественников — Питера Манди (Peter Mundy)³. Он был лицензированным торговцем Courteen's Association, одного из конкурентов Ост-Индской компании (East India Company). Питер Манди знал французский, испанский, португальский и итальянский языки. Его дневник является занимательным свидетельством о первом контакте между британцами, португальцами и китайцами. Дневник был отредактирован Ричардом Тэмплом (Richard C. Temple) и издан в пяти томах в 1907–1936 гг. В 1-й части 3-го тома⁴ содержится 160 страниц, описывающих Макао и Гуанчжоу, куда прибыли 4 корабля под командованием капитана Джона Уэддела (John Weddell); они пробыли на юге Китая с 27 июня

³ Temple R.C. (ed.). 1907–1936. The Travels of Peter Mundy, in Europe and Asia, 1608–1667. I–V vol. London.

⁴ Temple R.C. (ed.). 1919. The travel of Peter Mundy, in Europe and Asia, 1608–1667. Vol. III, Part I. London.

по 28 декабря 1637 г. За все это время общение между британцами и китайцами проходило в основном благодаря посредничеству португальских торговцев и миссионеров, давно уже обосновавшихся в Макао. Кингсли Болтон характеризовал дневник Манди как запись о событиях, в том числе бытовых и дипломатических, с одной стороны, и произведение ранней формы европейской путевой литературы — с другой. В нем отражены самые ранние реакции британцев на реалии жизни в Макао, на юге Китая и жизнь чужеземцев в Китае, зарегистрирована лексика в форме раннего азиатского варианта английского языка в контексте Китая [Bolton, 2003: 125–138].

После первой неудачной попытки англичане еще много раз совершали плавание в Гуанчжоу в 1644, 1673, 1675, 1681 гг. с целью установления торговых связей с китайцами, чего наконец добились в 1682 г. Благодаря активному развитию торговли с китайцами и расширению сферы своей деятельности на юге Китая англичане основали представительство Ост-Индской компании в Гуанчжоу, что дало английским торговцам возможность иметь постоянное жительство в Гуанчжоу в торговый сезон и в Макао в остальное время [Чжоу Чжэньхэ, 2012: 3]. Частое деловое и бытовое взаимодействие между англоязычными чужеземцами и местными жителями южного Китая привело к появлению так называемого *Jargon of Canton* (или *Canton Jargon*), одного из гибридных контактных языков со смесью местных диалектов Китая и включениями из португальского языка. Позже его называли *Chinese Pidgin English* (CPE). Вот примеры ранней формы его лексики из дневника Манди:

1) I moiki handsom face for he. (пер.: *Я передаю ему привет.*)

Слово «moiki» является фонетической модификацией «make».

2) He no cari China-man's Joss, hap oter Joss. (пер.: *Он не поклоняется китайскому богу, у него есть свой бог.*)

«Joss» является неправильным произношением португальского слова «Dios» (*бог*), «hap» — «have», «oter» — «other» [Чжоу Джэньхэ, 2012: 3].

Будучи средством устного делового и бытового общения между иностранными торговцами и частью китайского населения, CPE постепенно расширял территорию своего действия в связи с ростом деятельности британских и американских торговых организаций в Китае. Вслед за становлением Шанхая крупнейшим торговым и финансовым центром вместо Гуанчжоу в 60-е годы XIX века кантонский вариант английского языка переместился севернее, в Шанхай, и получил новое название «Pidgin English», которое среди ки-

тайцев звучало как «Yang Jing Bang» English (*шанхайский вариант пиджина*) по звучанию наименования территории использования в этом городе. По сравнению со своим предшественником, пиджин стал языком общения китайских жителей не только с англоязычными иностранцами, но и с людьми из других стран. Умение говорить на таком варианте английского означало более весомый статус в обществе. Даже сегодня в шанхайском диалекте осталось определенное количество слов из пиджина: *намовэнь* (No. One), *цяньши* (chance), *пейсань* (beg say), *гаосаньху* (gossip).

Начало преподавания английского языка в Китае

С начала XIX века освоение жителями Китая английского языка перешло от спонтанных контактов с англоязычными говорящими на следующий этап — это было институциональное обучение, организованное сначала британскими и американскими миссионерами, приезжавшими в Китай в начале века, а затем и усилиями со стороны китайских просветителей и правительства.

Основоположником обучения английскому языку в Китае принято считать британского миссионера Роберта Моррисона (Robert Morrison). В 1807 г. он был отправлен Британским библейским обществом в Макао и Кантон для изучения китайского языка и перевода Библии на этот язык. Помимо своих прямых обязанностей⁵, в 1818 г. в Маллаке он основал первый в истории Китая колледж «The Anglo-Chinese College», который в 1843 г. был перенесен в Гонконг. В 1856 г. колледж прекратил свое существование. После смерти Моррисона в 1834 г. миссионеры в Макао основали в его честь колледж, который действовал вплоть до 1850 г. В обоих заведениях изучали не только английский, но и другие научные дисциплины: математику, астрономию, географию, этику, философию, китайский язык, историю и др. За исключением китайского языка и учений по китайской традиционной культуре, все другие предметы преподавались на английском языке. Помимо преподавания Р. Моррисон также составлял учебные пособия, Большой китайско-английский словарь в 5 томах, труды по описанию кантонского диалекта и пиджина.

В 1860-е годы после поражения Цинской империи в Опиумных войнах с Англией и Францией китайское правительство и передовые деятели общества осознали необходимость освоения запад-

⁵ В 1808–1818 гг. он выполнил перевод Нового и Старого завета и издал их под названием «Шэньтиань Шэншу» «*神天圣书*» в 1823 г. в Маллаке.

ных языков и современных научных знаний. В 1862 г. было создано училище Тунвэньгуань (School of Combined Learning) в Пекине для обучения китайцев английскому языку⁶, что ознаменовало начало государственного обучения иностранным языкам. Деятельность училища была направлена на подготовку переводчиков и лингвистов для страны. Всеми преподавателями без исключения являлись только носители языка из Великобритании и США. Вскоре из Тунвэньгуаня вышли первые специалисты по иностранным языкам для Китая, которые впоследствии сыграли огромную роль в разных сферах деятельности государства. На протяжении нескольких десятилетий Тунвэньгуань служило образцом преподавания иностранных языков для школьников. Вскоре по его примеру во многих городах страны появились аналогичные школы. В это время под влиянием западной культуры на фоне упадка цинской династии в Китае набирали силу миссионерские школы, в которых был сделан акцент на изучение английского языка. Этот язык не только изучали на аудиторных занятиях, также на нем преподавали и другие предметы, велись административные и управленческие работы.

В 1911 г. пала Цинская империя, и в 1912 г. была образована Китайская республика, в которой была сформирована новая современная образовательная система, где английский язык занимал почти такое же место, как китайский язык. Издавались китайские учебники английского языка, словари. Китайское правительство и вузы также активно занимались сотрудничеством с зарубежными университетами. Многие студенты были отправлены в Европу, США и Японию учиться.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 г. из-за осложненных международных условий английский язык почти сразу убрали из образовательной программы. Активно обучать тому языку начали только в 1958–1966 гг. Масштабные реформы в сфере образования затронули преподавание английского языка, в результате были составлены новые учебники, разработана новая система и программа преподавания в соответствии с новым запросом на иностранные языки. В 1961 г. был опубликован План обучения английскому языку для средних школ полного дня (проект). В следующем году английский язык был определен как обязательный экзаменационный предмет для поступления в вузы. В 1964 г.

⁶ Позже в училище также обучали другим европейским языкам. В 1902 г. училище вошло в Столичные учительские палаты (京师大学堂), из которых позже образовали Пекинский университет.

был разработан План семилетнего обучения иностранным языкам, в котором было предусмотрено, что английский язык должен стать первым иностранным языком в школьном образовании, а число людей, изучающих английский язык, должно значительно увеличиться. По этому плану в многих вузах открыли преподавание английского языка, в стране создали больше десяти институтов иностранных языков. В марте 1966 г. в Китае насчитывалось 74 вуза, имеющих специальность «английский язык»; количество преподавателей английского достигло 4621 чел. в 1965 г. по сравнению с 1957 г. — 1015 чел. [Ху Вэньчжун, 2001: 245–251]. Однако изучение английского языка, как и все остальные сферы культурной деятельности, прервалось в 1966 г. и сильно пострадало из-за десятилетней кампании «культурной революции». Очередное масштабное изучение английского языка возобновилось только с 80-х годов XX века, когда в Китае началась политика реформ и открытости и тем самым вовлекла страну в процесс глобализации.

Сегодня в китайских вузах преподают более 50 языков, а специализация английский язык открыта в почти 1000 учреждениях. Приведу ряд внушительных цифр статистики: в 2006 г. английский язык учила подавляющая часть из 72,81 млн школьников 1–6 классов, а также 59,37 млн школьников 7–9 классов и 25,14 млн 10–12 классов. В 2008 г. в вузах было 400 тыс. учащихся по специальности «английский язык» [Ху Вэньчжун, 2009: 163–169].

Английский язык как обязательный предмет преподают в школах от начальных классов до старших и в вузах, т.е. на всех этапах обучения. Составлено большое количество учебников, пособий, разработаны тестовые системы, продвигается коммуникативно-ориентированный метод обучения с усиленным привлечением носителей языка, активно открываются билингвальные школы и курсы, происходит замена китайского языка во время ведения занятий во многих вузах на английский язык, развивается широкомасштабное сотрудничество образовательных организаций с зарубежными учебными и академическими учреждениями и т.д.

Разработаны и действуют разные китайские и зарубежные тестовые системы. Самые важные тесты для учащихся вузов — это Всекитайские тесты по английскому языку (CET) 4 и 6, которые разработаны и запущены Министерством образования КНР в 1987 г. Они делятся на письменную и устную часть, и по каждой части экзамены проводятся два раза в год. Среди зарубежных тестов самыми популярными являются IELTS (International English Language Testing

System), TOEFL (The Test of English as a Foreign Language), GRE (Graduate Record Examination), GMAT (Graduate Management Admission Test), SAT (Scholastic Assessment Test).

Chinese English и China English

На протяжении всего этого периода институционального распространения английского языка в Китае вплоть до последнего десятилетия XX века преподавание осуществлялось исключительно по экзонормативной модели и ориентировалось на нормы языка, установленные словарями и учебниками для носителей языка в его британском или американском вариантах. Грамматические и речевые отклонения от норм, широко встречающиеся в англоязычной речи носителей китайского языка, считались ошибками. Исключениями не считались те выражения, которые появляются в результате интерференции родного китайского языка. К ошибкам относили не только нарушения языковых правил, но и социокультурных норм, предписанных в традиционно англоязычных обществах. Из-за масштаба и яркого проявления китайского языкового мышления такие специфические явления представителей китайского лингвокультурного сообщества получили название «Chinese English» или «Chinglish». Всем известным примером Chinglish является фраза «*People mountain, people sea*». Культура и система ценностей носителя английского языка являлись конечной целью его изучения для китайских обучающихся.

Приведем еще примеры:

3) *Good good study, day day up* (искаженное 'Study hard to make progress everyday' — Учитесь усердно, чтобы добиваться прогресса каждый день).

4) *I have no words to you* (искаженное 'I don't want to talk to you' — Я не хочу разговаривать с тобой).

5) *You ask me, me ask who?* (искаженное 'You ask me, whom should I ask?' — Ты спрашиваешь меня, а я кого спрашиваю?).

6) *You have seed. I will give you some color to see see* (искаженное 'If you have the guts, I will give you some color to see' — Смотри, я тебе покажу!).

7) *We two who and who?* (Мы же не чужие).

8) *Know is know, noknow is noknow* (букв.: Если вы это знаете, вы это знаете; если вы этого не знаете, вы этого не знаете).

9) *No three no four.* (Ни рыба, ни мясо).

10) *As far as you go to die.* (Пошел вон!).

11) *Chickens that did not have sexual experience* (цыпленок).

12) *Dragon born dragon, chicken born chicken, mouse's son can make hole!* (Яблоко от яблони недалеко падает)⁷.

Очевидно, приведенные примеры имеют сходство с пиджином, разница лишь в фонетическом и орфографическом аспектах.

Однако такое отношение стало изменяться вслед за стремительным ростом экономики страны, углублением национальной идентификации и в результате проводимой культурной политики. Вопреки всеобщему энтузиазму к изучению английского языка патриотически настроенные представители ученого сообщества начали высказывать недовольство. Их общая точка зрения заключается в том, что язык представляет собой суверенитет и имидж государства, опасность потери которых может вызвать отказ от статуса родного языка в пользу чужого языка⁸. На этом фоне остро встает вопрос по поводу нормы английского языка и его употребления в Китае и за его пределами. Все больше ученых и педагогов начали пересматривать явления *Chinese English* и отдавать голоса за его защиту, называя многие китайские выражения, высказанные по-английски, «*China English*».

Понятие «*China English*» впервые было выдвинуто китайским переводчиком Гэ Чуаньгуем (葛传槿) в 1980 г. Он в своей практике перевода сталкивался со множеством понятий китайской жизни, непереводаемых на английский язык, и предложил их переводить дословно или в транслитерации, обосновав это тем, что в реальном общении такие китайские слова могут становиться понятными после объяснений и постепенно становиться нормальными английскими словами китайского происхождения. Например, *Four books* (Сышу, Четверокнижие), *Five classics* (Пятикнижие), *imperial competitive examination* (кэцзюй, отбор кадров путем государственных экзаменов), *eight-legged essay* (багуэнь, восьмичленное сочинение), *Imperial Academy* (Академия Ханьлинь), *baihua wen* (байхуа, китайский разговорный язык), *May Fourth Movement* (Движение 4 мая) [Гэ Чуаньгуй, 1980].

По мере усиления влияния китайской экономики и «мягкой силы» на международную жизнь в XXI веке, проявления *China*

⁷ 那些年我们说过的中式英语 Most often spoken Chinglish. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yX3M1aCNPcQ> (Дата обращения: 10.06.2024).

⁸ Пэн Цзэжунь. «英汉双语教学»跟“国家汉语战略”矛盾 – 跟著名语言学家、南开大学博士生导师马庆株教授访谈 [Противоречие между «англо-китайским двуязычным обучением» и «Национальной стратегией китайского языка» — Интервью у известного лингвиста, научного руководителя докторантуры, профессора Ма Цинчжу Нанькайского университета]. URL: <http://www.yywzw.com/jt/zerun/zerun050408b.htm> (дата обращения 10.06.2024).

English постоянно встречаются и выходят на новый уровень употребления, закрепляясь в печатных источниках и СМИ, в том числе и зарубежных⁹. Помимо бытовых слов, обозначающих китайские реалии, таких как *erhu* (эрху, китайская скрипка на двух струнах), *kang* (кан, печка-лежанка из кирпича и глины), *steamed stuffed bun* (баоцзы, паровые пирожки), появились выражения из политической жизни Китая: *Li-anghu* (*two sessions, two meetings*, Всекитайское собрание народных представителей и Народный политический консультативный совет Китая, ВСНП и НПКСК), *Three Represents* (букв.: тройное представительство¹⁰), *one country Belt and Road* (пояс и путь), *one country, two systems* (одна страна — две системы¹¹); выражения для обозначения особенностей китайских культурных традиций и общества: *fengshui* (фэншуй), *guanxi* (отношения, связи), *tea house* (чайная), *hukou system* (прописка), *official profiteering* (бюрократическая спекуляция), *commercial housing* (коммерческое жилье), *first tier cities* (города первого уровня, самые развитые и крупные города Китая), *lose face* (потерять лицо, опозориться), *give face* (уважать чувство кого-л., оказать честь кому-л.), *PK* (соревноваться), *diours* (неудачник), *Foulsball* (китайский футбол), *freedamn* (freedom + damn, свобода), *Chinsumer* (Chinese + consumer, китайский потребитель).

Очевидно, что следы китайского языка в China English — лишь в виде легкого акцента, не как в Chinese English.

Хотя до сих пор пока нет четкого различия между понятиями Chinese English и China English, исследователи склонны рассматривать их как составляющие китайского варианта английского языка, отражающие в значительной степени тенденцию распространения английского языка в мире. Особенности China English являются моделью культурной адаптации, если принимать во внимание то, что китайцы с помощью английского языка больше контактируют с жителями восточноазиатских стран [Kirkpatrick, Xu, 2002]. Полному описанию и анализу китайского варианта английского языка посвящена монография Сюй Чжичана «Chinese English: Features and

⁹ Луговская О. Межвидовое скрещивание: что есть такое китайский английский язык? 06.10.2016. URL: <https://www.englishforcing.ru/stati/mezhvidovoe-skreshhivanie-cto-est-takoe-kitajskij-anglijskij-yazyk/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ Лозунг, выдвинутый бывшим председателем КНР Цзян Цзэмином в 2000 г. и обозначающий идеологическую концепцию: 1) КПК представляет требования развития передовых производительных сил китайского общества; 2) КПК представляет самые прогрессивные тенденции китайской культуры; 3) КПК представляет самые коренные интересы китайского народа.

¹¹ Идея, предложенная в начале 1980-х Дэн Сяопином, в соответствии с которой существовал бы только один Китай, но при этом Гонконг, Макао и Тайвань имели бы их собственные экономические и политические системы.

implications» [Xu, 2010]. К тому же сегодня намечается тенденция делать стилистическое разделение между China English и Chinese English. Российская исследовательница З.Г. Прошина, вслед за Б. Качру [Kachru, 1983], рассматривает China English, Chinese English и Chinglish как три продолжающихся составляющих континуума China's English, которым носители китайского языка пользуются для выражения своей лингвокультурной идентичности в международном общении. China English — акролект, т.е. формальное употребление варианта образованными пользователями (дикторы, журналисты, дипломаты и т.п.), а Chinese English — мезолект, использование языка образованными пользователями в неформальной ситуации общения или под психологическим напряжением, когда теряется контроль над речью [Прошина, 2023: 179–181].

На сегодняшний день China English, в отличие от Chinese English и Chinglish, в большей степени получает признание китайского научного сообщества. Ряд китайских исследователей активно выступают за легитимность China English, предлагая нативизацию преподавания английского в Китае [Ши Гэншань, Чжан Шанлянь, 2006; Шэн Хойчжун, Юань Ифэн, 2013; Ло Суцин, 2014; Дун Цзин, 2015, Ли Шаохуа, Ли Баофан, Ян Шэнлань, 2020].

Поддержка China English приходит не без идеологических соображений. Исходя из нового запроса на преподавание английского языка в качестве средства пропаганды и формирования имиджа страны на международном уровне, самовыражения китайским народом своих национальных идей, ценностей, защитники китайской культуры видят опасность вестернизации китайского общества под влиянием английского языка как средства «мягкой силы». Ученые предлагают китайской молодежи учиться английскому в том виде, в котором он освобождается от социокультурных ценностей англосаксонских обществ. Педагоги выступают за смелое употребление China English. Так, профессор Шанхайского университета иностранных языков Мэй Дэмин (梅德明) сказал: «Воспитание специалистов по иностранным языкам — это не подготовка людей к тому, чтобы они свободно владели иностранными языками и были полностью вестернизированы по ценностям, образу мышления и жизни. Скорее, речь идет о воспитании людей, обладающих международным видением, но еще с глубоким чувством к своей семье и стране»¹². Крылатым выражением стала фраза «Выучить иностранные языки,

¹² 学语言怎样最有效? 上外教教授梅德明谈语言思维培养 [Как эффективнее обучаться языкам? Профессор Шанхайского университета иностранных языков Мэй Дэмин рассказывает о формировании языкового мышления]. URL: https://www.sohu.com/a/123360272_484992 (дата обращения 10.06.2024).

чтобы быть хорошим китайцем», принадлежащая известному ученому Лу Гусуню¹³.

Вместе с тем китайские исследователи высказывают бесперспективность и ненужность изучения английского языка до уровня его носителей, призывая к разработке новой концепции преподавания английского языка как регионального, китайского варианта английского. Предлагается новая политика преподавания в соответствии с новым запросом на презентацию имиджа Китая и его культурных ценностей в мире. Высказываются критические мнения по поводу использования британского и американского стандартов английского языка в учебном процессе. Сомнениям подвергается, например, вопрос о возможности постановки стандартной фонетики по британской модели RP с лингвистической и лингвopsихологической точки зрения на обучение языку.

Также скептически относятся преподаватели и к коммуникативному методу преподавания. Главные доводы оппонентов этого метода заключаются в том, что, во-первых, ориентированное на нормативный по британской модели английский язык преподавание не может по-настоящему исходить из действительных интересов и нужд обучающихся, как бы настойчиво ни выступали сторонники этого метода, потому что реальная действительность и потребности учащихся сильно расходятся с ситуацией речи носителей языка; во-вторых, межкультурная коммуникация, к которой стремится коммуникативное изучение английского языка, на самом деле предполагает колониальную дискурсивную систему, которая диктует правила языкового поведения и не считается с социалингвистическими реалиями других стран [Phillipson, 1992].

Во избежание противоречий между культурами учащихся и носителей языка, с одной стороны, и ради сохранения коммуникативной функции языка, с другой, китайские ученые предлагают «социальный метод», ориентированный на действительное взаимодействие обучающихся и обучающихся, воссозданное на основе правил речевого поведения, принятых в Китае. Цель обучения заключается в том, чтобы обучающиеся могли овладеть английским языком, не потеряв свою национальную идентичность. Для осуществления этой цели, согласно мнению Ли Шаохуа и других исследователей, нужно выполнить следующие задачи: выработать учебные материалы, соответствующие условиям реальной жизни обучающихся

¹³ 陆谷孙：学好外国语，做好中国人 [Лу Гусунь：выучить иностранные языки, притом оставаться быть достойным китайцем] // 光明日报 Гуанмин жибао. 29.12.2016. URL: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2016-12/29/nw.D110000gmrb_20161229_3-06.htm (дата обращения 10.06.2024).

и основанные на их исторической культуре; выработать более эффективную эндонормативную модель преподавания языка с учетом особенностей его освоения в китайскоязычном лингвокультурном пространстве; выработать систему оценок с упором на способности самовыражения и коммуникативную компетенцию обучающихся в бытовом общении по правилам своего этнолингвистического коллектива [Ли Шаохуа, Ли Баофан, Ян Шэнлань, 2020]. При этом вполне возможна другая крайность — поведение китайских коммуникантов может идти вразрез с поведенческими и речевыми нормами других этносов/культур, что в свою очередь приведет к созданию напряжения в МКК.

Заключение

Таким образом, в дискуссии о вопросе преподавания английского языка раздается четкая идеологическая установка: подготовить равноправных участников процесса международного общения, сохраняющих свою этнокультурную идентичность и способных внести вклад в многоликую мировую культуру. Именно в этом китайские ученые видят настоящий смысл продвижения China English.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликова Л.Г. Варианты английского языка // Власть. 2015. № 11. С. 138–142.
2. Бондаренко Л.П. Восприятие слога-ритмической структуры английских слов носителями восточных языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Том 4. № 2. С. 77–85.
3. Гэ Чуаньгуй. Мань тань ю хань и ин вэнь ти [Свободная дискуссия по вопросу перевода с китайского на английский] // Чжун го фань и. 1980. № 2. С. 1–8. (На кит. яз.)
4. Завьялова В.Л. Интерференция звуковых систем английского и восточных языков // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012. № 2. С. 94–101.
5. Иванкова Т.А. Английский язык в Китае: региональные особенности. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета. 2009.
6. Иванкова Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка: на материале письменных текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток. 2007.
7. Ли Вэньчжун. Чжун го ин юй хэ Чжун го ши ин юй [Китайский английский и Чинглиш] // Вай юй цзяо сюе юй янь цзю [Преподавание и исследование иностранных языков]. 1993. № 4. С. 18–24. (На кит. яз.)
8. Ли Шаохуа, Ли Баофан, Ян Шэнлань. Ши цзэ ин юй юй цзин ся дэ чжун го ин юй цзяо сюэ бэнь ту хуа янь цзю [Исследование локализации преподавания китайского английского языка в контексте мирового английского языка]. Пекин, 2020. (На кит. яз.)

9. *Линь Цююнь*. Цзо вэй вай юй дэ ин юй бьянь ти: Чжун го ин юй [Вариант английского языка как иностранного: китайский английский] // Вай юй юй вай юй цзяо сюе [Иностранные языки и их преподавание]. 1998. № 8. С. 15–16. (На кит. яз.)

10. *Ло Суцинь*. Цун «Чжун го ин юй» фань сы во го гао сяо ин юй цзяо сюе [Размышления о преподавании английского языка в вузах моей страны с точки зрения «China English»] // Цзяо юй цзяо сюе лунь тань [Форум образования и преподавания]. 2014. № 26. С. 279–280. (На кит. яз.)

11. *Митчелл П.Дж., Зарубин А.Н.* Чинглиш — культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. 2013. № 1 (9).

12. *Прошина З.Г.* Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.

13. *Прошина З.Г.* Язык и его варианты — реальность или виртуальность? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. № 3. С. 108–113. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-3-108-113

14. *Прошина З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории = Word Englishes paradigm. М.: Флинта: Наука, 2017.

15. *Прошина З.Г.* EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 83–100.

16. *Прошина З.Г.* Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Владивосток. 2002.

17. *Прошина З.Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001.

18. *Прошина З.Г., Ривлина А.А.* Mock Russian English: шутивно-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 18–30.

19. *Тун Цзин*. Чюань цю юй цзин ся чжун го ин юй бэнь ту хуа цзяо сюе янь цзю [Исследование локализованного преподавания английского языка в Китае в глобальном контексте]. Шэньян, 2015. (На кит. яз.)

20. *Ху Вэньчжун*. Синь чжун го лю ши нянь вай юй цзяо юй дэ чэн цзю юй цюе ши [Достижения и потери в обучении иностранным языкам в Новом Китае за 60 лет] // Вай юй цзяо сюе юй янь цзю [Преподавание и исследование иностранных языков]. 2009. № 3. С. 163–169. (На кит. яз.)

21. *Ху Вэньчжун*. Во го вай юй цзяо юй гуй хуа дэ дэ юй ши [Достижения и потери в планировании обучения иностранным языкам в моей стране] // Вай юй цзяо сзе юй янь цзю [Преподавание и исследование иностранных языков]. 2001. № 4. С. 245–251. (На кит. яз.)

22. *Чжоу Чжэнхэ*. Чжун го ян цзин бан ин юй дэ синь ши [Формы китайского пиджина-инглиша] // Фу дань сюе бао [Вестник Фуданьского университета]. 2012. № 5. С. 1–19. (На кит. яз.)

23. *Ши Гэншань, Чжан Шанлянь*. Чжун го ин юй бэн ту хуа цзяо сюе дэ сань гэ ши цзяо [Три точки зрения на локализованное преподавание английского

языка в Китае] // Чжун го ин юй цзяо юй [Преподавание английского языка в Китае]. 2006. № 3. С. 1–6. (На кит. яз.)

24. Шэн Хойчжун, Юань Ифэн. Чжун го ин юй цзяо сюе юй янь цзяо дэ синь гоу цзя: гань чжи, ши цзянь юй фань ши [Новая структура обучения и исследования английского языка в Китае: познание, практика и парадигма] // Вай юй цзяо сюе ли лунь юй ши цзянь [Теория и практика преподавание иностранных языков]. 2013. № 2(1). С. 1–7. (На кит. яз.)

25. Щенникова Н.В. Этносоциокультурные факторы специфики англоязычной речи носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 108–115.

26. Bolton K. Chinese Englishes. A Sociolinguistic History. New York: Cambridge University Press, 2003.

27. Coates A. A Macao Narrative. Hong Kong: Heineman. 1978.

28. Jackson N.D. The First British Trade Expedition to China. Captain Weddell and the Courteen Fleet in Asia and Late Ming Canton. Hong Kong: Hong Kong University Press. 2022.

29. Kachru B.B. The Other Tongue: English across Cultures. Urbana and Chicago: University of Illinois Press. 1992.

30. Kachru B.B. Models for non-native Englishes // Readings in English as an International Language / Ed. by L. Smith. Oxford: Pergamon Press. 1983. Pp. 69–86.

31. Kirkpatrick A. A which model of English: native-speaker, native or lingua franca // *English in the world: global rules, global rules*. London: Continuum, 2006. Pp. 71–83.

32. Kirkpatrick A., Xu Z. Chinese pragmatic norms and 'China English' // *World English*. 2002. Vol. 21. № 2. Pp. 269–279.

33. Phillipson R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press. 1992.

34. Proshina Z.G. China's English: What's in the name // *English Today*. 2023. Vol. 39. № 3. Pp. 178–181.

35. Russian English: History, Functions, and Features / Proshina Z.G., Eddy A.A. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

36. Xu Zhichang. Chinese English: Features and implications. Hong Kong: Open University of Hong Kong Press, 2010.

Yu Jie

HISTORY OF TEACHING ENGLISH IN CHINA: THE PATH FROM CHINESE ENGLISH TO CHINA ENGLISH

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yuj1@my.msu.ru

Abstract. The article aims to review briefly the sociolinguistic history of the language contact between Chinese languages and English, presents an overview of basic English language education in the Chinese education system during different periods of Chinese history. The study traces the emergence and development of English as a variety in China, in the form of China English, Chinese English, and Chinglish. This study could be of important scholarly significance for World Englishes researchers in the context of considering the English speech of native Chinese speakers. Attention is paid to English education in the country, focused

on the rules of the functioning of this language as a native language for representatives of the Anglo-Saxon culture, and to the situation in which, from the middle of the last century, an exonomative model of language teaching was formed in the PRC and has been actively operating until recently. The paper highlights the increased attention of researchers to the issues of revising the policy of foreign language education in the PRC, which is explained by the ideological need that dictates the attempts of Chinese scholars to secure for China English the status of one of the varieties of World Englishes.

Keywords: penetration of English into China; Pidgin English; Chinese English; Chinglish; China English, the organized English language teaching in China, endonormative and exonormative models of teaching foreign languages; ideology, China's English education policy.

For citation: Yu Jie (2025). History of teaching English in China: the path from Chinese English to China English. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 111–129. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-8 (In Russ.)

About the author: Yu Jie — PhD in History, Assistant Professor, Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; yuj1@my.msu.ru; ORCID: 0000-0001-6685-3063

REFERENCES

1. Belikova L.G. 2015. Varianty anliiskogo yazyka [Versions of English language]. *Vlast'*, no 11, pp. 138–142. (In Russ.)
2. Bondarenko L.P. 2006. Vospriyatiye slogo-ritmicheskoy struktury angliyskikh slov nosteleymi vostochnykh yazykov [Perception of the syllabic-rhythmic structure of English words by native speakers of Eastern languages]. *Bulletin of NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 4, no. 2, pp. 77–85. (In Russ.)
3. Ge Chuangui. 1980. Man tan you han yi ying wenti [A casual talk on the problem of translating from Chinese to English]. *Chinese Translators Journal*, no. 2, pp. 1–8. (In Chinese)
4. Zavyalova. V.L. 2012. Interferentsiya zvukovykh sistem angliyskogo i vostochnykh yazykov [Sound Systems Interference of English and Oriental Languages]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov-Seriya Lingvistika-Russian Journal of Linguistics*, no. 2, pp. 94–101. (In Russ.)
5. Ivankova T.A. 2009. *Angliyskiy yazyk v Kitaye: regionalnyye osobennosti* [English language in China: regional features]. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. (In Russ.)
6. Ivankova T.A. 2007. *Leksicheskiye i grammaticheskiye osobennosti kitayskoy regionalnoy raznovidnosti angliyskogo yazyka: na materiale pismennykh tekstov* [Lexical and grammatical features of the Chinese regional variety of English: based on written texts: abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Vladivostok. (In Russ.)
7. Li Wenzhong. 1993. Zhongguo yingyu he zhongguo shi yingyu [China English and Chinglish]. *Foreign Language Teaching and Research*, no. 4, pp. 18–24. (In Chinese)

8. Li Shaohua, Li Baofang, Yang Shenglan. 2020. *Shijie yingyu yujing xia de zhongguo yingyu jiaoxue bentu hua yanjiu* [A study on the localization of English teaching in China in the context of World Englishes]. Beijing: China Renmin University Press. (In Chinese)
9. Lin Qiuyun. 1998. Zuo wei waiyu de yingyu bianti [Varieties of English as a Foreign Language: China English]. *Foreign Languages and Their Teaching*, no. 8, pp. 15–16. (In Chinese)
10. Luo Suqin. 2014. Cong “zhongguo yingyu” fansi wo guo gaoxiao yingyu jiaoxue [Reflections on English teaching in Chinese universities from the perspective of “China English”]. *Education and Teaching Forum*, no. 26, pp. 279–280. (In Chinese)
11. Mitchell P.Dzh., Zarubin A.N. 2013. Chinglish — kul'turnyj fenomen [Chinglish is a cultural phenomenon]. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history*, no. 1(9). (In Russ.)
12. Proshina Z.G. 2022. Lingvokontaktologiya: sovremennyye problemy i perspektivy [Contact Linguistics: Current Challenges and Perspectives]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 73–88. (In Russ.)
13. Proshina Z.G. 2021. Yazyk I ego variant — realnost ili virtualnost? [Language and its varieties – reality or virtuality?] *Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 18, no. 3, pp. 108–113. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-3-108-113 (In Russ.)
14. Proshina Z.G. 2017. *Kontaktnaja Variantologija anglijskogo jazyka: Problemy teorii. Word Englishes paradigm* [Contact variantology of English language. Problems of the theory. World Englishes paradigm]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)
15. Proshina Z.G. 2016. EIL or EFL? Izmeneniye bukvy ili Novaya kontseptsiya yazykovogo obrazovaniya? [EIL or EFL? Change of the letter or a new conception of language education?] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 83–100. (In Russ.)
16. Proshina Z.G. 2002. *Angliyskiy yazyk kak posrednik v kommunikatsii narodov Vostochnoy Azii i Rossii* [English as a mediator in communication between the peoples of East Asia and Russia: abstract of dissertation for the Ph.D. in Philology]. Vladivostok. (In Russ.)
17. Proshina Z.G. 2001. *Angliyskiy yazyk i kultura Vostochnoy Azii* [The English Language and Culture of the East-Asian Nations], Vladivostok: Far Eastern University Publishing House. (In Russ.)
18. Proshina Z.G., Rivlina A.A. 2018. Mock Russian English: shutlivo-parodiy-noye ispolzovaniye russkogo varianta angliyskogo yazyka v stranakh vnutrennego kruga [Mock Russian English: joking and burlesque use of Russian English in the Inner Circle]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 18–30. (In Russ.)
19. Tong Jing. 2015. *Quan qiu yujing xia zhongguo yingyu bentuhua jiaoxue yanjiu* [Research on the localization of English teaching in China in the global context]. Shenyang, Northeastern University Press. (In Chinese)
20. Hu Wenzhong. 2009. Xin zhongguo liu shi nian waiyu jiaoyu de chengjiu yu qushi [The achievements and shortcomings of foreign language education in the past sixty years of New China]. *Foreign Language Teaching and Research*, no. 3, pp. 163–169. (In Chinese)
21. Hu Wenzhong. 2001. Wo guo waiyu jiaoyu guihua de de yu shi [The Gains and Losses of Foreign Language Education Planning in my country]. *Foreign Language Teaching and Research*, no. 4, pp. 245–251. (In Chinese)

22. Zhou Zhenhe. 2013. Zhongguo yangjingbang yingyu de xingshi [The Creation of Chinese Pidgin English], *Fudan Xue Bao* [Fudan Journal], no. 5, pp. 1–19. (In Chinese)
23. Shi Gengshan, Zhang Shanglian. 2006. Zhongguo yingyu bentu hua jiaoxue de san ge shijiao [The Nativization of Teaching English in China: Three Perspectives]. *English Education in China*, no. 3, pp. 1–6. (In Chinese)
24. Shen Huizhong, Yuan Yifeng. 2013. Zhongguo yingyu jiaoxue yu yanjiu de xin goujia [Reframing research and Teaching of English in China: Perception, Practice and Paradigm]. *Foreign language Learning Theory and Practice*, no. 2(1), pp. 1–7. (In Chinese)
25. Shchennikova. N.V. 2013. Jetnosotsokul'turnye faktory specifiki anglojazychnoj rechi nositelej russkogo jazyka [Ethnosocial and cultural factors of the specificity of the English-language speech of Russians]. *Journal of Psycholinguistics*, no. 1 (17), pp. 108–115. (In Russ.)
26. Bolton K. 2003. *Chinese Englishes. A Sociolinguistic History*. New York: Cambridge University Press.
27. Coates A. 1978. *A Macao Narrative*. Hong Kong: Heineman.
28. Jackson N.D. 2022. *The First British Trade Expedition to China: Captain Weddell and the Courteen Fleet in Asia and Late Ming Canton*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
29. Kachru B.B. 1992. *The Other Tongue: English across Cultures*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
30. Kachru B.B. 1983. *Models for non-native Englishes*. In L. Smith (ed.). *Readings in English as an International Language* Oxford: Pergamon Press, pp. 69–86.
31. Kirkpatrick A. 2006. A which model of English: native-speaker, native or lingua franca. *English in the world: global rules, global rules*. London: Continuum, pp. 71–83.
32. Kirkpatrick A., Xu Z. 2002. Chinese pragmatic norms and 'China English'. *World English*, no. 21(2), pp. 269–279.
33. Phillipson R. 1992. *Linguistic Imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
34. Proshina Z.G. 2023. China's English: What's in the name. *English Today*, no. 39 (3), pp. 178–181.
35. Proshina Z.G., Eddy A.A. (eds.). 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. Xu Z. 2010. *Chinese English: Features and implications*. Hong Kong: Open University of Hong Kong Press.

Статья поступила в редакцию 03.01.2024;
 одобрена после рецензирования 19.11.2024;
 принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 03.01.2024;
 approved after reviewing 19.11.2024;
 accepted for publication 25.12.2024

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

М.М. Раевская, И.В. Селиванова

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ТРАНСЛЯЦИИ ОБРАЗОВ СТРАНЫ/ГОСУДАРСТВА И НАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; mraevskaya@gmail.com

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; iselivanova@hse.ru

Аннотация. В статье изучаются способы и средства конструирования образа страны/государства и нации в публичных выступлениях современного испанского монарха Филиппа VI, рассматриваемых как разновидность *дискурса власти*. Исследование проведено с учетом теоретических разработок В.З. Демьянкова, С.Т. Золяна, А.П. Чудинова, посвященных политическому дискурсу, теории идеологием Н.И. Клушиной и Е.Г. Малышевой, теории речевых актов Дж.Л. Остина и таксономии иллокутивных намерений Дж. Серля и Д. Вандервеке. Изучение практического материала, охватывающего период с 2014 по 2024 г., позволило систематизировать представления об идеологемах и метафорах как способах трансляции образов страны/государства и нации, задействованных в определенном, соотнесенном с коммуникативным намерением оратора, контексте. В статье представлена семантическая классификация идеологием, играющих первостепенную роль в конструировании образа страны/государства и нации; рассмотрены идеологемы *национальной, социальной и наднациональной политической идентичности*; определены сферы-источники метафор, связанных с образами страны/государства и нации; выявлен преимущественный выбор *декларативных и директивных* высказываний, представляющих собой иллокутивный каркас при трансляции образа страны/государства и нации; определены языковые средства, способствующие коммуникативному смягчению директива в дискурсе испанского монарха.

Раевская Марина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com

Селиванова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков НИУ «Высшая школа экономики»; iselivanova@hse.ru

© Раевская М.М., Селиванова И.В., 2025

Ключевые слова: дискурс власти, испанская монархия, идеологемы государственности, метафорический образ страны, декларативный речевой акт, директивный речевой акт

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9

Для цитирования: Раевская М.М., Селиванова И.В. Способы и средства трансляции образов страны/государства и нации в институциональном дискурсе современной испанской монархии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9

Конструирование образа страны/государства и нации в рамках статусно-ориентированного политического дискурса представляет особый интерес для социологов, лингвистов, политологов, философов и психологов (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, В.Н. Брюшинкин, П.К. Гречко, М.М. Раевская, И.В. Селиванова и др.). В современных условиях, когда критически важной для любой системы власти становится коммуникация, играющая ключевую роль как средство вовлечения субъектов в единую стабильно функционирующую общественную систему, дискурс монарха, представляющий собой особое пространство в рамках дискурса власти рационально-легального типа [Раевская, 2021: 96], является ярким примером использования языка в политической функции, «посредством которой осуществляется приспособление мира к словам», а сам язык «выступает в форме “речь-как-действие”» [Золян, 2018: 171].

Институциональный дискурс испанской монархии является неотъемлемой частью социально-политических отношений современного испанского общества и выполняет первоочередную функцию по его объединению и регулированию социального взаимодействия граждан согласно политическому курсу, утвержденному и проводимому правящей элитой Испании, а также руководством Евросоюза [Ventero Velasco, 2010; García-Ramos, 2016; Раевская, 2021; Раевская, Селиванова, 2020; Раевская, Селиванова, 2021, 2023]. При этом используемые в публичных выступлениях короля уже в течение десяти лет (2014–2024 гг.) вербальные формулы и предикаты идентичности обнаруживают сущностные характеристики, в связи с чем представляется интересным рассмотрение способов и средств трансляции ключевых образов — страны/государства и нации — в публичных выступлениях короля Испании Филиппа VI в период с 2014 по 2024 г. как целостного системного объекта исследования.

В научной литературе *образ страны* является наиболее общей категорией, охватывающей весь объем представлений о стране — от

философского анализа до прикладных исследований, и представляет собой знаковую модель, опосредующую «представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Семененко, 2008: 9]. В этой связи в рамках лингвопрагматического подхода представляется целесообразным рассмотреть прежде всего идеологемы, которые являются оптимальным средством утверждения доминирующего мировоззрения и основой для формирования аксиологических категорий. В данной статье вслед за Н.И. Клушиной под идеологемой понимается лексическая единица, с помощью которой формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума и создается «общее идеологическое пространство», формирующее социальную идентичность [Клушина, 2014: 55–57]. При этом содержательная специфика и аксиологический модус идеологем определяются прежде всего особенностями существующего общественно-политического порядка, политическими взглядами и мировоззрением участников коммуникации, а также геополитической и экономической обстановкой в мире [Гусейнов, 2004; Малышева, 2009].

Феномен речевого воздействия статусно-ориентированной институциональной коммуникации соотносится с предложенным В.З. Демьянковым понятием «действенности» политического дискурса, предназначение которого состоит в том, чтобы внушить реципиенту необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков, 2012: 104]. В связи с этим речевое воздействие подразумевает рассмотрение дискурса монарха с учетом теории речевых актов (Дж.Л. Остин, Дж. Серль и Д. Вандервекен, К. Бюлер, Р. Якобсон и др.), фокусирующей внимание на предложениях как минимальных единицах общения, соотнесенных с определенными функциями языка (согласно их названиям функций в теории Р.О. Якобсона): экспрессии («сосредоточенной на адресате»), апелляции («ориентирующей на адресата») и репрезентации («сообщение о действительности») [Бюлер, 2000].

Целью настоящего исследования является систематизация сущностных признаков идеологем и метафор как языковых средств трансляции образов страны/государства и нации в публичной институциональной коммуникации Филиппа VI в проекции на таксономию базисных типов иллокутивных актов Дж. Серля — *репрезентативов, директивов, экспрессивов, комиссивов и декларативов* — с учетом цели их произнесения [Серль, Вандервекен, 1986].

На основании вышеприведенных теоретических положений идеологемы в публичных речах Филиппа VI можно рассматривать как ресурс речевого воздействия, преимущественно используемый с целью внедрения в коллективное сознание определенных политически выверенных идеалов, ценностей и социальных значений. Базовым для конструирования последних является осознание идентичности, которая в современной реальности подразделяется на *наднациональную, национальную/этническую, социальную и политическую*. Семантическим ядром идеологемы выступает идеологически нагруженная обобщающая лексема, обладающая сильным воздействующим потенциалом. При этом вместе с ней в более широкой смысловой структуре в качестве вариативной части встречаются глаголы, обеспечивающие прагматический контекст и отвечающие за целеполагание или констатацию фактов/идей.

Анализ фактического материала показал, что трансляция непосредственно сопряженных образов страны/государства и нации чаще всего реализуется в рамках декларативных и директивных речевых актов, последний из которых, будучи по своей сути императивом, выступает при помощи языковых средств коммуникативного смягчения (то есть митигации) в своей косвенной форме. При этом во всех приведенных далее примерах обращает на себя внимание преимущественное использование оратором манипулятивного дейксиса *мы* — *страна/государство/нация* как средства стратегии обобщения, активно задействованного в коммуникативной практике любого государственного лидера. Данный прием совместно с использованием глаголов в настоящем времени в рамках формально декларативного речевого акта позволяет монарху реализовать директивную по своей сути интенцию.

С точки зрения семантики образ страны/государства и общества создается при помощи (а) **идеологем, отражающих основы государственности** (*Estado del Bienestar, Estado de Derecho, Estado Social de Derecho, Estado de Derecho pleno y moderno, Estado democrático*); (б) **идеологем, формирующих положительный образ нации** (*gran nación, gran pueblo, gran país, gran historia, socio leal y fiable, socio leal y responsable, sociedad libre y democrática, sociedad madura, sociedad vital, sociedad civil, sociedad tolerante, sociedad responsable, sociedad solidaria, país extraordinario*) и (в) **идеологем, описывающих качества национального характера** (*generosidad, valentía, coraje, decisión, determinación, entereza, sentido del deber, humanidad, espíritu de superación, esfuerzo, entrega, sacrificio, abnegación, trabajo al servicio del*

bien común, ejemplaridad, profesionalidad, profesionales extraordinarios, solidaridad, responsabilidad), играющих первостепенную роль в конструировании национальной идентичности.

Презентация Испании как социального правового демократического государства в обязательном порядке присутствует во всех ориентированных на широкую национальную аудиторию выступлениях и имеет особое значение в последние годы после каталонского кризиса 2017 г.:

...*desde hace décadas vivimos en un Estado democrático...* (03.10.2017);

...*España es un Estado de Derecho pleno y moderno* (19.11.2020).

В структуру данных идеологем в качестве вариативных элементов входят глаголы семантики *существования* (*ser, emerger, vivir*), формирующие декларативные речевые акты, а также глаголы со значением *обеспечения и гарантии* (*asegurar, garantizar, consolidar*), *достижения* (*conseguir, lograr*), *уважения* (*respetar*) и *сохранения* (*preservar*), участвующие в том числе и в косвенных директивных высказываниях.

Идея *величия нации* (*gran país, gran pueblo, gran nación, gran historia, gran triunfo, país extraordinario*) является ключевой для повышения коллективной самооценки в периоды социально-экономической и политической нестабильности и логично представлена в рамках декларативов, связанных соответственно со значением бытийности и выражением эмоционального состояния (гордости и восхищения). В данном случае предикаты идентичности, формирующие ассоциативный ряд исторического образа нации, традиционны:

Porque la historia de la España que juntos hemos construido es la historia de un gran triunfo de todos los españoles (24.12.2017);

Somos una de las grandes naciones del mundo, con muchos siglos de historia... (24.12.2022).

Историческая событийная повестка также дает возможность для утверждения положительного образа страны в общественном сознании: Филипп VI использует празднование пятисотлетия кругосветного плавания экспедиции Магеллана (8 сентября 2022 г.) чтобы еще раз подчеркнуть роль Испании во Всемирной истории, поскольку данный образ (*España en la vanguardia de la Modernidad*) является знаковым для национальной идентификации и сплочения не только глубинного общества, но и современного испанского полиэтнического социума:

España se situó a la vanguardia de la modernidad... La vocación histórica de España ha sido siempre la de tender puentes, primero entre el Norte y el Sur, más tarde entre Oriente y Occidente, y desde 1522, entre los dos hemisferios (08.09.2022).

Вышеобозначенные интенции оратора реализуются при помощи форм настоящего и одного из прошедших времен индикатива (Presente, Pretérito perfecto de indicativo) в целях констатации сообщаемого как имеющего место или уже свершившегося факта.

Основу социальной идентичности формируют моральные и этические образы, составляющие этос общенациональной духовной культуры как программы бытия всего социума независимо от его этнических составляющих. С помощью идеологем — *responsabilidad* («ответственность»), *generosidad* («благородство», «щедрость»), *valentía, coraje* («смелость», «храбрость»), *entereza* («стойкость»), *espíritu de superación* («стремление продвигаться вперед») — транслируются качества личности, присущие социальному характеру современного полиэтнического гражданского общества Испании:

Mi esperanza en nuestro futuro se basa en mi fe en la sociedad española; una sociedad madura y vital, responsable y solidaria... (19.06.2014);

El pueblo español, que ha dado ejemplo de madurez, sensatez y responsabilidad a lo largo de las últimas décadas... (17.11.2016);

No somos un pueblo que se rinda o que se resigne en los malos tiempos (24.12.2020).

Выстраивание и утверждение социальной идентичности логично начало превалировать в период пандемии (с 2019 г.) и продолжается в настоящее время, когда речь идет о тех же самых лексемах-дескрипторах:

Sois una muestra brillante de lo mejor de la sociedad española: de su creatividad, su capacidad para innovar, su generosidad, su voluntad de trabajo, su determinación, y su vocación inclusiva (27.09.2022).

При этом следует отметить, что помимо традиционных референций к таким высшим духовным качествам, как мужество (*valentía*), щедрость (*generosidad*), самоотверженность/жертвенность (*esfuerzo, sacrificio*) и милосердие (*misericordia*), в последние два года в публичном дискурсе Филиппа VI превалируют номинации таких приобретших остросоциальное звучание морально-этических ценностей, как личный пример (*ejemplaridad*), гражданственность (*civismo*), зрелость (*madurez*), выдержка (*resistencia*), социальные обязательства (*compromiso con los demás*), сила духа (*fuerza moral*), решимость (*la determinación frente a la adversidad*), уверенность в пре-

одолении (*el espíritu de superación*), подающиеся в контексте ассертивной модальности. Начиная с 2020 г. в связи с вызванным пандемией коронавируса глобальным социально-экономическим кризисом в речах внутренней адресации особо подчеркиваются идеи *жертвенности* (*sacrificio*) и *самоотверженного труда* испанцев (*esfuerzo, empuje, responsabilidad, entrega, abnegación, trabajo al servicio del bien común, profesionales extraordinarios*):

Hoy reconocemos conductas llenas de entrega a los demás sin reservas — aun poniendo en riesgo la propia vida—; llenas de solidaridad, de valentía, de ejemplaridad y de generosidad... (16.07.2020).

Интересно, что в самых значимых с точки зрения общественного резонанса выступлениях короля (коронационная речь, рождественские послания) при представлении образов страны/государства и нации явно обращает на себя внимание тенденция к усилению торжественной риторики, когда в рамках декларативной интенции используется трех- и четырехчастный повтор глаголов с семантикой знания (*saber, conocer*), веры (*creer*), восхищения (*querer, admirar*) и чувственного восприятия (*ver, escuchar, sentir*) в настоящем времени:

Una gran nación, Señorías, en la que creo, a la que quiero y a la que admiro... (19.06.2014);

Con confianza en nuestro país, en una España que conozco bien, valiente y abierta al mundo: la España que busca la serenidad, la paz, la tranquilidad; la España responsable, creativa, vital y solidaria. Esa España es la que veo, la que escucho, la que siento... (24.12.2020).

В целях утверждения политической идентичности в настоящее время приобретает особую значимость идеологема *толерантность*, которая представляет собой один из «самых эффективных видов информационно-идеологического оружия» [Селиванова, 2022], используемых с целью влияния на массовое сознание, поскольку предстает в качестве ненасильственного способа разрешения/предотвращения конфликтов, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций. В этой связи данная идея (*sociedad tolerante, sociedad plural, sociedad con vocación inclusiva*) выступает в речах короля основополагающим принципом существования современного полиэтнического испанского социума:

España [...] refleja la imagen consolidada de una sociedad plural, tolerante y solidaria... (05.02.2020);

España es un país decididamente comprometido con la libertad, la igualdad, la justicia y el pluralismo, la tolerancia y el diálogo... (18.10.2022).

Презентация Испании как верного и надежного мирового и европейского партнера также является политическим лейтмотивом выступлений монарха перед национальной аудиторией и мировым сообществом (*socio responsable, socio fiable, socio leal, socio comprometido*) и преимущественно подается в рамках декларативной стратегии.

Кроме того, следует принимать во внимание, что в современном стремительно меняющемся мире в выступлениях государственных лидеров «навязывается» определенное видение идентичности, проявляющейся в разных формах, включая личностную, социальную, политическую и др. [Сорина, Гуров, 2022: 40]. Самым показательным с точки зрения политической ангажированности является заказ на формирование *наднациональной (европейской) идентичности*, который ярко обозначен в публичном дискурсе испанского монарха. При этом *наднациональная европейская идентичность* должна быть логично встроена в сложившийся за последние сорок лет уже привычный для испанского менталитета каркас, представленный *национальной и региональной* (по преимуществу) формами. Одновременно предполагается, что данные типы самоосознания — два традиционных и новый европейский — должны быть не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Для этой цели используются знакомые всем формулы или же создаются новые. С точки зрения новых образов и идей, связанных с общеевропейским политическим курсом, в институциональном дискурсе Филиппа VI, особенно с конца 2022 года, самой показательной является очень удачная формула двойной *европейской и ибероамериканской идентичности*:

España seguirá participando en la construcción de ese futuro. Desde su doble identidad europea e iberoamericana (25.10.2022);

Junto a su identidad europea, España se enorgullece de su alma iberoamericana (03.11.2022).

Данные красиво и политически безупречно сформулированные фразы являются квинтэссенцией институционального дискурса Филиппа VI, который уже давно представляет желаемую и необходимую европейскому руководству политическую — *европейскую* идею, но, можно сказать, впервые позиционирует ее как *идентичность* испанского социума (к которой необходимо «приучать»), и напрямую соотносит ее тоже с политической, однако гораздо более близкой, имеющей более крепкие и глубокие исторические корни, — *ибероамериканской*:

España tiene el orgullo de presentarse ante la comunidad internacional como un país con tres almas: europea, mediterránea e iberoamericana. Estas tres almas han inspirado nuestra historia forjando nuestra identidad como país (10.01.2023).

Данная идеологическая позиция логично встроена в декларативный и директивный коммуникативный контекст и подана сквозь призму национальной гордости как самого беспритязательного приема завоевания общественного признания и отклика.

Для продвижения определенных идей, которые должны быть восприняты и усвоены как объективная реальность на безальтернативной основе, наряду со ставшим привычным атрибутивным дескриптором *europeo*, в образной рамке страны появился предикат *europeísta*, подчеркивающий *проевропейский* политический курс Испании:

Nuestra Presidencia... ofrecerá a España la oportunidad de mostrar lo que es: [...] una sociedad dinámica, plural, tolerante y un país profundamente europeísta ... (10.01.2023).

Таким образом, формирующие образ страны/государства и нации идеологемы в публичных речах монарха всегда имеют *положительный аксиологический модус* и отличаются высоким потенциалом речевого воздействия. С точки зрения прагматического контекста их использование в рамках декларативов сопровождается глаголами в настоящем и прошедших временах с семантикой *бытийности/существования* (*ser, emerger, vivir*), *знания/мнения/чувственного восприятия* (*saber, conocer, escuchar, ver, sentir, creer*), *эмоции* (*querer, admirar*) и сопряжено с констатацией фактов (описанием достижений страны и положительных качеств нации) с целью повышения коллективной самооценки и закрепления в общественном сознании представлений о своей исторической роли и новой триединой идентичности.

Помимо идеологем, при трансляции образов страны/государства и нации в публичном дискурсе Филиппа VI также задействованы метафоры с исходными сферами-источниками ВОЙНА, ДОМ, ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, входящими в традиционный понятийный набор «метафорической экспансии» в политической коммуникации [Будавев, Чудинов, 2020: 106].

Образ страны как *дома* сопряжен исключительно с идеей строительства и передается через метафорическую модель «СТРОИТЕЛЬСТВО ИСПАНИИ — это СТРОИТЕЛЬСТВО ОБЩЕГО/ЕВРОПЕЙСКОГО ДОМА» [Раевская, Селиванова, 2023], которая реализуется в косвенно директивных (в контексте будущего време-

ни) и декларативных (в контексте прошедших и настоящего времен) речевых актах в рамках тактик призыва и констатации (согласно терминологии Г.В. Сориной и Ф.Н. Гурова речь идет о так называемом «принуждении» к европейской идентичности):

*Sigamos, pues, trabajando unidos para **construir una España, y una Europa, más fuertes, más inclusivas y prósperas** para las generaciones futuras...* (23.05.2024).

В рамках сферы-источника ВОЙНА в речах внутренней и внешней адресации активно используется метафорическая модель «ИСПАНИЯ — это СОЮЗНИК», а также подчеркивается авангардная позиция государства:

*Gracias a vuestro esfuerzo diario, **nuestro país es reconocido como un socio leal, fiable y responsable con los compromisos adquiridos...*** (06.01.2017);

***España se encuentra en la vanguardia** en lo relativo a proyección exterior y a participación en operaciones militares y misiones civiles* (05.02.2020).

Антропоморфная метафора со сферой-источником ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА, преимущественно представленная моделью «ИСПАНИЯ — это СЕРДЦЕ», выступает еще одним ресурсом языковой выразительности для трансляции образа страны в политической коммуникации Филиппа VI:

*Hace 40 años, el **corazón** democrático de España **acompañó su latido con el corazón de Europa...*** (27.04.2017).

В последние годы (2023–2024 гг.) в речах короля обращает на себя внимание прием олицетворения образа страны, реализующийся посредством атрибутов позитивной эмоциональной семантики в контексте настоящего времени в рамках облигаторной (директивный речевой акт) и эпистемологической (декларативный речевой акт) модальности, участвующих в создании метафорического антропоморфного образа страны:

Una España serena, ilusionada, confiada en su futuro (29.11.2023);

*Así podremos cumplir mejor con la obligación de la que hablé...: la de garantizar a las jóvenes generaciones el legado de una España unida, cohesionada ... el legado de **una España respetada, de una Nación querida** ...* (24.12.2023).

Как уже отмечалось выше, тексты, приуроченные к историческим событиям, подчеркивающим роль Испании во Всемирной истории, отмечены в дискурсе монарха особой, повышенной образностью и постоянными привязками к современному политическому курсу. Примером может послужить метафора «ИСПАНИЯ — ЭТО

КОРАБЛЬ», удачно транслирующая образ страны в рамках косвенного директива, который реализован при помощи глагола пожелания *querer*:

Nuestra nave, empujada hoy por los vientos de la democracia quiere seguir cruzando los mares trazando una estela con nombre de futuro y esperanza ... (08.09.2022).

Проведенное исследование показывает, что в публичном дискурсе испанского монарха идеологемы представляют собой основной концептуальный и идеологический ресурс трансляции образов страны/государства и нации, помимо метафор и олицетворений, входящих в традиционный набор используемых в этих целях средств. Их закономерно преимущественное употребление в контексте декларативных и косвенных директивных высказываний связано с экспликацией целеполагания, констатации или утверждения сообщаемого как факта бытия.

Их содержательная специфика и оценочные смыслы определяются прежде всего особенностями существующего общественно-политического порядка, а также геополитическим и экономическим курсом Евросоюза. При этом особую значимость в текущем социально-политическом контексте играют идеологемы с положительным аксиологическим модусом, формирующие положительный образ нации с целью повышения коллективной самооценки, а также идеологемы наднациональной политической идентичности, используемые в декларативных и косвенных директивных речевых актах.

В структуре идеологем в качестве вариативной части ожидаемо выступают глаголы семантики обеспечения и гарантии (*asegurar, garantizar, consolidar*), строительства (*construir, fortalecer, forjar*), уважения (*respetar*), сохранения (*preservar*), достижения (*conseguir, lograr*), соблюдения/следования (*seguir*), бытийности/существования (*ser, emerger, vivir*), знания (*saber, conocer*), веры (*creer*), восхищения (*querer, admirar*) и чувственного восприятия (*ver, escuchar, sentir*), обеспечивающие традиционный прагматический контекст констатации (декларатив) и целеполагания (директив) в публичном дискурсе государственного лидера.

Прилагательные, используемые в рамках декларативного и директивного речевых актов при трансляции образа страны/государства и нации, можно подразделить на две группы: *описательные* (характеризирующие основы государственности) и *оценочные* (формирующие ценностное основание для сохранения исторической памяти и фиксации современного образа нации). При этом идеоло-

гемы национальной идентичности, сопряженные с историческим образом Испании, всегда включают атрибуты параметрической семантики (*grande, extraordinario*), а идеологемы наднациональной политической идентичности — атрибуты ценностной (*leal, responsable, solidario, tolerante* и др.) и релятивной (*uropeo, europeísta*) семантики, необходимые для закрепления в общественном сознании требуемой политической ориентации и определенного аксиологического модуля. Таким образом, в рамках идеологем образ современной Испании имеет по преимуществу денотативную природу и обычно получает характеризацию за счет традиционных атрибутов относительной и ценностной семантики, в то время как исторический образ государства всегда метафоричен и нетривиален. Прием олицетворения, участвующий с 2023 г. в создании метафорического антропоморфного образа страны, задействует более широкую семантическую линейку качественных признаков положительной эмоциональной семантики и также используется как максимально эффективный способ смыслопроизводства.

Рассмотрение декларативных и директивных (косвенных) речевых актов, в рамках которых в публичных выступлениях испанского короля транслируются образы страны/государства и нации, позволяет констатировать, что они представляют собой иллюкативный каркас исследуемого типа дискурса власти и полностью соответствуют коммуникативному заданию оратора. При этом в реализации декларатива преимущественно участвуют глаголы с семантикой бытийности (*ser, vivir*), знания (*saber, conocer*), веры (*creer*), восхищения (*querer, admirar*) и чувственного восприятия (*ver, escuchar, sentir*).

Директивный акт в дискурсе монарха представлен в косвенной форме, которую эксплицируют конструкции облигаторной (*deber/necesitar/es necesario + infinitivo*) или пожелательной модальности (*desear/querer + infinitivo*), а также глаголы с семантикой строительства (*construir, fortalecer, forjar*), обеспечения и гарантии (*asegurar, garantizar, consolidar*), уважения (*respetar*), сохранения (*preservar*), достижения (*conseguir, lograr*), соблюдения/следования (*seguir*), чье использование в настоящем времени (*construimos*) в рамках декларатива можно также считать квазисинонимичной формой императива. Еще одним языковым средством, способствующим коммуникативному смягчению директива в дискурсе испанского монарха, является использование глаголов в форме будущего времени, которое позволительно расценивать как косвенную декларативно-директивную форму предъявления задач обществу (*será, seguiremos*

construyendo). Кроме того, директивная интенция в дискурсе монарха поддержана при помощи манипулятивного дейксиса *мы — страна/государство/нация*, выступающего эффективным митигативным средством коммуникативной практики любого государственного лидера.

Репрезентативный речевой акт, обычно реализующийся в виде сообщения, выражения мнения и прогнозирования, при трансляции образов страны/государства и нации в дискурсе испанского монарха практически не представлен.

Проведенное исследование средств и способов трансляции образов страны/государства и нации в проекции на иллокутивные интенции (декларативную и директивную) оратора, имеющего статус монарха, позволяет констатировать, что идеологемы и выступающие их вариативной частью глаголы имеют вполне определенную семантику, которая согласуется с государственной задачей адресанта, а метафорические модели совместно с олицетворениями могут быть сведены к традиционному набору содержательных форм, задействованных в политическом дискурсе государственного лидера. При этом грамматические формы языковых средств, используемых в директивных речевых актах в дискурсе монарха, полностью подчинены задаче по снижению демонстрации им властных полномочий и соблюдению правил демократической коммуникации, вследствие чего директив предстает в своей косвенной форме и часто реализуется через декларативные акты при помощи различных средств митигации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2000.
2. Загряжская Т.Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 106–123.
3. Золян С.Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / отв. ред. В.В. Фещенко. М., 2018. С. 156–173.
4. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
5. Раевская М.М. Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 95–108.
6. Раевская М.М., Селиванова И.В. Институциональный дискурс современной испанской монархии: стратегии и тактики воздействия в публичных

выступлениях Филиппа VI // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 810–830.

7. Раевская М.М., Селиванова И.В. Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 57–64.

8. Раевская М.М., Селиванова И.В. Метафорическое моделирование действительности в публичном дискурсе испанского монарха Филиппа VI // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 131–144.

9. Селиванова И.В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 20 (3). С. 51–63.

10. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 7–18.

11. Серль Дж.Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 242–263.

12. Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Принуждение к идентичности. Как это возможно? // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 3. С. 39–48.

13. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Современная российская метафорология (2011–2020 гг.) // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 2. С. 103–113.

Marina M. Raevskaya, Irina V. Selivanova

NATIONAL IMAGE AND IDENTITY IN THE INSTITUTIONAL DISCOURSE OF THE MODERN SPANISH MONARCHY

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mraevskaya@gmail.com
Higher School of Economics, Moscow, Russia; iselivanova@hse.ru*

Abstract. The paper analyzes the ways and means of constructing the country and national image in the public speeches of the Spanish King Felipe VI, which represent an example of the discourse of power. The study was carried out taking into account the theoretical developments of V. Demyankov, S. Zolyan, A. Chudinov, N. Klushina, E. Malysheva, J. Austin, J. Searle and D. Vanderveken and is based on the discourse analysis of the speeches from 2014 to 2024. Its main aim is to systematize ideas about ideologemes and metaphors as linguistic means of translating national identity in relation to the communicative intention of the speaker. It was revealed that *ideologemes* play a decisive role while constructing the image of Spain as a country and a nation. The authors also described the most productive metaphor sphere-sources needed to create this image. Moreover, it was concluded that in the discourse of the modern Spanish monarch the image of Spain is mainly transmitted by *declarative* and *directive* statements.

Keywords: discourse of power, Spanish monarchy, national identity, country image, declarative speech act, directive speech act

For citation: Raevskaya M.M., Selivanova I.V. (2025). National Image and Identity in the Institutional Discourse of the Modern Spanish Monarchy. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 130–145. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-9 (In Russ.)

About the authors:

Marina M. Raevskaya — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, mraevskaya@gmail.com

Irinia V. Selivanova — PhD in Philology, Associate Professor, School of Foreign languages, HSE University, iselivanova@hse.ru.

REFERENCES

1. Buhler K. 2000. *Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka*. [Theory of language: The representational function of language]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2024. Aspekty kul'turnoj identichnosti francuzov skvoz' prizmu jazyka (na primere leksem PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE) [Aspects of French identity through the prism of language (using the example of the evolution of the lexemes Pays-Paysages-Terroirs-Villages)]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 106–123. (In Russ.)
3. Zolyan S.T. 2018. O jazyke v politicheskoy funkcii [About language in political function]. In: Feshchenko V.V., ed. *The images of language and twists of discourse*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., pp. 156–173. (In Russ.)
4. Klushina N.I. 2014. Teorija ideologem [The theory of ideologeme]. *Political linguistics*, no. 4 (50), pp. 54–58. (In Russ.)
5. Rayevskaya M.M. 2021. Diskurs vlasti v sovremennom mire: social'no-orientirovannaja kommunikacija ispanskoj monarhii [The discourse of power in the modern world: socially oriented communication of the Spanish monarchy]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 4, pp. 95–108. (In Russ.)
6. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2021. Institucional'nyj diskurs sovremennoj ispanskoj monarhii: strategii i taktiki vozdejstviya v publichnyh vystuplenijah Filippa VI [Institutional discourse of the modern Spanish monarchy: communicative strategies and tactics in Felipe VI's speeches]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 18, no. 4, pp. 810–830. (In Russ.)
7. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2020. Pragmaticseskij potencial metafory v publichnom vystuplenii (na materiale rozhdestvenskih rechej ispanskogo monarha Huana Karlosa I) [The pragmatic potential of metaphor in public speech]. *Bulletin of MSU. Series 19. Linguistics and cross-cultural communication*, no. 4, pp. 57–64. (In Russ.)
8. Raevskaya M.M., Selivanova I.V. 2023. Metaforicheskoe modelirovanie dejstvitel'nosti v publichnom diskurse ispanskogo monarha Filippa VI [Metaphorical

Modeling of Reality in Public Discourse of the Spanish Monarch Felipe VI]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 21, no. 1, pp. 131–144. (In Russ.)

9. Selivanova I.V. 2022. Ideologemy kak resurs rechevogo vozdejstviya v publichnom diskurse ispanskoj monarhii [Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 20, no. 3, pp. 51–63. (In Russ.)

10. Semenenko I.S. 2008. Obrazy i imidzhi v diskurse nacional'noj identichnosti [Depictions and images in the discourse of national identity]. *Polis. Political studies*, no. 5, pp. 7–18. (In Russ.)

11. Searle J., Vanderveken D. 1986. Osnovnye ponjatija ischisleniya rechevyh aktov [Basic notions of a calculus of speech acts]. In: *New in linguistics*, vol. 18. Moscow, Progress Publ., pp. 242–263. (In Russ.)

12. Sorina G.V., Gurov Ph.N. 2022. Prinuzhdenie k identichnosti. Kak jeto vozmozhno? [Forcing to identity. How is it possible?]. *Proceedings of VSU. Series: Philosophy*, no. 3, pp. 39–48. (In Russ.)

13. Chudinov A.P., Budaev E.V. 2020. Sovremennaja rossijskaja metaforologija (2011–2020 gg.) [Contemporary Russian Political Metaphorology (2011–2020)]. *Philological Class*, vol. 25 (2), pp. 103–113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.09.2024;
одобрена после рецензирования 04.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.09.2024;
approved after reviewing 04.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

Д.А. Шевлякова

ПРОКСЕМИЧЕСКИЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ИТАЛИИ В СПИСКЕ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЮНЕСКО

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; scevliakova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению этноспецифических характеристик культурных ландшафтов Италии, представленных для номинации в Список Всемирного наследия человечества ЮНЕСКО, как репрезентантов национальной культурной идентичности и как символов проксемического коммуникативного кода в международной культурной дипломатии. Автор рассматривает эволюцию понятия «культурный ландшафт» в научном дискурсе и документах ЮНЕСКО, а также классификации культурных ландшафтов, разработанные российскими учеными Ф.Н. Мильковым, Ю.А. Ведениным и В.Н. Калущковым. Опираясь на этнолого-географический подход, автор выдвигает гипотезу о том, что номинированные Италией культурные ландшафты могут служить символическими топосами национальной культуры, транслирующими концепты национальной идентичности посредством проксемического коммуникативного кода. Автор анализирует описания ландшафтов, классифицирует их по типологии Н.Ф. Милькова и выделяет два основных топоса национальной культуры: горно-морской и горные пейзажи. Исследование показывает, что преобразующий метод взаимодействия с природой является ведущим для итальянского национального сообщества, а ассоциативность и наличие знаков-символов национального культурного кода определяют значимость ландшафтов в мировом культурном контексте. Статья вносит вклад в понимание роли культурных ландшафтов в формировании и трансляции национальной идентичности.

Шевлякова Дарья Александровна — доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; scevliakova@mail.ru

© Шевлякова Д.А., 2025

Ключевые слова: культурный ландшафт, Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, проксемический коммуникативный код, топос национальной культуры, национальная идентичность, Италия, культурная дипломатия

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-10

Для цитирования: Шевлякова Д.А. Проксемический коммуникативный код в представлении культурных ландшафтов Италии в Списке Всемирного наследия человечества ЮНЕСКО // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 146–157. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-10

Понятие культурного ландшафта как в научном обороте, так и в дискурсе сохранения культурного наследия появилось сравнительно недавно, в начале 1990-х гг., когда культурный ландшафт был выделен Руководящими указаниями ЮНЕСКО в отдельную категорию, определяемую как «совместное произведение человека и природы»¹. До 1992 г. культурные ландшафты относились к культурному наследию в рамках Списка Всемирного наследия человечества, затем пришло понимание, что культурные ландшафты — это многокомпонентные формы, в которых не только человек обуславливает природу, но и природа через климат, рельеф, флору и фауну влияет на деятельность человека.

В Руководящих указаниях Юнеско выделяются три вида культурных ландшафтов: созданные по проекту, естественно сформированные и ассоциативные². Под ассоциативными ландшафтами понимают территории, которые вызывают сильные религиозные, культурные и художественные ассоциации; в частности, известный российский географ Ю.А. Веденин выделяет четыре типа ассоциативного ландшафта: мемориальный культурный ландшафт, связанный с историческими событиями (например, Бородино); мемориальный культурный ландшафт, связанный с жизнью великих людей (например, усадьба Ясная Поляна); ландшафт, нашедший отражение в творчестве выдающихся деятелей искусства (Мещера К.Г. Паустовского); сакральные ландшафты (Соловецкий монастырь) [Веденин, 2000: 35–36].

В российский научный оборот термин «культурный ландшафт» ввели представители направления «культурная география»:

¹ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. 2008 Annex 3. UNESCO. WHC. 08/01. P. 85–92. URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения 16.08.2024).

² Ibid.

Ф.Н. Мильков, Ю.А. Веденин, В.Н. Калущков, А.А. Шишкина. Географ-ландшафтовед Ф.Н. Мильков справедливо относит культурный ландшафт к антропогенным, то есть созданным человеком: «Культурные ландшафты — антропогенные комплексы, постоянно поддерживаемые в состоянии, оптимальном для выполнения возложенных на них хозяйственных, эстетических и других функций. Их бонитет, ценность, как правило, выше, чем у тех природных ландшафтов, на месте которых они возникли» [Мильков, 1973: 43]. Ф.Н. Мильков разработал также и наиболее подробную классификацию антропогенных ландшафтов, структурированную по различным параметрам, из которых для данной статьи релевантными будут следующие:

1) по содержанию (сельскохозяйственные, лесные, водные, промышленные, селитебные);

2) по глубине воздействия человека на природу (неоландшафты, измененные или преобразованные);

3) по целенаправленности их возникновения (прямые, сопутствующие) [Мильков, 1973: 52].

Профессор Московского университета В.Н. Калущков дает следующее определение термина: «Культурный ландшафт — некая местность, которая в течение длительного исторического периода была местом обитания определенной группы людей, являющихся носителями специфических культурных ценностей, наложивших отпечаток на ландшафты» [Калущков, 2020: 94], смещая смысловую ось понятия в сторону, скорее, этнологического-географического подхода. Именно этнология вкупе с географией дают возможность автору статьи выдвинуть гипотезу, что культурные ландшафты Италии, представленные Итальянской Республикой для номинации в Список Всемирного наследия человечества, могут репрезентировать некоторые концепты национальной культурной идентичности на мировой арене. При этом будут позиционироваться не просто знаковые, а символические в рельефном, климатическом и пейзажном аспектах топонимы Италии, «говорить» будет географическое пространство, следовательно, мы попадаем в измерение проксемического коммуникативного кода.

Несмотря на то что понятие проксемического коммуникативного кода изначально сформировалось в рамках межкультурной коммуникации и обозначало корреляцию расстояний между реальными, физическими участниками коммуникативного акта или события, в дальнейшем понятийное поле термина было расширено.

Российский лингвист Г.Г. Молчанова интерпретирует термин «проксемика» следующим образом: «Проксемика в широком смысле — наука о том, как пространство формирует судьбу и менталитет тех, кто его населяет, о том, как пространство и ландшафт влияют на человеческое восприятие и коммуникацию» [Молчанова, 2013: 60]. Следовательно, целью статьи будет выявление этноспецифических характеристик культурных ландшафтов Италии, выступающих как символы проксемического коммуникативного кода в сфере международной культурной дипломатии. Задачи статьи:

1) выявить релевантные компоненты в описании культурных ландшафтов Италии в информационной справке объектов, включенных в Список Всемирного наследия в 1997–2019 гг. (источник — аннотации ландшафтов на официальном электронном ресурсе организации ЮНЕСКО «Культурные ландшафты в Списке Всемирного наследия»³;

2) на основании классификации Н.Ф. Милькова выделить типы ландшафтов, которые настолько полно представляют этноспецифику культурно-географического пространства Италии в коллективных представлениях итальянского национального сообщества, что именно их выбрали для позиционирования аттрактивного образа страны в международном сообществе, превратив их таким образом в знаки-символы проксемического коммуникативного кода.

Первый по времени включения в Список Всемирного наследия культурный пейзаж (1997 г.) — Амальфитанское побережье, расположенное на юго-западе Италии, на Тирренском море, представляет собой, согласно информационной справке ЮНЕСКО, «одно из самых живописных побережий страны и мира, объединяющее двенадцать курортных городов от г. Сорренто до г. Салерно»⁴. Однако подлинной причиной включения именно этого побережья в культурное достояние всего человечества являются интенсивные культурно-исторические ассоциации: Амальфитанское побережье начиная с XIX в. манило к себе мировую творческую элиту, представители которой не только приезжали сюда за вдохновением, но и запечатлевали в живописных, литературных, музыкальных и кинематографических произведениях красоты амальфитанской земли: С. Щедрин, И. Тургенев (г. Сорренто); П. Пикассо, И. Стравинский, Дж. Стейнбек, Ф. Дзеффирелли (г. Позитано); Р. Вагнер, Э. Григ,

³ Cultural landscape. UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/culturallandscape> (дата обращения 16.08.2024).

⁴ Ibid.

У. Тернер, Д.Г. Лоуренс, Т. Уильямс (г. Равелло). Таким образом, мы имеем дело с ассоциативным ландшафтом — территорией, вызывающей сильные художественные и культурные ассоциации. По параметру содержания Амальфитанское побережье представляет селитебный горно-водный ландшафт, по параметру целенаправленности возникновения — сопутствующий (у коллектива создателей не стояла задача создать особый тип ландшафта), по глубине воздействия на природу — преобразованный. Амальфитанское побережье, таким образом, объединяет в себе сразу две разновидности ассоциативного пейзажа (в терминологии Ю.А. Веденина): это и мемориальный культурный ландшафт, связанный с жизнью великих людей, и одновременно ландшафт, «отразившийся в творчестве наиболее значимых деятелей искусства» [Веденин, 2000: 36].

Схожий по рельефу горно-водный культурный ландшафт был включен в Список в том же самом году (1997 г.) — Портовенере, Пятиземелье и острова Пальмария, Тино и Тинетто (северо-запад Италии, побережье Лигурийского моря). Смысловой центр этого побережья составляет Пятиземелье — пять крохотных приморских городков Монтероссо, Вернацца, Корнилья, Манарола и Риомаджоре, выстроенных в период позднего Средневековья на прибрежных скалах. Будучи в прошлом изолированными от внешнего мира (в них можно было попасть только с моря), городки сохранили неизменный облик — естественные фундаменты домов из прибрежных скал, отсутствие дорожного движения, а также традиционные формы хозяйственной деятельности — террасное землепользование на горной местности, рыболовство на море. Перед нами не ассоциативный, а естественно сформированный пейзаж, селитебный горно-водный. По глубине воздействия на природу — преобразованный, по целенаправленности — сопутствующий.

Культурный ландшафт района Чиленто, национальный парк Валло-ди-Диано, археологические памятники Пестума и Веллы (Элии), монастырь Чертоза-ди-Падула (1998 г. включения в Список) является многокомпонентным как по морфологии памятников, так и по представленным историческим эпохам, что соответствует тенденции Всемирной организации ЮНЕСКО по возможности включать не единичные объекты, а архитектурные ансамбли или комплексные территории. Однако именно города Пестум и близлежащая Элия (совр. г. Велла), политический и культурный центр колоний Великой Греции на территории Италии, являются ядром этого тройственного культурного ландшафта, не будь их — ни на-

циональный природный парк Чиленто и Валло-ди-Диано, второй по размерам в Италии, ни самый крупный в Италии и мире картезианский монастырь XIV в. Чертоза-ди-Сан-Лоренцо в Падуле вряд ли бы были включены по отдельности в Список наследия. Античный г. Пестум хранит три прекрасно сохранившихся дорических храма, считающихся одним из немногих сохранившихся образцов древнегреческой архитектуры: Храм Нептуна (530 г. до н.э.), Храм Афины (500 г. до н.э.); Базилика Геры (540 г. до н.э.). Город Элея являлся древним центром Великой Греции — колоний греческих мореплавателей, которые начиная с VIII в. до н.э. осваивали побережья Южной Италии, возводя там города-полисы по образцу материковой Греции. Античные города Великой Греции на Апеннинском полуострове были центрами экономического и культурного обмена между древними итальянскими народами и, позднее, с народами набирающей мощь Римской Империи. И конечно, будучи представителями более развитой цивилизации, греческие колонизаторы «поставляли» более молодым народам культурные образцы: концепции, ценности, религиозные и хозяйственные модели, закладывая таким образом основу для греко-римской культурной модели, которая лежит в основе европейской цивилизации. И несмотря на греческое происхождение и первоначальный этнический состав колонизаторов, именно через материальную коллокацию на итальянской территории с релевантным для национального сообщества горно-морским ландшафтом и происходит соединение греческой и римской культур, слияние их в единое целое. Включение в Список Всемирного наследия культурного ландшафта Пестума и Веллы поэтому так и релевантно для Итальянской Республики: он легитимизирует в коллективных представлениях национального сообщества принцип единого генезиса греческого и римского культурно-исторических типов (в терминологии Н.Я. Данилевского), которые легли в основу европейской цивилизации. В дискурсе сохранения мирового культурного наследия место относится к ассоциативным культурным ландшафтам, по содержанию — к селитебным горно-водным ландшафтам. По глубине воздействия на природу комплексный объект — преобразованный, по целенаправленности — сопутствующий.

Святые горы региона Пьемонта и региона Ломбардии (2003 г. включения в Список) представляют собой систему паломнических путей в Альпах с соответствующим комплексом католических храмов, часовен и молитвенных крестов. Сочетание красивого ланд-

шафта (горы, холмы, озера) и культовых архитектурных сооружений делают место уникальным в своем роде. Согласно типологии памятников ЮНЕСКО, данный ландшафт можно классифицировать как ассоциативный сакральный (связанный с объектами культа католичества), однако он еще и был создан по специальному проекту, что всячески подчеркивается в национальной заявке на номинацию 2003 г.: на рубеже XVI–XVII вв. ввиду затрудненности совершения паломничества в Святую землю, находившуюся под властью Османской Империи, руководство Римской католической церкви приняло прагматичное решение смоделировать аналогичный паломнический маршрут на итальянской земле, выбрав горную систему Альп потому, что там уже проходили стихийно сформировавшиеся паломнические пути из Западной и Центральной Европы в Рим. Однако выбор был обусловлен и культурно-религиозными ассоциациями: традиционно горы символизируют духовное восхождение.

Культурный ландшафт Долина (реки) Орча (2004 г. включения, регион Тоскана) расположен среди живописных холмов в области г. Сьена. Долина являет собой эталон окультуренного, то есть возделанного человеком пейзажа: округлые холмы, покрытые виноградниками, оливковыми рощами, кипарисами, засеянные пшеницей и другими сельскохозяйственными культурами, увенчанные средневековыми крепостями, башнями и старинными сельскими домами. Красота этого пейзажа именно в гармоничном сотрудничестве человека и природы: незаметно, где заканчивается природа и начинается жилище человека, одно перетекает в другое и радует глаз. Экспертная комиссия ЮНЕСКО, однако, выделяет следующую доминанту национальной культурной идентичности: «Эта долина является выдающимся примером того, как пейзаж преобразовывался в эпоху Возрождения, отражая идеал «хорошего правления», типичный для итальянских городов-государств. Эти замечательные ландшафты были запечатлены художниками сиенской школы, наивысший расцвет которой пришелся на XIII–XV века»⁵. То есть, Всемирная организация не только соглашается с одной из доминант культурной идентичности нации — «выдающаяся склонность итальянцев к искусству», — но делает ее определяющим параметром для включения в состав Всемирного наследия человечества, при этом позиционируется именно искусство Возрождения, несмотря

⁵ Cultural landscape. UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/en/culturallandscape> (дата обращения 16.08.2024).

на то, что культивировать эти холмы стали еще этруски начиная с VIII в. до н.э., и несмотря на то, что культурный ландшафт и в настоящее время обладает выраженной хозяйственной ценностью. Таким образом, это третья разновидность ассоциативного ландшафта, если следовать типологии Ю.А. Веденина, — «ландшафты, отразившиеся в творчестве наиболее значимых деятелей искусства» [Веденин, 2000: 36]. Долина реки Орча представляет собой сельскохозяйственный, естественно сформированный, измененный культурный ландшафт.

Комплексный объект «Виллы и сады Медичи в Тоскане» (2013 г. включения в Список) является созданным по проекту, как и Святые горы Пьемонта и Ломбардии, и, что более важно, — единственным мемориальным ассоциативным ландшафтом, напрямую связанным с жизнью великих людей, среди культурных ландшафтов Италии. Все двенадцать вилл и два сада, расположенные в регионе Тоскана, должны свидетельствовать о культурно-историческом влиянии флорентийского рода Медичи XV–XVII вв., которые представили все остальной Европе инновационную систему комплекса вилл-сад, созданного в гармонии с природой. На сайте культурных ландшафтов ЮНЕСКО подчеркивается именно влияние созданного Медичи образца для всей последующей Европейской культуры: «Виллы Медичи, впервые объединившие в себе назначение жилого дома, сады и окружающую природу, долгое время считались эталоном аристократических резиденций в Италии и Европе»⁶. В содержательном плане это — селитебный ландшафт, по глубине воздействия на природу — неоландшафт.

Следующий по году включения культурный ландшафт (2014 г.) — пейзажи Ланге, Рокко и Монферрато — винодельческие области региона Пьемонта, представляют собой горные склоны и холмы, расчерченные геометрическими рядами виноградников. Виноградники создают особую игру рельефа, которая демонстрирует потенциальному зрителю, насколько пьемонтский ландшафт глубоко связан с исторической для этих мест культурой виноделия, плодом которого являются прославленные вина «Бароло», «Барбареско», «Барбера д'Асти» и «Асти Спуманте». Примечательно, что в свете исторического соперничества Италии и Франции на предмет культурного влияния на весь мир, итальянские чиновники с территориальной винной номинацией «догадались» и успели первыми —

⁶ Ibid.

французские винодельческие области Шампани (2015 г.) и Бургундии (2015 г.) попали в Список Всемирного наследия лишь год спустя, явно в пикку Италии. Культурный ландшафт является горным, созданным по проекту преобразованным.

Однако незримое соперничество Италии и Франции в сфере производства культурных образцов продолжилось, и с большим временным отрывом, в 2019 г. итальянским чиновникам удалось убедить ЮНЕСКО, что итальянский аналог французского шампанского — игристое белое вино «Просекко» с соответствующим культурным ландшафтом тоже достойно внесения в Список Всемирного наследия. Таким образом, территории винного производства Холмы Просекко в Конельяно и Вальдоббьядене (регион Венето, северо-восток Италии) удостоились места в общечеловеческом культурном достоянии. Местный ландшафт характеризуется горными склонами и крутыми холмами, небольшими виноградниками на узких травянистых террасах, лесами, сельскохозяйственными угодьями и небольшими деревнями. Специфической «мозаичности» рельефа способствовала историческая техника решетчатых виноградников (с XVII в.), преобразивших эстетические характеристики ландшафта. Как и предыдущий объект, культурный ландшафт создан по проекту, сельскохозяйственный, преобразованный.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, хотелось бы выделить следующие положения. Двумя основными топосами национальной культуры (план содержания) и двумя основными символами проксемического коммуникативного кода в дискурсе международной культурной дипломатии (план выражения) являются: 1) горно-морской культурный ландшафт (3 объекта: Амальфитанское побережье, Пятиземелье, Пестум с национальным парком и картезианским монастырем); 2) горный пейзаж (3 наименования: Св. Горы Пьемонта и Ломбардии, Холмы Просекко Венето, Пейзажи Ланге в Пьемонте). Таким образом, в коллективных представлениях нации пространственным архетипом, эмблемой национальной территории является горный ландшафт, но по суггестивности в нем лидирует горно-морской компонент, о чем свидетельствуют национальный приоритет, определяемый временем представления заявки в Список Всемирного наследия: именно горно-морские пейзажи были предложены Итальянской Республикой в «первую волну» включения культурных ландшафтов в мировое наследие (1997–1998 гг.). И мировая общественность, институализированная в организации «ЮНЕСКО», безоговорочно принимает горно-морской ландшафт

как ключевой символ культурного и коммуникативного кода, без промедления включая данные объекты в Список наследия человечества. Сельскохозяйственные ландшафты в чистом виде остаются в меньшинстве, но возделывание агрикультур в том или ином виде присутствует во всех культурных ландшафтах, иногда на периферии культурно-ландшафтной системы (вспомогательное землепользование в городах Амальфитанского побережья и Пятиземелья, виллы Медичи), а когда и в семиотическо-функциональном центре (долина реки д'Орча, Виноградники Ланге и Просекко). В трех последних случаях именно сельское хозяйство трансформирует природный ландшафт в культурный. Ведущим этноспецифическим методом взаимодействия национального сообщества с природой является преобразующий, то есть сохраняющий природную геодинамику местности, в то время как созданные по проекту неоландшафты представлены в меньшинстве (Св. Горы Пьемонта и Ломбардии, Виллы Медичи). Пять из восьми культурных ландшафтов являются в большей или меньшей степени ассоциативными, то есть обладающими семантическими свидетельствами в ландшафте, однако мемориальный принцип формирования культурного ландшафта не является этноспецифическим для Италии: определяющим фактором выступает наличие знаков-символов национального культурного кода, «питающего» мировой культурный код, лидируют пространственные виды искусства (архитектура, живопись, скульптура). В плане этноспецифического хронотопа национальной культуры преобладающим темпоральным культурным и коммуникативным кодами будет являться Позднее Средневековье; исключение сделано для культурного ландшафта Пестума и Веллы, легитимизирующие посредством единой территории единство генезиса греко-римской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веденин Ю.А. Ассоциативные ландшафты России // Лесной вестник. 2000. № 5. С. 35–40.
2. Калуцков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
3. Молчанова Г.Г. Проксемика как фактор национального самосознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 57–71.
4. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. М.: Мысль, 1973.

Daria A. Shevliakova

PROXEMIC COMMUNICATION CODE IN THE REPRESENTATION OF CULTURAL LANDSCAPE OF ITALY IN THE UNESCO WORLD HERITAGE LIST OF HUMANITY

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; scevliakova@mail.ru

Abstract. The article studies ethno-specific characteristics of Italian cultural landscapes nominated for the UNESCO World Heritage List as representatives of national cultural identity and as symbols of the proxemic communicative code in international cultural diplomacy. The author examines the evolution of the concept of “cultural landscape” in scientific discourse and UNESCO documents, as well as the classifications of cultural landscapes developed by Russian scientists F.N. Milkov, Y.A. Vedenin, and V.N. Kalutskov. Based on the ethnological-geographical approach, the author hypothesizes that the cultural landscapes nominated by Italy can serve as symbolic topoi of national culture, transmitting concepts of national identity through the proxemic communicative code. The article contributes to the study of the role of cultural landscapes in the formation and representation of national identity. The author analyzes landscape descriptions, classifies them according to N.F. Milkov's typology, and identifies two main topoi of national culture: mountain-sea and mountain landscapes. The study shows that the transformative method of interaction with nature is leading for the Italian national community, while associativity and the presence of signs-symbols of the national cultural code determine the significance of landscapes in the global cultural context. The article contributes to the understanding of the role of cultural landscapes in the formation and transmission of national identity.

Keywords: cultural landscape, UNESCO World Heritage List, proxemic communicative code, topos of national culture, national identity, Italy, cultural diplomacy

For citation: Shevliakova D.A. (2025). Proxemic communication code in the representation of cultural landscape of Italy in the UNESCO World Heritage List of Humanity. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 146–157. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-10 (In Russ.)

About the author: Daria A. Shevliakova — PhD in Culturology, professor, Head of the Department of Italian, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; scevliakova@mail.ru

REFERENCES

1. Vedenin Ju.A. 2000. Associativnye landschafty Rossii [Associative landscapes of Russia]. *Lesnoj vestnik*, no. 5, pp. 35–40. (In Russ.)
2. Kaluckov V.N. 2020. Konceptualizacija geograficheskogo prostranstva: onomasticheskie aspekty [Conceptualization of geographical space: onomastic

aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.)

3. Molchanova G.G. 2013. Proksemika kak faktor nacional'nogo samosoznaniya [Proxemics as a factor of national self-awareness]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 57–71. (In Russ.)

4. Mil'kov F.N. 1973. Chelovek i landshafty: ocherki antropogennogo landshaftovedeniya. [Man and landscapes: essays on anthropogenic landscape science]. Moscow, Mysl' Publishing. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.09.2024;
одобрена после рецензирования 03.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 29.09.2024;
approved after reviewing 03.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

В.П. Махлин, Ю.С. Овчинникова

ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫЕ КОДЫ ВАРГАННОГО ТВОРЧЕСТВА: МОСТ МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; x.robo.robo@gmail.com, julia.barkova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феноменологии варганного творчества в традиционных и современных культурных практиках. Теоретической основой исследования послужили труды в области философии культуры, концепция символа как когнитивной памяти культуры, музыкально-психологическая антропология и компаративный подход к исследованию культур. На основе культурологической модели этномusикальных кодов авторами были выделены, типологизированы и проанализированы интонационные символы варганных практик. Интонационно-звуковой уровень варганного творчества раскрывается через следующие единицы символического поля: обертоновый звукоряд как природный звуковой инвариант; символ опоры; символ духовной вертикали; символ молитвы. На визуально-пластическом уровне варганного творчества выявляются следующие компоненты смыслообразования: символ «внешних голосовых связей» как трансцендирующего голоса; символ звуковой жизни природы; символ круговращения. Особое внимание в исследовании уделяется осмыслению обертонового звукоряда как всеобъемлющей изначальной музыкальной сферы, сконцентрированной в звуке варгана и позволяющей исполнителям вернуться к утраченной целостной связи с культурой и природой. Выявленные интонационные символы позволяют рассматривать варган как «мост» между природой и культурой, а традиционные и современные варганные практики — как формы трансляции и актуализации нематериального культурного наследия народов Евразии.

Ключевые слова: варган, варганное творчество, музыка в культурных практиках, натуральный звукоряд, интонационные символы, варганное движение, философия культуры, натурфилософия, этномusикальные коды

Махлин Валерий Павлович — аспирант кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; x.robo.robo@gmail.com

Овчинникова Юлия Сергеевна — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; julia.barkova@gmail.com

© Овчинникова Ю.С., Махлин В.П., 2025

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Махлин В.П., Овчинникова Ю.С. Этномузыкальные коды варганного творчества: мост между природой и культурой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 158–170. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-11

Сегодня в разных странах — а в России особенно ярко — наблюдается рост интереса к варгану и варганному творчеству. Это проявляется в таких феноменах культуры, как организация всероссийских фестивалей варгана в разных регионах страны (Фестиваль русского варгана имени Владимира Маркова); деятельность государственного Музея и центра хомуса народов мира; организация ежегодных конференций, в частности VII Международного конгресса-фестиваля варганной музыки в Якутске, собравшего в 2011 году около 1300 местных и зарубежных варганистов; включение варгана в региональные программы общего и профессионального музыкального образования (в Республике Башкортостан и в Республике Саха); создание специализированных сайтов, посвященных варгану и варганному сообществу; применение варгана в медицинской и санаторно-курортной практике [Овчинникова, 2021]. Эти явления можно рассматривать как часть новейшей тенденции (условно называемой нами «*варганным движением*») переосмысления роли варгана в современном обществе, как направленное раскрытие культурного потенциала этого инструмента в жизни человека. Эти процессы стали отчетливо проявляться еще во второй половине XX века благодаря усилению этнокультурного фактора в мировой культуре, в результате чего сформировался феномен неотрадиционализма [Неотрадиционализм, 2019] — переосмысления и воссоздания категорий традиционного общества в контексте реалий сегодняшнего дня.

Современные варганные практики не вписываются в рамки определенной субкультуры и не замыкаются на узком круге профессиональных сообществ. Варганное движение — явление более широкого порядка: к инструменту обращаются не только музыканты, но и ученые, археологи, педагоги, врачи и широкий круг людей разных возрастов и профессий, стремящихся к самопознанию, творчеству и саморазвитию. При немалой степени представленности варгана в современной культуре, сам инструмент до сих пор из-

учался фрагментарно, в рамках отдельных дисциплин (археологии, музыкознания, истории и др.). Представляется целесообразным осмыслить феномен варганного творчества сквозь призму философии культуры, используя целостный, интегральный культурологический подход.

Чем обусловлено столь массовое обращение к варгану? А.С. Арсеньев в своих трудах развивает идею о человеке как личности, через которую Природа «начинает осознавать» саму себя и эволюционировать на более глубоких, трансцендентных основаниях: «Человек как разумное существо является всеобщей рефлексией Природы и в этом смысле эквивалентен Природе как целому; он есть Природа, осознающая себя. В этом отношении человек может быть понят как целое, в своей всеобщности эквивалентное всей бесконечной Природе <...>. Сущность человека предстает ему как его собственное бесконечное будущее в качестве универсального существа, всеобщей рефлексии природы» [Арсеньев, 2001: 218–219].

С наступлением кризиса рационального новоевропейского мышления философы не могли не начать задаваться вопросом об отношениях Человеческого и Природного. Каково место человека как существа культурного в том, что существует независимо от человека? Человек — субъект ли Природы, объект ли ее, или же он вообще не имеет к ней никакого отношения с тех самых пор, как он стал существом, живущим вне ее (в противовес всякому иному созданию)? И не является ли культура в таком случае «возделыванием» грез, «сладкой ложью» человеческой сущности в свой же адрес; «ложью», призванной дать имя невыносимой безымянности бытия, дать имя самому Человеку, выделив его из Природы? И цена, уплаченная за это — исключенность человека из природного порядка существования.

Парадигма современного техногенно-потребительского бытия не дает человеку возможностей для стимулирования рефлексии над собой и миром вследствие наличия в ней и верховенства над всеми ее аспектами заведомо редуccionного движения, в конечном итоге приводящего субъектов к отчуждению от самих себя, от связанности с природой, от возможного трансцендентного опыта. Г.Г. Молчанова отмечает такие характеристики современного (родившегося на рубеже XX–XXI веков) поколения, как отсутствие ценностных ориентиров, цинизм, дискретность (фрагментарность мышления), эклектизм (подмена художественного содержания симулякром («продуктом симуляции творчества», по Ж. Бодрийяру), «иллюзи-

ей») [Молчанова, 2021: 11–12]. Другой тенденцией развития современного общества является постепенное отстранение уже от самой культуры — материального и нематериального наследия, которое за всю свою историю успел создать человек. О проблемах отчуждения, технического регулирования человеческой жизни глобальной индустрией и, по сути, потере всякой личностной опоры писали философы XX столетия: М. Хайдеггер [Хайдеггер, 1993], Г. Маркузе [Маркузе, 2003], Х. Ортега-и-Гассет [Ортега-и-Гассет, 2016] и др. У современного человека давно зреет запрос на поиск новых категорий для выстраивания внутренних опор. Многим из тех, кто решил ответить на этот вызов, подспорьем может служить варган.

Многолетние исследования специфики возрождения варгана в регионах России позволили нам сформулировать **гипотезу**, состоящую из двух положений. Во-первых, в варгане заложены изначальные природные инварианты — обертоновый звукоряд, никем из людей не придуманный, объективно и независимо существующий, единый и одинаковый во все времена сгусток исконного природного бытия, который может быть «излит» в виде музыки, восходящей к первичной артикуляции трансцендентного. Во-вторых, по причине своей «простоты» варган «призывает» играющего на нем человека «доставать» изнутри себя свою «личную песню» — манифест и утверждение личности, артикулированные через инструмент как «внешние голосовые связки», иными словами — через голос, дополненный связью с природными инвариантами и обращающий исполнителя лицом к Природе и «к первичному божественному “Ты” через его “Я”» [Арсеньев, 2001: 217]. Варган в силу своего устройства содержит объективный развивающий потенциал, который возможно реализовать в деятельности самопознания и поиска ответов на вызовы современного общества. Игра на варгане в современных культурных практиках становится сродни интонированию и артикуляции первичного религиозного опыта — того истока, с которого начинается всякое подлинное творчество.

Для доказательства гипотезы мы используем интегральный подход: учитывая идею К.Г. Юнга об архетипах культуры [Юнг, 1991], мы опираемся, во-первых, на концепцию символа как когнитивной памяти культуры, в рамках которой Г.Г. Молчанова развивает идею о том, что «главную часть коллективного языкового сознания различных культур составляют системы ценностных ориентаций, которые находят свое отражение в разных слоях культуры» [Молчанова, 2011: 14], и, во-вторых, на категории музыкаль-

но-языковых кодов и символов интонирования, разработанные А.В. Тороповой в рамках музыкально-психологической антропологии [Торопова, 2018]. Важным теоретическим подспорьем нашего исследования выступает компаративный подход к изучению как традиционных культур, так и тех способов их преломления и адаптации к условиям современности, которые намечаются и актуализируются в настоящие дни [Карташева, 2012]. Кроме того, мы используем модель уровней анализа этномузыкальных кодов в современных культурных практиках. Под этномузыкальными кодами мы понимаем элементы интонационно-символической реальности культуры, базирующиеся на основе «категорий первичной (интонационно-звуковой и пластической) символизации и вторичной (графической визуализации интонационных символов)» [Овчинникова, 2022: 412]. Описанный подход дает возможность считывать и анализировать детали варганного творчества на уровне культурфилософии, в частности — преодолевать фрагментарность в его рассмотрении и актуализировать междисциплинарные начала на уровне целостного исследования. Такое рассмотрение феномена современного варганного творчества в России обращает нас к фундаментальному вопросу о связи человека и природы. Ю.С. Овчинникова предлагает исследовать этнокультурно-интонационные коды музыкальных практик по четырем уровням: *интонационно-звуковой, визуально-пластический, визуально-статический, общекультурный уровни* [Овчинникова, 2022: 415–416]. Для проверки гипотезы продуктивным представляется обращение к интонационно-звуковому и визуально-пластическому уровням анализа.

Интонационно-звуковой уровень варганного творчества характеризуется следующими единицами символического поля: обертоновый звукоряд как природный звуковой инвариант; символ опоры; символ духовной вертикали; символ молитвы.

Обертоновый звукоряд как природный звуковой инвариант. В основу символа интонирования на варгане положен натуральный обертоновый звукоряд — природный звуковой инвариант, существующий объективно и являющийся основой целостности любого звука. Наиболее ярко этот символ интонирования разработан в норвежской традиции — в отличие от других, которые в большей степени фокусируются на речевой артикуляции при игре на варгане. Обертоновый звукоряд не только стал интонационным символом, но и приобрел свойство звукоидеала в норвежской на-

родной музыке: в певческих образцах фольклора; при игре на обертоновой флейте сельефлёт (норв. seljefløyte); струнных инструментах лангелейк (норв. langleik) и хардингфеле (норв. hardingfele); на варгане, который в Норвегии называется мунхарпа (норв. munnharpe). Это проявляется в интонировании основных и характерных для обертонового звукоряда интервалов («скачки» между октавами, квинтами, малыми терциями). Обертоновый звукоряд является музыкальной основой традиционной норвежской музыки и бытует в разных регионах страны — в долине Сетесдал, где традиция игры на варгане существует непрерывно, начиная с Высокого средневековья, и в тех областях, где она прерывалась в некоторые периоды истории (регионы Телемарк, Валдрес, Гудбрандсдален).

Символ опоры. Главная особенность обертонового звукоряда может быть понята на основе концепции И.В. Мациевского о контонации [Мациевский, 2011]. Если большинство других звукорядов основаны на интонации (исполнитель «путешествует» от ноты к ноте), то в случае обертонового звукоряда мы имеем дело с контонацией — исполнитель остается «на одном месте», базируясь на основном тоне (в котором и заключен *символ опоры*), и формирует целостную композицию на основе со-звучания и со-зерцания обертонов. Обертоновый звукоряд не ограничивает исполнителя в творчестве; напротив, являясь прочной, вечной базой, данный звукоряд дает широкие возможности для создания композиций. В частности, в норвежской традиционной музыке у каждого исполнителя развивается своя самобытная форма обыгрывания мелодий с обертоновой основой. В современной музыкотерапии эта особенность обертонового звукоряда проявляется в возможности формирования личной опоры у пациентов, как, например, в медитативно-образной варганотерапии [Овчинникова, 2021].

Символ духовной вертикали обнаруживает себя в самом звуке как таковом: любой звук является не единичным колебанием, но сложной всенаправленной колеблющейся системой, в основу которой положен обертоновый звукоряд. Он звучит не партикулярно, но предстает перед слушателем сразу в своей целостности, которая формирует символ духовной вертикали, соединяя основной тон — символ опоры — и обертоны, уходящие в бесконечность за пределы слуха — как ось Мирового Древа, натянутая между небом и землей, в которой исполнитель пребывает бытийно, не поступательно. В звукорядах, сотворенных человеком (напр., натуральный мажор

и минор и происходящие от них лады), существует возможность восхождения «под углом», посредством перехода от одной ступени к другой.

Символ молитвы. Вертикаль и опора в своей сущностной основе связаны с символом молитвы. Согласно Ф.Е. Василюку, феноменологической константой молитвы является трансцендентное; интуиция внемирного, выходящего за пределы чувственного опыта; сам факт присутствия в молитве такой интуиции и есть та ось, вокруг которой вращается молитва [Василюк, 2005: 10–12]. Неслучайно «Олонхо» — осевой текст духовной традиции якутов — традиционно интонировался на варгане. Неслучайно в религиозных практиках (например, в православии [Мартынов, 1997] и индуизме [Лысенко, 2012]) разных народов используется речитация молитвенных текстов на основе монотонного произнесения с небольшими отклонениями, но обязательно без привлечения собственных эмоций. Варган действует в том же «регистре»: он «перекодирует» эмоцию исполнителя из горизонтали в вертикаль — ту самую ось, которая и есть обертоновый звукояд, заложенный в инструменте.

Визуально-пластический уровень варганного творчества содержит следующие компоненты смыслообразования: символ «внешних голосовых связей» как трансцендирующего голоса; символ звуковой жизни природы; символ круговращения.

Символ «внешних голосовых связей» как трансцендирующего голоса. Как сказано у Ф.И. Тютчева в знаменитом стихотворении «Silentium!», «мысль изреченная есть ложь». В мифах разных народов встречается архетип «второго» голоса, который «кует» себе персонаж для того, чтобы освободиться от привязанности к своей речи и голосу и выйти на праречевой уровень, освобожденный от земных страстей и привязанностей. В отличие от других музыкальных инструментов, у которых резонатором является их корпус, у варгана резонатором является сам человек, играющий на нем. Если при игре на обертоновой флейте исполнитель все еще обращен вовне, к резонансу инструмента, то при игре на варгане он обращается вовнутрь, к самому себе, тем самым вынуждая исследовать себя на уровне праречевой вертикали, минуя условности обыденной речи — отделение вещей от их изначального порядка бытия посредством их именования. Игра на варгане способствует выходу из речевой парадигмы на изначальный уровень бытования, а именно — в сферу трансцендентного, первоначального и нерасчлененного.

Символ звуковой жизни природы. Реализацию этого символа мы можем наблюдать в исполнительских техниках музыкантов. Например, норвежский варганист Свайн Вестаф во время исполнения мелодии «Fossegrimen» (Фоссегрим — в норвежском фольклоре это дух, который живет в водопаде и играет на скрипке хардингфеле) с помощью движений языка создает звуковой эффект, напоминающий журчание воды в ручье и отсылающий к образу духа водопада и его водяного окружения. Другой пример — воспроизведение на хомусе звуков природы и ее обитателей в якутской культуре. С помощью горловой артикуляции и подбора обертонов исполнитель может воспроизвести последовательность звуков, напоминающих кукование кукушки (без применения голосовых связок). Но самое важное в размышлении о данном символе — то, что сам варган по своей сути и есть полноценный феномен звуковой жизни природы, поскольку представляет собой мост между природой и культурой. Варган как инструмент — это, по сути, природный голос, схваченный и воплощенный изготовителем в виде вещи — вместилища этого голоса.

Символ круговращения. Ярким примером его актуализации служит культура саха. Здесь символ круговращения представлен во многих феноменах: от планировки жилья до традиционного танца «Осуохай», где реализуется контонационная актуализация-переживание мироздания: вращение по часовой стрелке символизирует движение в будущее, против часовой стрелки — в прошлое, к предкам. Интересно, что любителями варгана нередко высказывается мысль о том, что, когда они впервые услышали звук инструмента, им являлись воспоминания о детстве — когда они могли слышать варган по радио или через другие источники. Вместе с этим энтузиасты варгана говорят о фундаментальной перемене на жизненном пути — об обновлении внутреннего мира, о новом понимании жизни, об открытии новых горизонтов и смыслов. Таким образом, символ круговращения имплицитно присущ варгану, он существует на орбите трансцендентного начала инструмента. Данный символ актуализируется как в сторону сохранения памяти (вращение против часовой стрелки), так и в сторону построения будущего (вращение по часовой стрелке).

Рассмотренные интонационные символы позволяют говорить о варгане как музыкальном инструменте, сущность которого «вырастает» из бесконечной потаенности природы. Человек, выводя варган из потаенности посредством изготовления, создает его в виде фор-

мы, позволяющей исполнителю музыкальным образом преодолеть рамки сугубо культурного бытия и приобщиться к объективно существующему природному звуковому инварианту — обертоновому звукоряду — на основе единения, с которым становится возможным расширение границ своей личности в сторону трансцендентного. Это созвучно концепции Н.Ф. Фёдорова о регуляции природы в бытии человека [Фёдоров, 1913]. Философ считал, что один из беспощадных элементов природы — это слепое, неуправляемое вытеснение субъектов друг другом — борьба за существование, естественный отбор, которые вгоняют все сущее во зло, нетерпимость, жестокость, «небратскость». Тем не менее философ отмечает, что через человека природа «начинает осознавать себя» и «вопрошадь» о возможной победе над естественным отбором-вытеснением, над извечной энтропией. Поэтому увлеченный варганист не только обретает кардинальные пролегомены к саморазвитию и становлению своей творческой личности, но и учится у природы посредством единения с ней через игру с обертонами.

На время игры варганист отрывается от повседневной «протезности» техногенно-потребительской цивилизации и восстанавливается в ином измерении, основа которого — звук, что пришел прежде всего другого, что был в начале. Этот природный инвариант, воплощающийся в обертоновом звукоряде и человеческой артикуляции, становится подспорьем для освоения и культурных, и природных миров. Такого рода интуитивный опыт открывается исполнителю через игру на варгане, как и творение себя в принципиально ином качестве по отношению к «небратскости» всего и вся — в качестве человека спасающего, восстанавливающего, воскрешающего. Через варган это происходит не на уровне аллегории или метафоры, а на уровне актуализации явного, не отвлеченно-никчемного. Варган становится тем инструментом-спутником, который способен отвлечь игроющего от «вытеснительного» режима природы дочеловеческой — от принципа «кто сильнее — тот и прав», неспособного увидеть в мире нечто большее, чем площадку для расширения жизненного пространства (и не важно, какой ценой). Варган — это мост между «сознающей» природой и человеком, открывающим в природе сознательное начало.

Таким образом, варган, соединяя в себе природное и культурное начала, осмысливается нами как один из «вечных» музыкальных инструментов. Благодаря своей непосредственной связи с природой (которая транслируется через обертоновый звукоряд) и объек-

тивной заложенности в нем потенциала к артикуляции первичного религиозного опыта, варган дает человеку возможность «бросить вызов» современной глобальной культуре; осмыслить, прочувствовать вечные дороги, заложенные в нематериальном культурном наследии, и пройти по ним, открывая множество новых категорий и формируя целостность собственной личности. Иначе говоря — актуализируя в самом себе вечное творческое начало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньев А.С.* Философские основания понимания личности: Цикл популярных лекций-очерков с приложениями. М., 2001.
2. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). М., 2005.
3. *Карташева Н.В.* Компаративные исследования культуры: традиции и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 4. С. 159–171.
4. *Лысенко В.Г.* Слог Ом в индийской культуре: от устной традиции к письму // Труды Русской Антропологической школы. М., 2012. Т. 10. С. 48–60.
5. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. Пер. А.А. Юдина. М., 2003.
6. *Мартынов В.И.* Пение, игра и молитва в русской богослужебнопевческой системе. М., 1997.
7. *Мацевский И.В.* В пространстве музыки. СПб., 2011. Т. 1.
8. *Молчанова Г.Г.* Генерационная поликодность коммуникативных модулов. Какой он, человек нового поколения? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 9–16.
9. *Молчанова Г.Г.* Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 7–24.
10. Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Попов. СПб., 2019.
11. *Овчинникова Ю.С.* Аспекты преемственности и трансформации этномызыкальных практик: медитативно-образная варганотерапия М.А. и Е.В. Алексеевых // Традиционная культура. 2021. № 4 (22). С. 123–134.
12. *Овчинникова Ю.С.* Этнокультурные интонационные коды музыкальных практик: опыт построения культурологической модели анализа // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5-1. С. 412–420.
13. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Пер. А.М. Гелескула. М., 2016.
14. *Торопова А.В.* Интонирующая природа психики: музыкально-психологическая антропология. М., 2018.
15. *Фёдоров Н.Ф.* Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова. Т. II. М., 1913.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М., 1993.
17. *Юнг К.Г.* Об архетипах коллективного бессознательного. М., 1991.

Valery P. Makhlin, Julia S. Ovchinnikova

**ETHNOMUSICAL CODES OF THE JEW'S HARP
CREATIVITY: A BRIDGE BETWEEN NATURE
AND CULTURE**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
x.robo.robo@gmail.com; julia.barkova@gmail.com

Abstract. The article focuses on the phenomenology of jew's harp music art in traditional and modern cultural practices. The theoretical framework for the research were the works in the field of philosophy of culture, the concept of a symbol as a cognitive memory of culture, musical and psychological anthropology and a comparative approach to the study of cultures. On the basis of the cultural model of ethnomusicological codes, the authors have identified, typologized and analyzed intonation symbols of jew's harp practices. The intonation-sound level of jew's harp music art is revealed through the following elements of the symbolic field: the overtone scale as a natural sound invariant; the symbol of support; the symbol of the spiritual vertical; the symbol of prayer. At the visual and plastic level of jew's harp music art, the following components of meaning formation are revealed: the symbol of the "external vocal cords" as a transcending voice; the symbol of the sound life of nature; the symbol of circularity. Special attention is paid to the understanding of the overtone scale as a comprehensive original musical sphere, concentrated in the sound of the jew's harp and allowing performers to return to the lost integral connection with culture and nature. The revealed intonation symbols allow us to consider the jew's harp as a "bridge" between nature and culture, and traditional and modern jew's harp practices — as forms of transmission and actualization of the intangible cultural heritage of the peoples of Eurasia.

Keywords: jew's harp, jew's harp music art, music in cultural practices, natural scale, archetypes of intonation, jew's harp movement, philosophy of the culture, philosophy of the nature, ethnomusical codes

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Makhlin V.P., Ovchinnikova Ju.S. (2025). Ethnomusical codes of the jew's harp creativity: a bridge between nature and culture. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 158–170. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-11 (In Russ.)

About the authors:

Valery P. Makhlin — postgraduate student at the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; x.robo.robo@gmail.com

Julia S. Ovchinnikova — PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; julia.barkova@gmail.com

REFERENCES

1. Arsen'yev A.S. 2001. *Filosofskiye osnovaniya ponimaniya lichnosti: tsikl populyarnykh lektsiy-ocherkov s prilozheniyami* [Philosophical fundamentals of comprehending a personality: cycle of popular lectures with additions]. Moscow. (In Russ.)
2. Vasiliuk F.E. *Perezhivaniye i molitva (opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya)* [Experience and prayer (experience of a general psychological research)]. Moscow, 2005. (In Russ.)
3. Kartasheva N.V. 2024. *Komparativnyye issledovaniya kul'tury: traditsii i sovremennost'* [Comparative cultural studies: traditions and contemporaneity]. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 4, pp. 159–171. (In Russ.)
4. Lysenko V.G. 2012. Slog Om v indiyской kul'ture: ot ustnoy traditsii k pis'mu [The Om syllable in Indian culture: from oral tradition to writing]. *Trudy Russkoy Antropologicheskoy shkoly*. Moscow, RGGU, vol. 10, pp. 48–60. (In Russ.)
5. Markuze H. 2003. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society]. Transl. by A.A. Yudin. Moscow. (In Russ.)
6. Martynov V.I. 1997. *Penie, igra i molitva v russkoy bogoslužbenopevcheskoy sisteme* [Cantation, game and prayer in Russian system of liturgical singing]. Moscow. (In Russ.)
7. Matsiyevskiy I.V. 2011. *V prostranstve muzyki* [In the space of music]. Saint-Petersbourg, RIII, Vol. 1.
8. Molchanova G.G. 2021. Generatsionnaya polikodovost' kommunikativnykh modusov. Kakoy on, chelovek novogo pokoleniya? [Generative polycodeness of communicational codes. What is he like, the human of the new generation?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–16. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2011. Metody issledovaniya v mezhkul'turnoy kommunikatsii: simvol kak kognitivnaya pamyat' kul'tury [Studying methods in intercultural communication: the symbol as the cognitive memory of the culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)
10. *Neotraditsionalizm: arkhaischeskiy sindrom i konstruirovaniye novoy sotsial'nosti v kontekste protsessov globalizatsii* [Neotraditionalism: archaic syndrome and construction of new sociality in the context of globalization processes]. Ed. by V.V. Bocharov, V.A. Popov. Saint-Petersbourg, 2019. (In Russ.)
11. Ovchinnikova Yu.S. 2021. Aspekty preemstvennosti i transformatsiya etnomuzykal'nykh praktik: meditativno-obraznaya varganoterapiya M.A. i E.V. Alekseevykh [Hereditary and transformational aspects of ethnomusical practices: imaginal-meditational jew's harp therapy of M.A. and E.V. Alekseevs]. *Traditsionnaya kul'tura*, no. 4 (22), pp. 123–134. (In Russ.)

12. Ovchinnikova Yu.S. 2022. Etnokul'turnyye intonatsionnyye kody muzykal'nykh praktik: opyt postroyeniya kul'turologicheskoy modeli analiza [Ethnocultural intonational codes of musical practices: an experience of building a culturological model of analysis]. *Kul'tura I tsivilizatsiya*, vol. 12, no. 5-1, pp. 412–420. (In Russ.)

13. Ortega y Gasset J. 2016. Vosstanie mass [La rebelión de las masas]. Transl. A.M. Geleskula. Moscow.

14. Toropova A.V. 2018. *Intoniruyushchaya priroda psikhiki: muzykal'no-psikhologicheskaya antropologiya* [Intoning nature of psyche: musical-psychological anthropology]. Moscow. (In Russ.)

15. Fyodorov N.F. 1913. *Filosofiya obshchego dela. Statyi, mysli I pis'ma Nikolaya Fyodorovicha Fyodorova* [Philosophy of the United cause]. Vol. II. Moscow. (In Russ.)

16. Khaydegger M. 1993. *Vremya i bytiye: Stat'yi i vystupleniya* [The Time and Being: articles and speeches: Translation from German] Moscow. (In Russ.)

17. Yung K.G. 1991. *Ob arkhетipakh kollektivnogo bessoznat'el'nogo* [The Archetypes and the Collective Unconscious]. Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 09.11.2024;
approved after reviewing 25.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

В.Н. Калущков

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕЙЗАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация. Одна из культурно-географических проблем исследований литературного пейзажа заключается в определении самого понятия пейзажа, которое некоторые авторы сводят к описанию природы, «не замечая» важности его культурной составляющей.

Другая теоретическая проблема проистекает из первой и связана с пониманием национального пейзажа как типически обобщенного образа родной природы. При этом не учитываются существенные природные и культурные контрасты большой страны: не ясно как «обобщать» лесной и степной, городской и сельский, морской и речной пейзажи.

Одним из вариантов решения проблемы национального пейзажа в литературе — регионально-авторский подход, суть которого заключается в выборе исследователем одного из региональных пейзажей гениев места (пушкинского Михайловского, лермонтовских Тархан, тургеневского Спасского-Лутовинова или Мещеры Паустовского) как пейзажа национального; но в этом случае большую роль играет не столько характер ландшафта, сколько индивидуальные литературные предпочтения исследователя.

Другой — объективированный, или этнокультурный, — вариант решения проблемы обосновывает выбор березовой рощи в качестве русского национального пейзажа.

Ключевые слова: литературная география, пейзаж, географический образ, литературный пейзаж, национальный пейзаж, ландшафт, геокультура

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и гранта Русского географического общества «Литературные ландшафты и их роль в формировании привлекательных образов регионов России».

Калущков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, v.kalutskov@yandex.ru

© Калущков В.Н., 2025

Для цитирования: Калуцков В.Н. Культурно-географические проблемы исследований национального пейзажа (на материале русской литературы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 171–185. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12

Литературный пейзаж — одно из важных понятий литературной географии [Калуцков, 2024]. К.Г. Паустовский, один из самых лиричных, тонко чувствующих родную природу русских писателей, писал о значении пейзажа в литературе: «Пейзаж — не довесок к прозе и не украшение. В него нужно погрузиться, как если бы вы погрузили лицо в груды мокрых от дождя листьев и почувствовали их роскошную прохладу, их запах, их дыхание»¹.

Важной общественной функцией пейзажа является образная репрезентация земного пространства. Именно она способствует развитию пространственного воображения как в общественной среде, так и среди профессионалов.

Национальный пейзаж как образ традиционного ландшафта

Литературный пейзаж относится к своеобразному типу географических образов: «Литературный пейзаж можно трактовать как создаваемое при помощи языковых средств визуальное или мультисенсорное <...> изображение первозданного или содержащего следы человеческого присутствия открытого природного пространства, несущее информационную и эмоционально-эстетическую нагрузку» [Воронин, 2017]. В Литературном энциклопедическом словаре приводится определение литературного пейзажа как описания «любого незамкнутого пространства внешнего мира» [Пейзаж, 1987]. Более компактное определение пейзажа в литературе предлагает Толковый словарь Д.Н. Ушакова: «описание природы в литературном произведении» [Пейзаж, 1939].

В русском языке и культуре довольно долго пейзаж и ландшафт рассматривались как синонимы и трактовались с позиции живописи, а именно: как видопись, вид природы, картина местности, сельский вид [Даль, 1882]. Как видим, современные словари утратили такие важные для нашего исследования контексты понимания пейзажа, как «картина местности» и «сельский вид».

И в литературе, и в живописи пейзаж представляет собой *художественное, или «картинное», описание природы* [Пигарев, 1972].

¹ Паустовский К.Г. Золотая роза // Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 2: Золотая роза. Повесть. Рассказы. С. 191–192.

Ю.Г. Тютюнник назвал литературные пейзажи *образами-картинами* [Тютюнник, 2021].

При всем разнообразии пейзажных стилей пейзажное видение мира означает вертикальный тип восприятия окружающего пространства, охватывающий относительно небольшую территорию — всего несколько километров. *Пейзажные образы* — это *визуальные образы ближнего мира*, ограниченные взглядом и воображением автора.

По мнению М.Н. Эпштейна, национальный пейзаж представляет собой обобщенный образ родной природы [Эпштейн, 1990: 130]. Сходной позиции придерживается и К.В. Пигарев: национальный пейзаж — типически обобщенный образ родной природы [Пигарев, 1971: 110].

Вместе с тем подобные определения не учитывают важный геокультурный аспект. И в литературе, и в живописи (от Брейгеля и Констебля до Шишкина и Поленова) пейзажные репрезентации изображают преимущественно не природный, а сельский, *деревенский ландшафт*, где наряду с природой представлены особенности национальной или региональной культуры — архитектура, жители и их занятия, угождая, домашние животные².

На это обстоятельство обращает внимание Е.Ю. Колбовский, отмечая взаимосвязь национального культурного ландшафта и национального пейзажа [Колбовский, 2004].

По мнению британского географа С. Даниэльса, национальное самосознание и пейзажные изображения типичных национальных ландшафтов взаимосвязаны [Daniels, 1993]. Пейзажная картина может определять видимую форму нации (этноса), выражая суть этнического характера. Например, известная картина Дж. Констебля «Повозка для сена», изображающая сельскую Англию, по его словам, оценивалась британцами как страна в миниатюре, то, что должно защищать и ради чего стоит умереть.

Пейзажи с таким мощным культурным потенциалом можно считать национальными.

Итак, *под национальным пейзажем* понимается *литературная картина местности, изображающая традиционный деревенский ландшафт* с характерными особенностями национальной природы и культуры.

² Творческая деятельность некоторых российских художников, например, А.А. Борисова, С.Г. Писахова, Г.И. Гуркина, действительно связана с изображением «дикий природы» удаленных уголков России. Но все же ареал творчества большей части русских передвижников и художников советского времени охватывает хорошо освоенную среднюю полосу России с сильно окультуренными ландшафтами [7, 21].

Вербальные маркеры пейзажей в литературе

Одни вербальные маркеры — слова *картина*, *вид*, *панорама*, которые регулярно встречается в подобных литературных текстах, отражают генетическую связь литературных пейзажей с пейзажами живописными.

Например, в стихотворении А.С. Пушкина «Деревня» при описании вида из Михайловского (*Везде передо мной подвижные картины*) или «картина» окружающего ландшафта окрестностей Караби-хи у Н.А. Некрасова в поэме «Дедушка» (*Рад, что я вижу картину, / Милую с детства глазам*). Другой пример: в «Записках охотника» автор регулярно использует такой маркер, как вид: «*Вы взобрались на гору ... Какой вид!*»³. В кавказских произведениях М.Ю. Лермонтова автор использует такой пейзажный маркер, как панорама: «*И точно, такую панораму вряд ли, где еще удастся мне увидеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой...*»⁴.

Нередко можно встретить термин *ландшафт*, имея в виду, что ландшафт и пейзаж литераторами, как правило, воспринимались как синонимы: «*Места вокруг Тарусы поистине прелестны. ... Прекрасный ландшафт есть дело государственной важности и что он должен охраняться законом*»⁵.

Другие вербальные маркеры связаны с местом восприятия литературного пейзажа. Наиболее широко распространенные места обзора окрестностей: *окно* или *крыльцо дома*, *высокий берег реки*, *гора*. Например, у Тургенева: «*Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид!*»⁶ или у Пушкина «... А ныне погляди в *окно* / Под голубыми небесами...».

Элементы русского пейзажа у Пушкина и Лермонтова

В русской литературе представления о национальном пейзаже сложились уже во второй половине XIX века, а в русской живописи почти на полвека позже, в 1860–70-е годы [Пигарев, 1971]. При этом у истоков русского литературного пейзажа стояли А.С. Пушкин и П.А. Вяземский [Эпштейн, 1990].

³ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2 изд. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 355.

⁴ Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 22.

⁵ Паустовский К.Г. Письмо из Тарусы // Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1981–1983. Т. 7. 1983. С. 355.

⁶ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. 2 изд. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 359.

Следуя за В.П. Семеновым-Тян-Шанским, подчеркнем не только художественную и культурную, но и научную ценность литературных пейзажей: «Особенно близка к чисто научному географическому описанию художественная проза. Описание лесостепи Сергеем Аксаковым или Тургеневым, степи — Гоголем или Чеховым производит неизгладимое в чисто географическом смысле впечатление» [Семенов-Тян-Шанский, 2017: 267].

Рассмотрим описание двух осенних пейзажей средней полосы, выполненные Пушкиным и Лермонтовым, фиксируя внимание на подчеркнутые поэтами основные элементы пейзажа (табл. 1).

Таблица 1

**Описание двух пейзажей средней полосы
(основные элементы пейзажа выделены полужирным шрифтом)⁷⁸**

А.С. Пушкин «Евгений Онегин», «Отрывок из путешествий Онегина» ⁷	М.Ю. Лермонтов «Родина» ⁸
<i>Иные нужны мне картины: Люблю песчаный косогор, Перед избушкой две рябины, Калитку, сломанный забор, На небе серенькие тучи, Перед гумном соломы кучи — Да пруд под сенью ив густых, Раздолье уток молодых; Теперь мила мне балалайка Да пьяный топот трепака Перед порогом кабака.</i>	<i>Проселочным путем люблю скакать в телеге И, взором медленным пронзая ночи тень, Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, Дрожащие огни печальных деревень; Люблю дымок спаленной жнив, В степи ночующий обоз И на холме средь желтой нивы Чету белеющих бере. С отрадой, многим незнакомой, Я вижу полное гумно, Избу, покрытую соломой, С резными ставнями окно; И в праздник, вечером росистым, Смотреть до полночи готов На пляску с топаньем и свистом Под говор пьяных мужичков.</i>

Поэты представляют нам поволжский вариант русского пейзажа: и пушкинское Болдино, и лермонтовские Тарханы раскинулись в пределах лесостепной зоны, о чем напоминает и сам поэт: «В степи ночующий обоз...».

⁷ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 5. С. 203.

⁸ Лермонтов М.Ю. Родина // Избранные произведения: в 2 т. Л.: Советский писатель, 1964. Т. 2. С. 70–72.

Заметим, что описания русского сельского пейзажа у двух гениев во многом схожи. В обоих случаях это осенние пейзажи, которыми поэты любят. Описания и композиционно близки — от описания природы к наблюдению за весельем крестьян.

Однако набор типичных элементов пейзажа у Лермонтова существенно богаче. Он включает осенние поля — нивы и жнивы (жнива, или жнивье — это убранное поле), покрытую соломой избу, окна с резными ставнями (для Поволжья эта традиция характерна), гумно и очень важный элемент русского национального пейзажа — березы.

Природное и региональное измерения русского пейзажа

Как было показано выше, по мнению некоторых литературоведов, национальный пейзаж представляет собой типически обобщенный образ родной природы [Пигарев, 1971; Эпштейн, 1990]. Однако подобный подход не выдерживает критики, поскольку авторы в таких определениях не учитывают два важных момента: природный и геокультурный.

Во-первых, как можно «типически обобщать» такие разные природные пейзажи, как лесные и степные, луговые и речные, сельские и городские, горные и равнинные? Даже средняя полоса России, охватывающая центральную часть Европейской России, характеризуется большим природным разнообразием. В природном плане в северной половине она представлена ландшафтами смешанных (хвойно-широколиственных) и широколиственных лесов, а в южной части — ландшафтами лесостепей.

А во-вторых, в средней полосе значительны различия региональных культурных ландшафтов, или региональных геокультур, — псковско-новгородских, орловско-воронежских и нижегородских, каждая из которых характеризуются своей региональной лексикой, архитектурой, деталями быта, хозяйственным своеобразием⁹.

Поэтому не ясен механизм подобного обобщения, который бы привел к представлению о национальном пейзаже.

Литературные усадьбы, родовые гнезда писателей и поэтов, воспетые в произведениях, находятся в разных культурно-природных

⁹ Под геокulturой понимается процесс накопления и осмысления определенной культурой системы географических образов [Замятин, 2006: 62]. При этом важно, что в этом процессе участвуют как экзогенные (влияние религиозных ценностей и политики государства), так и эндогенные факторы, которым относятся своеобразие местной культуры и природы. При этом в региональных и локальных геокультурах роль внутренних факторов может быть весьма существенна.

условиях. У каждого автора — «свой» регион со специфическими культурными характеристиками и «свои» природные ландшафты.

Так, пушкинское Михайловское, расположенное в зоне смешанных и широколиственных лесов, относится к псковской региональной геокультуре¹⁰:

*Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...*

Поэтом представлен осенний деревенский ландшафт — скошенные луга, поля, пасущиеся стада, деревни, дымящие овины, которые использовались для просушки собранного урожая, ветряные мельницы. Однако внимательный взор поэта фиксирует и важные природные особенности псковской геокультуры, расположенной в зоне конечных морен Валдайского оледенения, — холмистый характер рельефа и обилие озер.

К зоне смешанных и широколиственных лесов принадлежит также и некрасовская Карабиха; однако ее фоновой геокультурой является ярославская с своими говорами, особенностями хозяйства и архитектуры. Такой вид в окрестностях усадьбы описал Некрасов в поэме «Дедушка»¹¹:

*Рад, что я вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!*

¹⁰ Пушкин А.С. Деревня // Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 359.

¹¹ Некрасов Н.А. Дедушка // Стихотворения: в 3 т. Л.: Советский писатель, 1956. Т. 2. С. 134.

А вот характеристика пейзажа малой родины после возвращения поэта из-за границы. При описании пейзажа Некрасов использует прием противопоставления русского (в данном случае ярославского) пейзажа европейскому¹²:

*Все рожь кругом, как степь живая,
Ни замков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!*

Певцом лесного пейзажа был К.Г. Паустовский. Писатель на всю жизнь полюбил Мещерский край, расположенный на стыке Московской, Рязанской и Владимирской областей: «Что можно увидеть в Мещерском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поемные или лесные озера, заросшие черной кугой, стога, пахнувшие сухим и теплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму». И далее: «что услышать в Мещерском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суеливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в деревушке, а по ночам — разноголосое пение петухов, да колотушку деревенского сторожа»¹³.

Таким образом, на основании представленных произведений Пушкина, Некрасова, Паустовского и многих других можно отнести к «лесным» литераторам: в их авторских текстах воспроизводятся лесные пейзажи зоны смешанных и широколиственных лесов с элементами характерных региональных геокультур.

И напротив, опираясь на природное измерение пейзажа, Лермонтова с его Тарханами, Тургенева со Спасским-Лутовиновым, Лескова, Аксакова с его родовым именем Аксаково можно считать «лесостепными» литераторами, поскольку в их литературных произведениях постоянно проявляются не только лесные, но и степные мотивы.

Приведем пример литературного описания лесостепного ландшафта И.С. Тургеневым: «Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид! Круглые, низкие холмы, распаханые и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от деревни до деревни бегут узкие дорожки; церкви белеют;

¹² Некрасов Н.А. Тишина // Полное собрание стихотворений: в 3 т. Л.: Советский писатель, 1967. Т. 2. С. 7.

¹³ Паустовский К.Г. Мещерская сторона: повести и рассказы. М.: Время, 2018. С. 175.

между лозниками сверкает речка, в четырех местах перехваченная плотинами; далеко в поле гуськом торчат драхвы; старенький господский дом со своими службами, фруктовым садом и гумном приютился к небольшому пруду. Но далее, далее едете вы. Холмы все мельче и мельче, деревья почти не видать. Вот она наконец — безграничная, необозримая степь»¹⁴.

Как видим, каждый из литераторов предлагает свой — региональный — вариант национального пейзажа: Пушкин — псковский лесной, Некрасов — ярославский лесной, Лермонтов — пензенский лесостепной, Тургенев — орловский лесостепной, Паустовский — мещерский лесной пейзаж и т.д. Тем самым, национальный пейзаж приобретает авторское региональное измерение.

Таким образом, с учетом природного и геокультурного разнообразия России в качестве национального может выступать любой *региональный пейзаж гения места, содержащий узнаваемые характерные черты национальной культуры и природы.*

При данном подходе к решению проблемы национального пейзажа окончательный выбор зависит от исследователя, его ландшафтного опыта и литературных вкусов и предпочтений. Для одного важнее будет региональное решение проблемы, например, выбор лесостепного или лесного пейзажа. А для другого более значимым окажутся не пейзажные описания, а личность писателя или поэта.

Вместе с тем, существует и другое решение вопроса о национальном русском пейзаже, другой тип «обобщения».

Березовая роща как квинтэссенция русского пейзажа

Как справедливо указывает Е.М. Лавренко, «главным героем» русского пейзажа выступает береза [Лавренко, 1944]. Как это случилось? Какие природные, исторические и собственно культурные факторы способствовали такому решению проблемы русского пейзажа?

В процессе освоения Русской равнины восточными славянами коренные хвойные и широколиственные леса сменялись вторичными лесами — прежде всего березовыми. Неслучайно лесоводы называют березу спутником человека, в данном случае русского человека. «Спутник» оказался на редкость полезным: березовые дрова — самые жаркие (да и ехать в лес далеко не надо), лучина помогала коротать длинные ночи, а береста широко использовалась

¹⁴ Тургенев И.С. Записки охотника // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т., 2 изд.-е. М.: Наука, 1978–2018. Т. 3. 1979. С. 359.

в строительстве. Березовый веник помогал поддерживать здоровье, а березовый сок после скучной зимы приносил утешение детворе.

Так исторически сложилось, что береза стала ближним, «домашним» деревом для русского крестьянина: березовые леса всегда окружают деревню.

Кроме того, березовую рощу можно рассматривать в качестве «миротворца» русского пейзажа. Как мы уже указывали, исходные ландшафты средней полосы довольно разнообразны и непохожи друг на друга — это и хвойные, и смешанные, широколиственные леса, и лесостепи. Но в результате векового освоения вторичные березовые рощи заменили коренные леса и лесостепи и тем самым во многом *снивелировали природное разнообразие, сделали визуально похожими пейзажи разных регионов средней полосы России.*

Повсеместность распространения березы и близость ее к крестьянскому дому способствовали тому, что тема березы широко представлена в русском фольклоре и мифологии (береза, к примеру, занимает важное место в троичских обрядах). Тему тесной связи березы с домом подхватила русская поэзия: «Печальная береза / У моего окна...» (А. Фет), или «Белая береза / Под моим окном...» (С. Есенин).

Под влиянием русского фольклора береза символически воспринимается как русское национальное дерево, ассоциируется с Россией. Примечательна сходная реакция двух поэтов, оказавшихся на разных краях русского мира, при встрече с березой (Пушкин был в Крыму, а Случевский — на Кольском полуострове). А.С. Пушкин: «Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза. Сердце мое сжалось»¹⁵. К.К. Случевский: «Последняя представительница на Севере наших лиственных лесов, березка (*речь идет о карликовой березе — В.К.*), съживившись и мельчая, все-таки не покидает здесь родной земли, гнется к ней, лобызает, довольствуется тем, что дает ей эта тощая земля...»¹⁶.

Отечественная живопись визуализировала и усилила символический фольклорно-литературный образ березы как национального дерева. Этому тренду во многом помогла... география: ареал творчества большей части передвижников и художников советского времени охватывает хорошо освоенную среднюю полосу России, совпадая с ареалом древнего славянского освоения с повсемест-

¹⁵ Пушкин А.С. Отрывок из письма к Д. // Полное собрание сочинений: в 2 т. М.: Издательский центр «Классика», 1999. Т. 2. С. 149.

¹⁶ Случевский К.К. По Северо-Западу России. СПб: издание А.Ф. Маркса, 1897. Т. 1. По Северу России. С. 305.

ным распространением березовых рощ. Большая часть пейзажей Ф.А. Васильева, А.К. Саврасова, В.Л. Поленова, И.И. Левитана, В.А. Серова, И.С. Остроухова, В.К. Бялыницкого-Бирули, И.Э. Грабаря, К.Ф. Юона, В.Н. Мешкова и многих других художников относятся именно к средней полосе Европейской России [Лавренко, 1944].

Помимо повсеместной встречаемости в центре России береза обладает важными для художника достоинствами: белой корой, поникшими ветвями, яркой блестящей листвой весной и золотистой осенью. Об этом ярко высказался И.Э. Грабарь: «Что может быть прекраснее березы, единственного в природе дерева, ствол которого ослепительно бел, тогда как все остальные деревья на свете имеют темные стволы. Фантастическое, сверхъестественное дерево, дерево-сказка. Я страстно полюбил русскую березу и долго почти одну только ее и писал»¹⁷.

Не удивительно, что на сотнях пейзажей, вошедших в золотой фонд отечественной живописи изображены березовые перелески в разные сезоны года и в разную погоду. Приведем название нескольких из них: И.Е. Репин «Березы. Солнечный день», А.К. Саврасов «Ранняя весна. Березы у реки», А.И. Куинджи «Стволы берез», «Березовая роща», «Лесок с березой», И.И. Шишкин «Березовый лес», «Сломанная береза», «Березовая роща», «Ручей в березовом лесу», «Березняк», «Летний пейзаж с березой», И.И. Левитан «Березовая роща», «Осень. Березки», «Березы. Опушки леса».

Тем самым, возвращаясь к проблеме «обобщенного» русского пейзажа, можно утверждать, что березовая роща «сама его обобщила», т.е. способствовала *повсеместной унификации исходно разнообразного пейзажа средней полосы России*.

Поэтому *национальным пейзажем России*, сложившимся в процессе славянского освоения Срединной России и закрепленным в фольклоре, литературе и живописи, следует считать *березовую рощу*.

Заключение

Под национальным пейзажем в литературе понимается литературная картина местности, изображающая традиционный деревенский ландшафт с характерными особенностями национальной природы и культуры.

¹⁷ Березы Игоря Грабаря // Русский контур [Электронный ресурс]: URL: <https://ruskontur.com/berezy-igorya-grabarya/> (дата обращения: 28.08.2024).

В качестве национального русского пейзажа может выступать любой региональный пейзаж гения места, пейзаж его малой Родины, содержащий узнаваемые характерные черты национальной культуры и природы.

Другой вариант решения вопроса о национальном пейзаже, вариант, основанный на материалах русского фольклора, литературы и живописи, — признать национальным русским пейзажем березовую рощу.

Ареал формирования русского национального пейзажа — средняя полоса России — представляет собой материнский ландшафт русского народа с повсеместным распространением березовых рощ. В таком контексте понятно, что «природность» березовой рощи весьма условна. Когда мы видим березовую рощу, она словно говорит нам: в этих местах когда-то был русский крестьянин, он здесь хозяйничал («куда топор и коса ходили»), приходил сюда в Троицу, посвящал березе свои песни... Иначе, березовая роща представляет собой квинтэссенцию русского национального пейзажа.

Важный фактор, оказавший влияние на формирование березовой рощи как национального пейзажа, — совпадение ареала древнего славянского освоения в средней полосе России с ареалом основных литературных усадеб и ареалом деятельности большей части русских художников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин Р.А. Виды и функции пейзажных описаний в литературе // Филология и лингвистика в современном виде: материалы I Международ. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2017. С. 1–4.
2. Даль В.И. Пейзаж // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.; СПб: издание М.О. Вольфа, 1882. С. 27.
3. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
4. Калуцков В.Н. Литературная география: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2024.
5. Колбовский Е.Ю. Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности // Историческая география: теория и практика. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2004. С. 22–30.
6. Лавренко Е.М. Ландшафт в пейзажном искусстве старейших московских художников // Известия ВГО. 1944. № 4. С. 192–201.
7. Пейзаж // Толковый словарь русского языка: т. 1–4. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940. Т. 3. 1939. С. 79.
8. Пейзаж // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1987. С. 272.

9. Пизарев К.В. Русская литература и изобразительное искусство: очерки о русском национальном пейзаже середины XIX в. М.: Наука. 1972.
10. Рогачев С.В. Пределы Центральной России в восприятии русских литераторов // Вопросы географии. Сб. 151. Российские литераторы, окружающая среда и географическое общество. М.: Медиа-ПРЕСС, 2020. С. 15–110.
11. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.: Пеликан, 2017.
12. Тютюнник Ю.Г. Художественное ландшафтоведение в географическом описании // Географический вестник. 2021. № 3(58). С. 6–20.
13. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской литературе. М.: Высшая школа, 1990.
14. Daniels S. Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States. Oxford: Polity Press, 1993.

Vladimir N. Kalutskov

**CULTURAL AND GEOGRAPHICAL PROBLEMS
OF NATIONAL LANDSCAPE RESEARCH
(BASED ON MATERIAL OF RUSSIAN LITERATURE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract. One of the cultural and geographical problems of literary landscape research is the definition of the very concept of landscape, which some authors reduce to a description of nature, “not noticing” the importance of its cultural component.

Another theoretical problem stems from the first and is related to the understanding of the national landscape as a typically generalized image of native nature. At the same time, significant natural and cultural contrasts of a large country are not taken into account: it is not clear how to “generalize” forest and steppe, urban and rural, sea and river landscapes.

One of the ways to solve the problem of the national landscape in literature is for the researcher to choose one of the regional landscapes of the geniuses of the place (Pushkin’s Mikhailovsky, Lermontov’s Tarkhans, Turgenevsky’s Spassky-Lutovinov or Meshchera Paustovsky) as a national landscape; but in this case, an important role is played not so much by the nature of the landscape as by the individual literary preferences of the researcher.

Another objectified solution to the problem justifies the choice of a birch grove as a Russian national landscape.

Keywords: literary geography, landscape, geographical image, literary landscape, national landscape, landscape, geoculture

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2025). Cultural and geographical problems of national landscape research (based on the material of Russian literature). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 171–185. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-12 (In Russ.)

About the authors: Vladimir N. Kalutskov — Dr. Habil. in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; v.kalutskov@yandex.ru

REFERENCES

1. Voronin R.A. 2017. Vidy i funktsii peizazhnykh opisaniy v literature [Types and functions of landscape descriptions in literature]. *Filologiya i lingvistika v sovremennom vide: materialy I Mezhdunarod. nauch. konf.*, Buki-Vedi, Moscow, pp. 1–4. (In Russ.)
2. Dal V.I. 1882. Peizazh [Landscape]. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*, Vol. 3, M.; St. Petersburg: Edition of M.O. Wolf, p. 27. (In Russ.)
3. Zamyatin D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: Modeling of geographical images], Moscow: Znak. (In Russ.)
4. Kalutskov V.N. 2024. *Literaturnaya geografiya: Uchebnoe posobie* [Literary geography: Textbook], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
5. Kolbovsky E.Y. 2004. Kul'turnyi landshaft i natsional'nyi peizazh: dve storony odnoi real'nosti [Cultural landscape and national landscape: two sides of the same reality]. *Istoricheskaya geografiya: teoriya i praktika*, St. Petersburg: Publishing House of RGGMU, pp. 22–30. (In Russ.)
6. Lavrenko E.M. 1944. Landshaft v peizazhnom iskusstve stareishikh moskovskikh khudozhnikov [Landscape in landscape art of the oldest Moscow artists]. *Izvestiya VGO*, St. Petersburg, no. 4, pp. 192–201. (In Russ.)
7. Peizazh [Landscape]. 1939. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: t. 1-4. Pod red. prof. D.N. Ushakova*, Moscow: Gos. in-t «Sovetskaya enciklopediya», 1935–1940, vol. 3, p. 79. (In Russ.)
8. Peizazh [Landscape]. 1987. *Literaturnyy enciklopedicheskij slovar'*, Moscow: «Sovetskaya enciklopediya», p. 272. (In Russ.)
9. Pigarev K.V. 1972. *Russkaya literatura i izobrazitel'noe iskusstvo: ocherki o russkom nacional'nom pejzazhe sereдины XIX v.* [Russian literature and fine arts: essays on the Russian national landscape of the middle of the XIX century]. Moscow: Nauka, (In Russ.)
10. Rogachev S.V. 2020. Predely Tsentral'noi Rossii v vospriyatii russkikh literatorov [The limits of Central Russia in the perception of Russian writers]. *Voprosy geografii. Sb. 151. Rossijskie literaturnyye, okruzhayushchaya sreda i geograficheskoe obshchestvo*, Moscow: Media-PRESS, pp. 15–110. (In Russ.)
11. Semenov-Tyan-Shansky V.P. 2017. *Rajon i strana* [District and country]. Moscow: Pelikan. (In Russ.)
12. Tyutyunnik Yu.G. 2021. Hudozhestvennoe landshaftovedenie v geograficheskom opisaniy [Artistic landscape studies in geographical description]. *Geograficheskij vestnik*, Perm, no. 3(58), pp. 6–20. (In Russ.)

13. Epstein M.N. 1990. *Priroda, mir, tajnik vselennoj: sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj literature* [Nature, the world, the secret place of the universe: a system of landscape images in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

14. Daniels S. 1993. *Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States*. Oxford: Polity Press.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024;
одобрена после рецензирования 06.11.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 23.09.2024;
approved after reviewing 06.11.2024;
accepted for publication 25.12.2024.

А.П. Миньяр-Белоручева

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК СРЕДСТВО ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ostvera@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается исторический нарратив в диахроническом аспекте, отношение к которому в XX веке со стороны историков и философов было неоднозначным. Исторический нарратив как один из способов репрезентации и интерпретации исторических событий, характеризующийся последовательностью изложения материала, рассмотрением причин и следствий конкретных событий, может быть воплощен во множестве форм, обусловленных широким разнообразием целей, стоящих перед историками, включая как печатный материал, так и визуальный, воплощенный в документальных и художественных фильмах. Значение исторического нарратива для исторического дискурса велико. Исторический нарратив не ограничивается описанием фактов и событий, он способствует формированию восприятия истории с конкретных позиций историка его создавшего, поскольку мировоззрение историка обусловлено средой его окружающей. В цели и задачи данной статьи входит анализ аргументов, выдвигаемых сторонниками и оппонентами исторического нарратива, допускающего множественное толкование одних и тех же событий; выявление масштабности и типа событий, допускающих их репрезентацию в форме исторического нарратива. В результате проведенного исследования было установлено, что исторический нарратив играет ключевую роль в восприятии и осмыслении мира прошлого. Методы исследования заключаются в анализе и синтезе изучаемых нарративов, кодировании, а также индуктивном и дедуктивном методах, необходимых для выявления закономерностей тем нарративов. В результате проведенного исследования было установлено, что исторический нарратив играет важную роль не только в осмыслении и восприятии исторических событий реципиентом, но и в формировании его исторической памяти.

Ключевые слова: исторический нарратив, историческая память, события прошлого, сохранение идентичности, историк

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ostvera@mail.ru

© Миньяр-Белоручева А.П., 2025

Для цитирования: Миньяр-Белоручева А.П. Исторический нарратив как средство воссоздания исторической памяти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 186–197. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13

В настоящее время исторический нарратив как средство сохранения идентичности каждого народа и его сплочения находится в фокусе научных исследований историков, политологов и лингвистов. Историческая память, объединяющая народ, воплощается в нарративе, который является имманентным свойством человеческого мышления, организующим «нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей “самости” или “персональной идентичности”» [Брокмейер, Харре, 2020]. Исторический нарратив наряду с историографическим дискурсом является действенным способом сохранения исторической памяти, «реконструкцией того, чего больше нет» [Нора, 1999: 20].

Исторический нарратив, будучи одним из способов передачи исторических событий, долгое время находившийся на периферии академической истории, восходит к древнегреческой традиции и был востребован до начала XX века. Четко структурированный и классифицированный фактологический материал историографии не мог передать все многообразие чувств и мыслей людей исторического прошлого, особенности их образа жизни, что привело историков к необходимости обращения к историческому нарративу как эмоционально-субъективной форме передачи исторического опыта народа.

С момента своего возникновения история сочетала науку и искусство. Понять прошлое и суметь донести его до читателя всегда было основной задачей историка, для которого владение словом имело первостепенное значение. С античных времен история рассматривалась как разновидность литературы. Первые дошедшие до нас исторические произведения «Илиада» и «Одиссея» были написаны гекзаметром. Несмотря на то, что прозаическую историю создали логографы, нарративные исторические произведения берут начало в трудах Геродота. Веками историки, находясь под покровительством двух муз — Клио и Калиопе, сохраняя память о произошедших событиях и убеждая читателей в их истинности, пользовались определенным набором риторических и стилистических приемов, владение которыми считалось обязательным. Исторический нарратив способен держать читателя в напряжении, вызывать у него сильные эмоции и, посредством установления сложных ассо-

циативных связей, погружать его в эпоху повествования, создавая иллюзию реального участия в исторических событиях.

В настоящее время исторические произведения, составляющие огромный пласт научной литературы, подразделяют на нарративные, описательные и аналитические. Считается, что для создания исторического дискурса историку необходимо сочетать нарратив, описание и анализ, поскольку обращение только к одной из них не позволяет реконструировать жизнь человека в историческом прошлом во всей ее конкретности и сложности [Butterfield, 1951: 237]. В задачи исторического исследования входит не только воспроизведение прошлого, но и его интерпретация. Нарратив и описание направлены на выполнение первой задачи, анализ — на исполнение второй.

Аналитические исторические произведения восходят к философским, политическим и риторическим трудам Аристотеля, Демосфена, Цицерона. Произведения эпохи Возрождения, отличающиеся лаконичностью и логической строгостью изложения материала, предвосхитили аналитические исторические работы, которые появились вместе с возникновением истории как науки. Однако аналитические произведения утвердились не сразу. На протяжении XIX в. некоторые историки предпочитали не только рассказывать историю, но и красочно описывать ее.

Описательная история, не ограничиваясь перечислением сухих фактов, требует от историка наличия такого же живого воображения, как и от писателя. В XIX веке непревзойденные произведения описательной истории были созданы Томасом Бабингтоном Маколем, Томасом Карлейлем, Томасом Тревельяном, стиль которых настолько сближался со стилем художественной литературы, что писатели, вдохновленные историками, использовали их работы в качестве фона, на котором происходили события их исторических романов. Несмотря на явное торжество аналитических произведений над нарративными в исторической науке XX века, своей славой описательная история обязана Фернану Броделю, который, вопреки общепринятой тенденции, будучи художником слова, создал уникальные по масштабности, глубине и красочности научные исторические произведения, в которых бурлила и кипела жизнь многоголосного исторического прошлого Средиземноморья. И все же, ни повествовательный, ни описательный метод не мог четко обосновать и объяснить развернувшийся во времени исторический процесс. Эту возможность историки получили только после того, как история в начале XIX века перешла в область науки, и основное

внимание стало уделяться не форме подачи материала, а методологии и методике его исследования.

Анализ был признан наилучшей формой, раскрывающей причинно-следственные связи исторических событий, изложенных в хронологической последовательности. Однако аналитические работы имели свои недостатки: выигрывая в интеллектуальной четкости, они проигрывали в исторической непосредственности, сознательно придерживаясь ригоризованно-сухого стиля. В работах, созданных в аналитическом ключе, выявляются и устанавливаются тенденции и закономерности развития человеческого общества, проводится анализ исторических трудов историков разных веков, направлений и школ, объясняются причины и следствия событий прошлого. Владение источниками происходит в ущерб стилю, что вызывает сложности при их прочтении и, как следствие, результатом этого становится потеря интереса к ним со стороны широкой общественности. Соединение в одном научном произведении двух форм исторического дискурса — аналитической и нарративной, позволило вернуть интерес читателей к историческим произведениям.

Однако для возвращения нарратива в исторический дискурс потребовалась смена парадигм, когда антропоцентризм «позволяет по-новому подойти к рассмотрению» [Левицкий, 2016: 184] места человека в мироздании, вернув его на волне постмодернизма в центр как «мерило всего» — “the matter of all things”, обратив основное внимание на тех, чье достоинство унижалось веками. Из трех основных форм, свойственных историческому дискурсу — описания, нарратива и анализа, только нарративу удалось реконструировать жизнь простого человека в прошлом. «Кульť индивидуализма» [Тер-Минасова, 2000: 215], провозглашенный постмодернизмом, поставил во главу угла защиту прав «виктимизированного меньшинства», защиту прав каждого человека в отдельности не только в настоящем, но и в прошлом. Жизнь простого человека в историческом прошлом можно было передать посредством нарратива, который, воспроизводя атмосферу эпохи, создает у читателей иллюзию непосредственного личного участия в ней.

Исторический нарратив является единственной формой исторического дискурса, который, выстраивая хронологически точную последовательность исторических событий, способен держать читателя в напряжении, вызывать у него сильные эмоции и, путем установления сложных ассоциативных связей, погружать его в эпоху повествования, создав иллюзию реально происходивших событий. Если до начала XIX века нарратив господствовал в историческом

дискурсе, то к началу 70-х годов XX столетия, несмотря на новые методы его использования для изложения событий, он стал предметом ожесточенных споров.

Так, Ф. Бордель, Ф. Фуре, Ле Гофф считали исторический нарратив идеологически нагруженной ненаучной стратегией, отказ от которой принесет истории только пользу как научной дисциплине. С другой стороны, Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида, Юлия Кристева, Умберто Эко подходили к историческому нарративу как к дискурсивному коду, не давая однозначного ответа о его пользе или вреде для истории. Представители школы «Анналов» не поддерживали персонифицированную историю малых форм с ее детализацией событий, бытовыми проблемами, которая тысячелетиями пользовалась популярностью и которую можно было донести до современного читателя посредством нарратива. Их интересовала масштабная история, последствия которой можно было бы проследить, проанализировав продолжительный временной отрезок. Историки данной школы не разделяли интерес нарративистов ни к житейским темам, ни к политической культуре, дискурс которой формировался под влиянием эмоций и личных убеждений простых людей. Занимавшиеся герменевтикой Х.-Г. Гадамер и П. Рикёр видели в нарративе своеобразную структуру времени, проявляющуюся в дискурсе.

Передавая события в линейной последовательности, неспешно переходя от десятилетия к десятилетию, от года к году, скрупулезно отсчитывая дни и часы, повествуя о сражении или наблюдая за развитием политического кризиса, историкам-нарративистам, Даме Вероники Веджвуд [Wedgwood, 1959; Wedgwood, 1993] и Стивену Рансимену [Runciman, 1951; Runciman, 1965], талантливым ученым и писателям, удалось реконструировать эпохальные события в форме нарративной истории, несмотря на ее чрезвычайно ослабленные позиции. В крупномасштабных работах в полной мере проявляются такие достоинства исторического нарратива, как хронологическая последовательность, внимание к роли случая и осложнение событий, в водовороте которых погибают их участники. Долг историков по отношению к прошлому, согласно Даме Веронике Веджвуд, заключается в «воссоздании непосредственного опыта людей исторического прошлого» [Wedgwood, 1955: 16].

Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что нарратив создает у реципиентов иллюзию непосредственного участия в или наблюдения за историческими событиями, воспроизводя атмосферу, соответствующую конкретной эпохе, он требует упрощенного

толкования причинно-следственных связей, ограничивая таким образом любые попытки научного анализа событийной истории. Нарратив, позволяя проследить минимальное количество «событийных линий», не дает возможности выявить глубинные причины случившегося и оценить последствия. Выстраивание сложной причинно-следственной связи позволяет выявить истинные причины случившегося, которые не всегда могут быть определяющими. Считается, политическая причина лучше всего подходит для нарративного исследования. Повествуя о войнах или революциях, историки-нарративисты основное внимание уделяют поводу, ставшему триггером к развязыванию конкретного конфликта, но не выявлению глубинных причин, которые привели общество на грань катастрофы. Ограниченность нарративного метода еще в большей степени проявляется при изучении революций, в которых доминируют массы, затмевая даже наиболее ярко выраженных исторических личностей, мысли и действия которых можно было бы репрезентировать в виде повествования. Историки считают, что эволюционные преобразования, происходившие в области духовной истории на протяжении многих столетий и опосредованно связанные с внешними событиями, можно воспроизвести в нарративной форме [Southern, 1953: 14–15]. Однако причины аграрной и промышленной революций, требующие глубокого анализа и четкого изложения, не поддаются нарратизации.

Нарративные формы в истории используются для изображения жизни «маленького человека». Парадигмальный сдвиг, который привел к смене модернизма и выходу «среднестатистического человека» из тени безвестности, способствовал возрождению исторического нарратива, заставившего задуматься всех о судьбе простого человека, чья жизнедеятельность происходила в сложное и опасное время.

В эпоху постмодернизма историки обратились к нарративу, чтобы показать, как изменения социальных структур, жизненных циклов и культурных ценностей, которые они анализировали абстрактно, отражались на отдельных людях. Но вместо создания нарратива, охватывающего общество в целом, они приводили наиболее яркие эпизоды из жизни людей исторического прошлого, которые получили название «микронарративы» [Burke, 1991: 241], а история, повернувшаяся «лицом» к простому человеку, была названа «микросторией».

Карло Гинзбург, создатель «микроистории», в своем бестселлере *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller* —

«Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.» [Ginzburg, 1980], воссоздал историю жизни простого человека, мельника Доменико Сканделла, по прозвищу Меноккио, который как и многие «маленькие люди» оставался в неизвестности, если бы не документы, составленные инквизицией, по приговору которой он был сожжен на костре за свое вольнодумство и свободололюбивые высказывания. Карло Гинзбург оживил этого человека благодаря своему мининарративу, созданному на грани науки и искусства, посвященному не только судьбе мельника-вольнодумца, но и «народной культуре», яркую картину которой он создал, соединив работу ученого и мастерство писателя.

В классическом «микронарративе» Натали Зимон-Дэвис *The Return of Martin Guerre* — «Возвращение Мартина Герра» [Zemin-Davis, 1983], разворачивается настоящий детектив, в основу которого были положены реальные события XVI века. Драматична судьба крестьянина из Нижних Пиренеев Мартена Герра. История, случившаяся четыре века назад, взволновала зрителей, увидевших фильм, созданный на ее основе в 1982 году, затем и читателей книги Натали Зимон Дэвис. Посредством вербального и визуального кодов создается виртуальная реальность, реконструирующая неосознаваемое, оживающее в ментальном пространстве современного человека историческое прошлое. Визуально-вербальные средства реанимировали канувшую в Лету эпоху, заставив сопереживать данному событию людей, которые, несмотря на то, что не могли изменить прошлое, почувствовали драматизм происходившего.

Неперцептивная, необратимая во времени история людей, живших в далекие эпохи, оживает в исторических «микронарративах», демонстрируя, что столкновение культур не является прерогативой XX века. Нежелание представителей разных народов понять и оценить культуру друг друга всегда приводило к конфликтам. Исторический «микронарратив» Джонатана Спенса *The Question of Hu* — «Вопрос о Джоне Ху» [Spence, 1997] служит тому примером. Каждое произведение «микроистории» является уникальным. Историк погружает своего читателя в эфемерный мир, созданный языком, который становится реальным. Грань между реальным и виртуальным пространством нивелируется, благодаря лингвистическому повороту, провозгласившему, что язык — это дом бытия [Хайдеггер, 1988].

В настоящее время, когда особое внимание уделяется проблемам гендерного равенства, судьба женщин исторического прошлого оказалась в сфере научных интересов Лорел Тэтчер Ульрих, исто-

рика, профессора Гарвардского университета. Отдавая дань «незаметному труду обычных людей» и пытаясь «выявить взаимосвязь между историческими событиями и частной жизнью», она создала в 1990 году «микронарративный» шедевр *“A Midwife’s Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812”* — «История повитухи: жизнеописание Марты Баллард, основанное на ее дневнике, 1785–1812» [Ulrich, 1990], получивший Пулитцеровскую премию по истории. В данном нарративе историк реконструирует жизнь колонистов, ставших гражданами США, в первые годы существования молодой Республики после окончания Войны за независимость (1775–1783), в восприятии простой женщины.

Посмодернизм и антропоцентризм позволили историкам отказаться от традиционно безликого описания войн и битв в истории человечества. Военная история приобрела свое «лицо» в 1976 году. В историческом нарративе *The Face of Battle* — «Лицо брани», созданном военным историком сэром Д.Д.П. Киганом (John Desmond Patrick Keegan) [Keegan, 1978], мы наблюдаем, как пространство Северной Европы, являвшееся в разные века театром судьбоносных для европейцев битв с участием британских солдат, таких как битва при Азенкуре (1415 г.), битва при Ватерлоо (1815 г.) и битва при Сомме (1916 г.), при пересечении «двух осей координат — пространства и времени» [Загрязкина, 2023: 40], соединяющихся диахронно переплетающимися линиями [Загрязкина, 2023: 41], становится «местом памяти» [Нора, 1999], переходящем в «место знания» [Jacob, 2007], в которое сэр Киган вовлекает своих читателей. Появление большого количества исторических нарративных произведений в конце XX века заставило историков заявить о возрождении нарратива [Stone, 1987]. В настоящее время исторический нарратив является практически единственным жанром исторического дискурса, лучшие произведения которого получают Пулитцеровскую премию. Однако фокус историков сместился с «маленького человека» на выдающихся людей прошлого, о которых они создают эпические нарративы, закрепляя на ментальном уровне исключительность истории народа, запечатлевая ее в его исторической памяти.

История — это сложная многоуровневая наука, одним из средств сохранения памяти которой является нарратив, сочетающий науку и искусство. Нарративная история непосредственно связана с передачей исторических фактов с субъективно-эмоциональной позиции историка, который помимо научного знания и воображения обладает литературным даром, способностью передавать настроение и темперамент людей далеких эпох. Функции

исторического нарратива, который играет определяющую роль в воссоздании жизни людей исторического прошлого, заключается в том, чтобы «укрепить единство, поднять дух, проявить этническую общность внутри <современного> сообщества» [Молчанова, 2011: 12]. Несмотря на то, что многие историки-постмодернисты скептически относились к «мининарративам», они были готовы признать, что прошлое можно систематизировать, соединив разрозненные события в целостную нарративную картину развития человеческого общества, допуская множество прочтений одного источника. Исторический нарратив, предоставляя возможность осмысления исторических событий в увлекательной форме, формирует историческую память народа. Мир, канувший в прошлое, возрождается в нарративах, создающих на основе реальных фактов иллюзорную реальность, определяющую будущее человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
2. Загряжская Т.Ю. Динамика символизация культуры: от мест памяти к местам перехода (на примере франкоязычных научных дискурсов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 37–48.
3. Левицкий А.Э. Антропоцентризм как основа когнитивно-дискурсивного анализа единиц языка // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 184–191.
4. Молчанова Г.Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 7–24.
5. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция памяти. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, С. 17–50.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
7. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии: Переводы. Сост. и послесл. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988.
8. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II, Collins, 1972.
9. Burke P. History of events and the revival of narrative, in: P. Burke (ed.), New Perspectives on Historical Writing, Polity, 1991.
10. Butterfield H. History and Human Relations, Collins, 1951.
11. Ginzburg C. The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Routledge& Kegan Paul Ltd, 1980.
12. Jacob Ch. Les lieux de savoir. En 2. Vol. 2007.
13. Keegan J.D.P. The Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo and the Somme. New York: Penguin Group (USA) Incorporated, 1978.

14. *Runciman S.* A History of the Crusades. Vol. I: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge: University Press, 1951.
15. *Runciman S.* A History of the Crusades. Volume II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East. 1100–1187. New York: Harper & Row. 1965.
16. *Runciman S.* A History of the Crusades. *A History of the Crusades, Vol. III: The Kingdom of Acre and the Later Crusades.* Cambridge University Press. 1954.
17. *Spence J.D.* The Question of Hu. Biography of John Hu, 18th century Chinese who came to France. New York: Knopf, 1987.
18. *Stone L.* “The revival of narrative” (1979), цит. по его книге: *Past and Present Revisited*, Routledge & Kegan Paul, 1987.
19. *Southern R. W.* The Making of the Middle Ages, Hutchinson, 1953.
20. *Ulrich L. T.* A Midwife’s Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1990.
21. *Wedgwood C. V.* The King’s Peace: 1637–1641. London: Penguin Books, 1993.
22. *Wedgwood C. V.* The King’s War: 1641–1647. New York: Macmillan, 1959.
23. *Zemin-Davis N.* The Return of Martin Guerre, Cambridge, MA: Harvard University, 1983.

Alla P. Minyar-Beloroucheva

HISTORICAL NARRATIVE AS A MEANS FOR THE RECONSTRUCTION OF HISTORICAL MEMORY

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ostvera@mail.ru

Abstract. The paper examines historical narrative in a diachronic aspect, to which historians and philosophers of the 20th century have been ambivalent. Historical narrative as one of the ways of presenting and interpreting historical events, characterised by the consistency of the presentation of material, consideration of the causes and consequences of specific events, can take many forms due to the wide variety of purposes faced by historians, including both printed material and visual material embodied in documentaries and feature films. The importance of historical narrative in historical discourse is considerable. Historical narrative is not limited to the description of facts and events, it contributes to the formation of the perception of history from the position of the historian who created it, since the world view of the historian is conditioned by his or her milieu. The aims and objectives of this article are to analyse the arguments put forward by supporters and opponents of historical narrative; to identify the scale and type of events that allow their representation in the form of historical narrative. The results of the research show that historical narrative plays a key role in the perception and understanding of the world of the past. The research methods consist of analysis and synthesis of the studied narratives, coding, inductive and deductive methods, necessary to identify the patterns of the narratives’ themes. As a result of the research conducted, it was established that historical narrative plays an important role not only in the understanding and perception of historical events by the recipient, but also in the formation of his/her historical memory.

Keywords: historical narrative, historical memory, events of the past, identity preservation, historian

For citation: Minyar-Beloroucheva A.P. (2025). Historical narrative as a means for the reconstruction of historical memory. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 186–197. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-13 (In Russ.)

About the author: Alla P. Minyar-Beloroucheva — Dr. Habil. in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ostvera@mail.ru

REFERENCES

1. Brockmeier J., Harre R. 2000. *Narrativ: problemy` i obeshhaniya odnoj al`ternativnoj paradigmy`* [Narrative: problems and promises of an alternative paradigm]. *Questions of Philosophy*, no. 3, pp. 29–42.
2. Zagryazkina T.Yu. 2023. Dinamika simvolizatsiya kul`tury`: ot mest pamyati k mestam perexoda (na primere frankoyazy` chny`x nauchny`x diskursov [Dynamics of cultural symbolization from places of memory to places of tradition (on the example of French-Language discourses)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48.
3. Levitsky A.E. 2016. Antropocentrizm kak osnova kognitivno-diskursivnogo analiza edinicz yazy`ka [Anthropocentricity as the basis of cognitive-discursive analysis in linguistics]. *Cognitive Studies of Language*, no. 27, pp. 184–191.
4. Molchanova G.G. 2011. Metody` issledovaniya v mezhkul`turnoj kommunikacii: simvol kak kognitivnaya pamyat` kul`tury [Research methods in intercultural communication: The symbols as the cognitive memory of a culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 37–48.
5. Nora P. *Les lieux de memoire*. Dir. de P. Nora. En 3 vol. 7 livres., 1984–1992.
6. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazy`k i mezhkul`turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. M.: Slovo.
7. Heidegger M. 1988. *Pismo o gumanizme. Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody`* [A letter on humanism. The Human Problem in Western Philosophy: Translations]. Sost. i poslesl. P. S. Gurevich. M.: Progress.
8. Braudel F. 1972. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, Collins.
9. Burke P. 1991. *History of events and the revival of narrative*, in: P. Burke (ed.), *New Perspectives on Historical Writing*, Polit.
10. Butterfield H. 1951. *History and Human Relations*, Collins
11. Ginzburg C. 1980. *The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press and the Routledge& Kegan Paul Ltd.
12. Jacob Ch. 2007. *Les lieux de savoir*. En 2 vol. 2007.
13. Keegan J.D.P. 1978. *The Face of Battle: A Study of Agincourt, Waterloo and the Somme*. New York: Penguin Group (USA) Incorporated.

14. Runciman S. 1951. *A History of the Crusades*. Vol. I: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge: University Press.
15. Runciman S. 1965. *A History of the Crusades*. Volume II: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187. New York: Harper & Row.
16. Runciman S. 1954. *A History of the Crusades*. Vol. III: The Kingdom of Acre and the Later Crusades. Cambridge University Press. 1954.
17. Spence J.D. 1987. *The Question of Hu. Biography of John Hu, 18th century Chinese who came to France*. New York: Knopf.
18. Stone L. 1987. “*The revival of narrative*” (1979), quote by: Past and Present Revisited, Routledge & Kegan Paul.
19. Southern R.W. 1953. *The Making of the Middle Ages*, Hutchinson.
20. Ulrich L.T. 1990. *A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard based on her diary, 1785–1812*. New York: Alfred A. Knopf, Inc.
21. Wedgwood C.V. 1993. *The King's Peace: 1637–1641*. London: Penguin Books.
22. Wedgwood C.V. 1959. *The King's War: 1641–1647*. New York: Macmillan.
23. Zemin-Davis N. 1983. *The Return of Martin Guerre*, Cambridge, MA: Harvard University.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024;
 одобрена после рецензирования 08.12.2024;
 принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024;
 approved after reviewing 08.12.2024;
 accepted for publication 25.12.2024.

О.В. Маринин, А.А. Кротов

ВИРТУАЛЬНЫЕ АРХИВЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ov_marinin@mail.ru; umo@philos.msu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены главные тенденции в развитии систематизированных хранилищ человеческого знания. С древности и до наших дней менялись как носители информации, так и мировоззренческие основания, связанные с задачами, возлагаемыми на подобные хранилища. Конечно, сохранение исторической памяти всегда оставалось неизменным ориентиром для создателей архивов и библиотек. Но сами представления о будущем, предполагавшиеся различными проектами систематизации знания, сильно отличались в зависимости от эпохи. Особый интерес с этой точки зрения представляет собой концепция архива, выдвинутая Н. Федоровым в рамках его учения о роли человечества во вселенной. В статье подчеркивается, что архивы и библиотеки по-разному были призваны выполнять социальную функцию, неотделимую от самого их существования. Перспективы развития современных архивов напрямую соединены с процессами цифровизации. Совершенствуются как технологии обработки документов, так и способ коммуникации исследователей с архивом. Существенно увеличиваются возможности научного анализа архивных данных. Цифровизация не просто расширяет доступ к информации систематизированных хранилищ человеческого знания, она фактически оказывает стимулирующее воздействие на дальнейшее развитие междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: современные архивы, информатизация, архивы и библиотеки в истории, цифровизация в архивном деле

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-14

Маринин Оганес Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ov_marinin@mail.ru

Кротов Артем Александрович — доктор философских наук, зав. кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; umo@philos.msu.ru

© Маринин О.В., Кротов А.А., 2025

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Маринин О.В., Кротов А.А. Виртуальные архивы России: история и перспективы развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 198–206. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-14

Одной из главных задач любого общества, независимо от времени и места его существования, является сохранение исторической памяти. Без нее человечество обречено на застой и деградацию, как ребенок, постоянно наступающий на одни и те же грабли и не помнящий об этом. Социально значимую функцию накопления, хранения и использования сведений об окружающем мире, а также о роли и месте человека в нем на протяжении всего существования «*homo sapiens*» осуществляют архивы, библиотеки и музеи.

В конце XX — начале XXI в. компьютерные технологии затронули все сферы деятельности человека, в том числе и архивные учреждения. Внедрение новых информационных технологий в работу архивохранилищ и библиотек расширяет доступ, в том числе и через глобальные компьютерные сети, к документной информации, увеличивает возможности научного анализа информационных богатств архивов, создает новый инструментарий архивной эвристики, новые формы издания документов и справочников на нетрадиционных носителях, интеграцию информационных ресурсов архивов в мировое интернет-пространство.

Становление виртуальных архивов имеет длительную историю, в ходе которой менялась и форма хранения в них материалов, и мировоззренческие предпосылки, связанные с их функционированием.

История древнейших архивных хранилищ уходит своими истоками в 1-е тысячелетие до н.э. В странах Востока возникают библиотеки-архивы при дворцах властителей. Известнейшая среди них — библиотека-архив ассирийского царя Ашшурбанапала (VII в. до н.э., свыше 30 тыс. глиняных табличек). В эллинистическую эпоху особой известностью пользовалась Александрийская библиотека египетских царей. Она включала сотни тысяч папирусных свитков. «Свитки для своей библиотеки Птолеми собирали ревностно, не гнушаясь прямым грабежом» [Чанышев, 1999: 457]. В Средние века значительными библиотеками располагали монастыри (например, Ключи, Монтекассино и др.). Большим собранием (сотни тысяч)

рукописей располагала библиотека кордовского халифа. С появлением университетов многие из них стремятся к созданию богатых собственных книжных собраний. В этом отношении выделяются Париж (Сорбонна), Оксфорд и Прага. Изобретение книгопечатания существенно меняет ситуацию в распространении книг. В Новое время возникают огромные государственные библиотеки (среди самых значительных — Британский музей, библиотека Конгресса; в России — Румянцевский музей, сегодня — РГБ).

Наряду с идеей создания максимально полного хранилища знаний в истории человечества присутствовала и другая — его ограничения, по крайней мере для большинства слоев населения. К примеру, в Циньской империи она была в самой резкой форме выражена в докладе Ли Сы, представленном правителю государства. «Я просил бы вас изъять все имеющиеся литературные произведения, книги стихов, исторические предания и сочинения всех философов. Тех, кто через тридцать дней после опубликования этого указа не сдаст книг, ссылайте на каторжные работы» [Сыма Цянь, 1956: 224]. Ли Сы ссылаясь на необходимость единства мысли в государстве, чему препятствовали, на его взгляд, частые упоминания о древних временах и опора на философские учения, используемые для осуждения действий властей. Единопочитание императора объявлялось им несовместимым с деятельностью «частных школ», позволяющих себе толкование указов правителя. В итоге, как свидетельствует Сыма Цянь, «Цинь Ши-хуан одобрительно отнесся к совету Ли Сы, изъяти “Шицзин”, “Шуцзин” и все изречения философов. Этим самым он пытался оглупить народ» [там же].

Систематизированные знания нередко рассматривались как действенное средство политического преобразования общества. Классический пример — энциклопедический проект просветителей. Задачи, поставленные перед собой его авторами, были довольно многообразны, включали и создание картины теоретических достижений во всех отраслях знания, и предоставление доступа к сведениям практического, прикладного характера, и содействие нравственному улучшению человечества. За критикой деспотизма и тирании скрывалось осуждение абсолютизма. За выступлением против предрассудков и фанатизма стояло требование «все проверить, все без исключения и беспощадно поставить под вопрос» [Философия в «Энциклопедии», 1994: 641]. Впоследствии идеи просветителей получили своеобразное преломление в учении сенсимонистов. Сен-Симон рассматривал «Энциклопедию» XVIII в. как важный фактор произошедшей революции. Поэтому его всю жизнь

занимал проект создания новой энциклопедии, призванной оказать воздействие на трансформацию социума в русле социалистических идей. «Философия XVIII века была критической и революционной, философия XIX века будет изобретающей и организующей» [Saint-Simon, d'Enfantin, 1865, XV: 93]. Если предшествующий энциклопедический проект выполнил свою разрушительную задачу, то новый должен открыть эпоху созидания, смысл которой он видел в переходе от «теологической и феодальной системы» к промышленной и научной.

Особую роль хранилищам систематизированного знания в разумном преобразовании космоса отводил Н.Ф. Федоров. Он отмечал пренебрежительное отношение современников к содержанию архивов, по большей части считающимся маловажным для живущих. «Должно, однако, заметить, что презрение к сдаваемому в архив совершенно неосновательно и происходит оттого, что наш век решительно неспособен сознавать свои недостатки» [Федоров, 1982: 575]. В его понимании архив, библиотека, музей призваны служить делу всеобщего воскрешения. В их задачу входит не накопление мертвого и бесполезного материала, интересующего лишь редких представителей ученого мира, а подготовка «восстановления» всех прежних поколений на основе знания об их деяниях, произведениях, сохранившихся вещей, с ним связанных. Реализация этой задачи, согласно Федорову, приведет к расселению человечества за пределами Земли, разумному управлению природой.

В настоящее время в Российской Федерации, как и в большинстве стран мира, существует разветвленная система архивных учреждений, включающая комплекс государственных федеральных (центральных) и региональных (местных) архивов. Это — десятки и сотни государственных учреждений архивного профиля по всей стране, но обычно они не привлекают к себе внимания общества. Парадоксально, но многие наши современники вообще не имеют никакого представления о существовании и деятельности архивов. Уже несколько лет один из авторов настоящей статьи задает студентам первого курса один и тот же вопрос: «Что вы знаете о российских архивах?» и неизменно получает в ответ только удивленное молчание аудитории. Действительно, архивные учреждения не принадлежат к числу раскрученных «брендов».

Первые архивы в Киевской Руси возникли при княжеских дворах, в монастырях и церквях. После образования Русского централизованного государства в Москве в XVI в. возник Царский архив, куда вошли документы тверских, рязанских, смоленских, черни-

говских, ярославских и других князей и значительное количество материалов о внутреннем управлении и внешних сношениях Русского государства со странами Западной Европы и Востока. В начале XVII в., во время польско-шведской интервенции, Царский архив был частично вывезен в Польшу, а оставшиеся материалы поступили в Посольский приказ.

В начале XVIII в., в результате реформ Петра I, по Генеральному регламенту коллегий (1720 г.) архивы учреждений (Сенат, коллегии, Синод) отделены от текущего делопроизводства и переданы в ведение особых лиц — архивариусов. Одновременно вводилось в оборот и само слово «архивы», эту практику Петр I позаимствовал во время своего Великого посольства в Европу и распространил в России. Тогда же из документов упраздненного Посольского приказа был образован первый исторический архив — Генеральный архив старых государственных дел (переименованный затем в Московский архив Коллегии иностранных дел). В 1797 г. было создано Собственное его императорского величества депо карт (с 1812 г. — архив «Военно-топографическое депо»). В XIX в. образуются крупные исторические архивы: Московский архив Главного штаба (1819 г., позднее Лефортовский), Государственный архив Российской империи (1834 г.), Московский архив Министерства юстиции (1852 г.), Военно-ученый архив (1867 г.) и др.

Из правительственных учреждений в XIX — начале XX в. наиболее крупные архивы имели: Сенат, Синод, Государственный совет, Комитет министров, Совет министров, Государственная дума, министерства внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, финансов, народного просвещения, Министерство двора. В том же ряду стоят Морское министерство, отделения Собственной его императорского величества канцелярии (среди них наиболее значителен архив Третьего отделения, сосредоточивший в своих фондах информационные сведения о всех «происшествиях» в стране в 1826–1880 гг.).

После Октябрьской революции на основании декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела» и других декретов об архивах в РСФСР, подписанных В.И. Лениным, все архивы правительственных учреждений ликвидировались как ведомственные, и хранящиеся в них документы составили Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ).

Документы учреждений, ведавших внешними сношениями России и СССР, были сосредоточены в архивах МИДа — в архиве внешней политики России и архиве внешней политики СССР. В ведении

Министерства обороны находятся архивы, в которых собраны военные и военно-морские материалы Великой Отечественной войны (1941–1945) и послевоенного периода. Документы, относящиеся к деятельности Российской академии наук и подведомственных ей учреждений, личные фонды ученых хранятся в Центральном архиве РАН (создан в 1728 г.), документы некоторых дореволюционных учреждений, монастырей, коллекции рукописей и т.п. сосредоточены в библиотеке РАН и других учреждениях. Архивы есть в Российской государственной библиотеке, Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Государственном Историческом музее, Центральном государственном музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, в республиканских и областных музеях и библиотеках, мемориальных музеях (например, архив музея Л.Н. Толстого, музея В.В. Маяковского и т.д.). Литературное наследство А.С. Пушкина сосредоточено в архиве, находящемся в ведении Института русской литературы (Пушкинский дом), А.М. Горького — в архиве Института мировой литературы.

Первый вопрос, который встает перед каждым, кто захотел обратиться к архивным документам, это — в каком архиве искать, ведь их так много? Действительно, от того, насколько правильно будет решен этот важнейший вопрос, во многом зависит успех или неудача всей дальнейшей работы исследователя. Итак, начинать архивные исследования нужно с обращения к справочной литературе. Весьма перспективным является обращение к интернет-страницам архивных учреждений, в частности к сведениям, собранным на интернет-портале Федерального архивного агентства.

После того как исследователь выбрал по справочникам-путеводителям требуемый архив, ему следует обратиться туда с письменным запросом в традиционном или электронном виде, в котором нужно изложить тематику и цель своих исследований, а в дальнейшем следовать полученным от архивистов рекомендациям, либо сразу приехать для индивидуальной работы в читальный зал. По действующему в РФ в настоящее время законодательству любой гражданин РФ имеет право изучать документы государственных архивов в читальных залах в соответствии с утвержденными в данном архиве правилами работы.

Дальнейшая самостоятельная работа связана с тщательным изучением имеющегося в архиве научно-справочного аппарата, включая тематические и именные каталоги, перечни документов, электронные базы данных, комплекс описей архивных фондов с целью определить потенциально интересную для изучения данной

темы совокупность архивных документов, а также с их просмотром. Любой обратившийся к архивным поискам исследователь должен понимать, что это чрезвычайно кропотливая и небыстрая работа, чем-то сродни работе золотоискателя — надо просмотреть массу материалов для того, чтобы, если повезет, найти нечто нужное для дальнейших исследований. Но трудности только увеличивают радость от находок, хотелось бы искренне пожелать любому исследователю хотя бы раз в жизни испытать тот упоительный восторг, который сопровождает нахождение столь долго искомых данных!

Важнейшая тенденция современного архивного дела — его информатизация. Она выражается в процессе усовершенствования технологий обработки архивных документов путем внедрения в архивное дело теоретических и прикладных разработок информатики, а также использования в работе архивов компьютерной техники и программного обеспечения. Следует отметить, что сами функции и направления работы, связанные с использованием архива, эволюционируют в результате внедрения современных информационных технологий. В настоящее время к объектам информатизации работы архива следует отнести: его комплектование и экспертизу ценности документов; создание и ведение информационно-поисковых справочников по всем документам архива; комплектование, хранение и поиск документов на машиночитаемых носителях; учет документов и контроль за обеспечением сохранности документов; создание страхового фонда и фонда пользования документами; информационно-справочная работа, контроль за исполнением запросов, поступающих от учреждений и исследователей. Очевидно, перспективы развития архивов в нашей стране тесно связаны с их цифровизацией и, следовательно, с доступностью для все более широкого круга исследователей. В свою очередь, это обстоятельство должно позитивно сказаться на общем ходе междисциплинарных исследований. Можно прогнозировать, что изменение формы архивных материалов послужит одним из факторов трансформации структуры научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыма Цянь. Избранное. М.: Гослитиздат. 1956.
2. Федоров Н. Ф. Соч. М.: Мысль. 1982.
3. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука. 1994.
4. Чанышев А. Н. Философия Древнего мира. М.: Высшая школа. 1999.
5. *Saint-Simon C.-H. et d'Enfantin P. Oeuvres*, Vol. 1–47, Paris: Dentu. 1865–1878.

Oganes V. Marinin, Artem A. Krotov

VIRTUAL ARCHIVES OF RUSSIA: HISTORY AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
ov_marinin@mail.ru; umo@philos.msu.ru

Abstract. The article discusses the main trends in the development of systematized repositories of human knowledge. From antiquity to the present day, both information carriers and ideological foundations associated with the tasks assigned to such storages have changed. Of course, the preservation of historical memory has always remained an unchanged guideline for the creators of archives and libraries. But the very ideas about the future, assumed by various projects of systematization of knowledge, were very different depending on the epoch. Of particular interest from this point of view is the concept of the archive put forward by N. Fedorov as part of his doctrine of mankind role in the universe. The article emphasizes that archives and libraries were called upon in different ways to perform a social function inseparable from their very existence. The prospects for the development of modern archives are directly connected with the processes of digitalization. Both document processing technologies and the way researchers communicate with the archive are being improved. The possibilities of scientific analysis of archival data are significantly increased. Currently, the objects of informatization of the archive should include: its acquisition and examination of the value of documents; acquisition, storage and search of documents on machine-readable information carriers; creation of an insurance fund and a fund for the use of documents. Obviously, the prospects for the development of archives in our country are closely related to their digitalization and, therefore, accessibility for an increasingly wide range of researchers. In turn, this circumstance should have a positive effect on the overall course of interdisciplinary research. It can be predicted that the change in the form of archival materials will serve as one of the factors in the transformation of the structure of scientific knowledge.

Keywords: modern archives, informatization, archives and libraries in history, digitalization in archival affairs

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Marinin O.V., Krotov A.A. (2025). Virtual archives of Russia: history and development prospects. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 198–206. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-14 (In Russ.)

About the authors:

Oganes V. Marinin — PhD in History, Associate Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ov_marinin@mail.ru

Artem A. Krotov — Doctor of Philosophy, Head of the Department of Theory and History of World Culture of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University; umo@philos.msu.ru

REFERENCES

1. Syma Cyan. 1956. *Izbrannoe* [Selected writings]. Moscow, Goslitizdat. (In Russ.)
2. Fedorov N.F. 1982. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl. (In Russ.)
3. *Filosofiya v «Enciklopedii» Didro i Dalama*. 1994. [Philosophy in Diderot and Dalember't's "Encyclopédie"] Moscow, Nauka. (In Russ.)
4. CHanyshhev A.N. 1999. *Filosofiya Drevnego mira* [Philosophy of the Ancient World] Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Saint-Simon C.-H. et d'Enfantin P. 1865–1878. *Oeuvres*, Vol. 1–47, Paris: Dentu.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024;
accepted for publication 25.12.2024.